Инв. 1160.

Минусинскій Городской Мартьяновскій Музей.

63.3(2)46
В-21

В. А. ВАТИНЪ.

МИНУСИНСКІЙ КРАЙ
ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Этюдъ по исторіи Сибири.

БИБЛІОТЕКА
Обл. Дома Учи

Минусинскъ.
Типографія А. Ф. Метелкина.
1913.

Включен
в
каталог

86993

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

РПМ БАН, з. 126, т. 300 000, 1.III.94

9(57) 63.3(2)46
9(57) В21
В-21
3771
ПРОВЕРЕНО 1939 г.
1941
1965
Инв. 86993
~~86993~~
~~1160~~

Минусинскій Городской Мартьяновскій Музей.

В. А. Ватинъ.

Минусинскій край въ XVIII вѣкѣ.

ЭТЮДЪ ПО ИСТОРІИ СИБИРИ.

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

Минусинскъ
Типографія А. Ф. Метелкина.
1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Введеніе. Борьба русскихъ за господство надъ верховьями Енисея въ 17-мъ вѣкѣ	1
I	Закладка остроговъ на верхнемъ Енисеѣ . . .	26
II	Саянскій острогъ, его администрація и казаки .	35
III	Ясачные инородцы Минусинскаго края въ 18 вѣкѣ	89
IV	Колонизація Минусинскаго края русскими въ 18 вѣкѣ	135
V	Горное дѣло въ Минусинскомъ краѣ въ 18 вѣкѣ	167
	Приложеніе I	193
	Приложеніе II	203
	Приложеніе III	204
	Приложеніе IV	205
	Приложеніе V	206
	Добавленіе	207

ВВЕДЕНІЕ.

Борьба русскихъ за господство надъ верховьями Енисея въ 17-мъ вѣкѣ.

Господство русскихъ въ Сибири распространялось быстро. Въ 1581 году казаки подъ предводительствомъ Ермака заняли Искеръ, столицу Сибирскаго царства, а уже въ первыхъ годахъ 17-го столѣтія были обложены ясакомъ туземцы, обитавшіе по верховьямъ Енисея.

Въ 17 вѣкѣ бассейнъ верхняго Енисея былъ населенъ слѣдующими народностями. Около Красноярскаго острога, по рѣкѣ Качѣ жили арины и качинцы, къ югу отъ нихъ, по лѣвому берегу Енисея, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Ачинскаго и Минусинскаго уѣздовъ кочевали киргизы, сосѣдями киргизовъ съ юга были сагайцы и саяны; по правому берегу Енисея жили котты, тубинцы и моторы. Эти народы, занимавшіеся скотоводствомъ и звѣроловствомъ, храбро боролись за свою независимость; въ теченіе всего 17-го вѣка русскимъ не удалось подчинить ихъ себѣ окончательно, ясакъ вносился ими крайне нерегулярно. Русскія поселенія были подвержены постоянной опасности отъ набѣговъ верхнеенисейскихъ инородцевъ, не разъ осаждавшихъ Кузнецкъ, Красноярскъ, даже Томскъ. Притѣсненія со стороны пришельцевъ, обиды и насилія, чинимыя русскими инородцамъ при взиманіи ясака, не могли расположить послѣднихъ въ пользу завоевателей.

Съ другой стороны, утвержденію русскаго владычества въ верховьяхъ Енисея мѣшало монгольское царство Алтынъ-Хановъ, имѣвшихъ на инородцевъ свои виды. Въ западной части монгольскаго плоскогорія, т. е. къ западу отъ истоковъ Селенги и озера Коссоголъ, до верхняго Иртыша образовалось къ серединѣ 16-го вѣка могущественное царство, подъ властью котораго находилось не только много монгольскихъ и калмыцкихъ племенъ, но и нѣкоторыя тюркскія народности, Киргизы на Енисеѣ и телеуты между Иртышемъ и Обью. Это было царство Алтынъ-Хановъ (золотыхъ хановъ), которые кочевали у истоковъ Енисея и озера Упсы.

Свѣдѣнія объ этомъ царствѣ мы черпаемъ изъ донесеній пяти посольствъ, состоявшихъ изъ томскихъ казаковъ, отправленныхъ къ Алтынъ-Хану отъ имени московскаго царя.

Около 1690 года царство Алтынъ-Хановъ было завоевано Галданомъ, основателемъ калмыцкаго царства [1].

Русскіе служилые люди прежде всего столкнулись на верхнемъ Енисеѣ съ воинственнымъ тюркскимъ племенемъ киргизовъ, доставившимъ больше всего хлопотъ завоевателямъ. Это потомки Хакасовъ на Та-киму (Енисеѣ), о которыхъ еще въ 14-мъ столѣтіи упоминаютъ лѣтописцы монгольской династіи подъ именемъ „Ки-ли-ки-ссе“ [2].

Посланный въ 1616 году къ Алтынъ-Хану казачій атаманъ Василій Тюменецъ въ донесеніи Томскимъ воеводамъ о

[1] Іоганнъ Фишеръ, Сибирская исторія, С.-Петербургъ, 1774, стр. 253, Radloff Aus Sibirien Leipzig, 1884, I, стр. 16-сл., Риттеръ, Землевѣдѣніе Азіи, томъ, III, стр. 482—497. Г. Васильевъ въ своей статьѣ „Урянхайскій пограничный вопросъ“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенья, 1912 апрѣль), написанной съ цѣлью потвердить научными аргументами необходимость аннексіи Урянхая, желая доказать исконныя права русскихъ на Урянхай, договаривается до слѣдующаго утвержденія: «Урянхайскій край до заключенія (Буреинскаго) договора формально состоялъ въ русскомъ владѣніи, благодаря подданству Алтынъ-Хана и его преемниковъ» (стр. 101). Это не мѣшаетъ ему, однако, на стр. 92 признать, „что все это подданство въ сущности говоря, было не больше, какъ фикція... Частыя взаимныя посольства сопровождались дарами, бывшими для хановъ выгодными, такъ какъ русскіе дары по своей цѣнности значительно превышали дары хановъ, носившіе у насъ громкое названіе дани“.

[2] Radloff, I, 181, также Карлъ Риттеръ, Землевѣдѣніе Азіи, томъ III, съ дополненіями П. Семенова. С.-Петербургъ. 1860, 536-сл. Ср. также Е. Яковлевъ, Этнографическій обзоръ населенія южнаго Енисея и описаніе этнографическаго отдѣла Минусинск. музея, Минусинскъ, 1900 passim

своемъ путешествіи сообщаетъ, что киргизы живутъ по рѣкамъ Юсу, Енисею, нижнему Абакану и Аскысу [1]. Во время второго посольства къ Алтынъ-Хану въ 1619 году маршрутъ казаковъ Ивашки Петлина и Петунки Киселева былъ таковъ: 10 дней пути отъ Томска до князя киргизовъ Немчи, оттуда 6 дней пути до киргизовъ на Абаканѣ, и 10 дней пути отъ Абакана до Кемчика, гдѣ кочевалъ Алтынъ-Ханъ [2].

Какъ сообщаетъ Щегловъ[3], киргизы стали платить дань въ Кетскій острогъ уже въ 1604 году. Однако, уже въ 1609 году они отпали отъ русскихъ сами и съ тѣхъ поръ непрерывно подстрекали къ отпаденію и приенисейскихъ инородцевъ.

„Томскіе жители въ 1609 году, по объявленію киргизовъ, что по ту сторону Енисеѣ около (будущаго) острога Абаканскаго живутъ разныя татарскія поколѣнія. Маты (очевидно Моторы), тубинцы и джесары, платящіе дань Алтыну-Хану, старались распространить уѣздъ свой еще далѣе“, говоритъ Фишеръ“[4] Уже тогда русскіе сдѣлали попытку обложить эти племена ясакомъ, но киргизы этому помѣшали; въ томъ же 1609 году киргизы сами отпали отъ русскихъ, посланныхъ къ нимъ для сбору ясаку казаковъ велѣли бить плетьми, „и попеже земля ихъ лежала въ срединѣ между взятыми недавно народами и жителями томскими, то пресѣчено было сообщеніе между обѣими сторонами“ [5].

Все же, въ 1609 году перечисленныя выше народности внесли въ первый разъ ясакъ въ государеву казну: по сообщенію Миллера въ его „Описаніи сибирскаго царства“ [6], въ страну моторовъ были посланы казаки Первушка Бобръ съ Оедькою Суботкинымъ, при нихъ толмачемъ былъ татаринъ Богулка; моторы обязались давать ясакъ въ Томскій острогъ

---

[1] Это донесеніе напечатано у Фишера, ор. с. 255-сл. о значеніи труда Фишера. въ сибирской исторіографіи см. Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, т. IV, стр. 348-сл.

[2] Фишеръ, ор. с. 297.

[3] Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири, Иркутскъ, 1883.

[4] ор. с. 216.

[5] Фишеръ ор. с. 216.

[6] Цитировано у Андріевича, Исторія Сибири, томъ I, С.-Петербургъ, 1889, стр. 45—6.

впредь сполна, а пока дали 60 соболей; не могли дать больше, потому что ихъ воевалъ Алтынъ-Ханъ и взялъ многихъ въ плѣнъ. Моторы обязались кочевать вмѣстѣ съ киргизами ближе къ томскому городу. Вмѣстѣ съ ними приняли подданство также тубинцы и джесары, къ тубинцамъ были посланы казаки Софронъ Петровъ и Василій Козаковъ съ толмачемъ Алибековымъ на рѣку Тубу, а стрѣльцы Ѳедоръ Лоносъ и Максимъ Афанасьевъ съ толмачемъ Уруксомъ Леонтьевымъ были отправлены „за Енисею въ новую землю, въ десары.“ Моторовъ насчитывалось тогда 300 человѣкъ, тубинцевъ 100. Моторы и тубинцы уплачивали дань, кромѣ того, еще черным калмыкамъ, а десары братскимъ, т.-е. бурятамъ.

Послѣ киргизскаго бунта 1609 года эти народы перестали платить ясакъ.

Власть русскихъ надъ верховьями Енисея могла укрѣпиться лишь послѣ того, какъ Андрей Дубенскій заложилъ на рѣкѣ Енисеѣ, при устьѣ рѣки Качи, острогъ Красный Яръ, въ 1628 году [1].

Послѣ постройки Красноярскаго острога были подчинены Качинцы, послѣ упорной борьбы. Не успѣлъ еще Дубенскій возвести Красноярскаго острога, какъ Качинцы, въ томъ же 1628 году, возмутились и соединившись съ сосѣднимъ народомъ аринами, подступили къ острогу. Острогъ отбился, потерявъ только нѣсколькихъ человѣкъ, убитыхъ возставшими въ полѣ. Для наказанія бунтовщиковъ Дубенскій отрядилъ 140 человѣкъ подъ начальствомъ Ивана Кольцова, который побилъ многихъ качинцевъ, ариновъ и киргизовъ и забралъ ихъ женъ и дѣтей въ плѣнъ. Только послѣ этого, въ 1628 году арины первый разъ уплачиваютъ ясакъ въ Красноярскъ, въ 1629 году платятъ ясакъ и качинцы [2].

[1] Фишеръ, ор. с. 283. Въ статьѣ Прѣснякова, Московское государство въ первой половинѣ XVII вѣка, помѣщенной въ I томѣ сборника „Три вѣка Россія отъ смуты до нашего времени“, подъ редакціей В. В. Каллаша, Москва, 1912, основаніе Красноярска невѣрно пріурочено къ 1620 году стр. 83

[2] Фишеръ, 283. Возставшіе татары, по его словамъ, „острогу не могли ничего сдѣлать, и принуждены были отступить отъ его со стыдомъ“. Не привыкшіе къ правильной войнѣ инородцы ничего не могли подѣлать съ укрѣпленными мѣстностями, возведеніе остроговъ было въ рукахъ русскихъ вѣрнымъ средствомъ для окончательнаго подчиненія туземцевъ.

О качинцахъ см. князь Костровъ, Качинскіе татары, Казань, 1852.

Въ 1629 году тубинцы и моторы, бывшіе прежде подданными города Томска, начинаютъ вновь платить ясакъ, теперь уже въ Красноярскъ, тубинцы дали 37 соболей, моторы просили сроку до осени [1]. По заявленію киргизовъ, въ 1628 г. у тубинскаго князя Сойта на рѣкѣ Канѣ было 300 человѣкъ собственныхъ людей [2].

Тубинцы не долго остаются въ повиновеніи, они соединяются съ коттами и въ 1630 году нападаютъ на русскихъ, но терпятъ пораженія, князь ихъ Каянъ бѣжитъ. Соединившись съ князцомъ Сойтомъ, Каянъ дѣлаетъ новое нападеніе на русскихъ; послѣднимъ приходится отступить послѣ упорнаго боя, они не потерпѣли полнаго пораженія лишь благодаря превосходству своего огнестрѣльнаго оружія надъ вооруженнымъ только лукомъ и стрѣлами противникомъ. Въ 1640 г. закладывается, наконецъ, Канскій острогъ на р. Канѣ, котты вынуждены подчиниться. Регулярно платить ясакъ тубинцы стали только съ 1654 года [3].

Тубинцы и моторы жили къ востоку отъ Енисея и полѣвому берегу рѣки Кана. Это были воинственныя племена, упорно сопротивлявшіяся русскимъ. Они жили въ своихъ урочищахъ въ полной независимости, хотя по имени, можетъ быть, и находились въ подчиненіи у Алтынъ-Хана: киргизы нерѣдко называютъ ихъ подданными Алтынъ-Хана. Главнымъ занятіемъ ихъ было звѣроловство. По мнѣнію академика Радлова, тубинцы и моторы принадлежатъ къ самоѣдскому племени [4].

Арины, во время прихода русскихъ, жили на лѣвомъ берегу Енисея, къ сѣверу отъ рѣки Качи. Въ 1608 году они впервые уплатили русскимъ ясакъ. Киргизы неоднократно подстрекали ихъ къ неповиновенію, такъ въ 1628 году арины въ союзѣ съ качинцами нападаютъ на Красноярскъ. Въ 1634 на аринovъ нападаютъ киргизы, арины какъ самостоятельная народность, прекращаютъ свое существованіе, и не-

[1] Фишеръ, 288.
[2] Фишеръ, 293.
[3] Фишеръ, 289-сл.
[4] Radloff op. c. I. 191.

большими кучками перебѣгаютъ къ сосѣдямъ, съ которыми и смѣшиваются [1].

Сагайцы, по словамъ Фишера, занимали верховья рѣкъ Юса, Абакана и Томи. Около 1620 года они были положены въ ясакъ изъ Кузнецкаго острога (Кузнецкъ былъ основанъ въ 1618 году, чтобы держать въ повиновеніи Кузнецкихъ татаръ). Въ 1621 году сагайцы отпали отъ русскихъ [2].

По словамъ Фишера, къ народамъ, населявшимъ верховья Енисея, принадлежали и саянскіе татары, или саяны, по всей вѣроятности предки нынѣшнихъ сойотовъ, или урянхайцевъ. „Саяны были прежде сего одинъ народъ," говоритъ Фишеръ; въ 17 вѣкѣ онъ различаетъ уже два племени саянскихъ татаръ: одно жило по ту сторону Енисея, между тубинцами и ордой Алтынъ-Хана, другое въ кузнецкомъ вѣдомствѣ. Русскимъ не удалось подчинить ихъ къ себѣ. Въ 1652 году кузнецкіе воеводы послали партію казаковъ подъ предводительствомъ Яковлева въ горы для подчиненія саяновъ. Казаки выполнили порученіе, но на возвратномъ пути знатнѣйшій саянскій князецъ Манзей напалъ на нихъ нечаянно, отнялъ у нихъ всѣ ихъ товары, лошадей и ружья, обрилъ у нихъ бороды, и въ такомъ видѣ со стыдомъ и безчестьемъ отпустилъ ихъ обратно въ Кузнецкъ [3].

По Юсу проживало также племя кизилловъ [4].

Въ лицѣ киргизовъ русскіе нашли самыхъ опасныхъ противниковъ своего господства надъ верховьями Енисея. Киргизы не только сами дѣлали непрерывные набѣги на русскія населенія, но подстрекали къ тому же и другія инородческія племена. Какъ сказано выше, по наущенію киргизовъ нападаютъ на русскихъ арины и качинцы, чтобы помѣшать постройкѣ Красноярскаго острога. Когда это имъ не удается, а киргизовъ тѣснятъ съ одной стороны русскіе, съ другой

---

[1] Фишеръ. passim Radloff e. c. 1, 188.

[2] Фишеръ, 294, По мнѣнію Радлова, 1, 188, сагайцы отатарившіеся енисейцы. Опокоренін кузнецкихъ инородцевъ ср. князя Костровъ. Городъ Кузнецкъ Историко статистическій очеркъ Томскъ 1880.

[3] Фишеръ, 559—461.

[4] Фишеръ, 474. ср. Ярилов, Кызыльцы и ихъ хозяйство, Юрьевъ, 1899, стр. 1-сл.

Алтынъ-Ханъ, киргизы дѣлаютъ попытку установить хорошія отношенія съ русскими. Киргизскіе князья Ишей, Тубунъ и Ишинеи вносятъ въ 1628 году въ Красноярскъ добровольно сто соболей, при чемъ просятъ русскихъ выстроить новую крѣпость на Кемчикѣ для защиты отъ Алтынъ-Хана [1].

Когда русскіе потребовали большаго ясака, князь Ишей отвѣтилъ, что они не могутъ платить больше, „понеже сами они не ловятъ соболей, но принуждены брать ихъ за долгъ у своихъ киштимовъ“ (данниковъ) [2].

Тѣмъ не менѣе, киргизы опять перестали платить ясакъ русскимъ и продолжали безпокоить ихъ своими набѣгами; къ концу 30-хъ годовъ киргизамъ передались почти всѣ качинцы[3]. До 1652 года киргизы правильно платятъ ясакъ Алтынъ-Хану; когда же въ 1653 году монголы собрались окончательно подчинить себѣ киргизовъ, часть послѣднихъ перекочевываетъ въ русскія владѣнія и отдается подъ власть русскихъ въ Красноярскѣ. Въ 1657 году Лобсанъ, сынъ Алтынъ-Хана, вторгается съ большимъ войскомъ въ предѣлы киргизовъ и вынуждаетъ ихъ къ полному подчиненію. Однако, и послѣ этого киргизы не переставали нападать то на русскія, то на монгольскія владѣнія, при чемъ объявляли себя подданными то русскихъ, то монголовъ [4].

„Всѣхъ безпокойнѣе и непостояннѣе были киргизы. Болѣе всѣхъ питали ненависть къ русскимъ тубинцы“, пишетъ Степановъ, первый енисейскій губернаторъ [5].

Всѣ инородцы, жившіе около Краснояpска и платившіе дань, или разбѣгались, не вынося положенія между двумя огнями, или возмущались и били русскихъ людей. Объ отношеніяхъ между русскими и приенисейскими инородцами въ 17-мъ вѣкѣ наглядное представленіе даетъ слѣдующая отписка краснояpскаго воеводы томскому. Когда въ 1652 году Алтынъ-Ханъ нагрянулъ на инородцевъ, требуя послушанія и ясака,

[1] Какъ видно владѣнія киргизовъ простирались до рѣки Кемчика.
[2] Фишеръ, 296—7; Radloff I, 183.
[3] Фишеръ, 478.
[4] Фишеръ, passim; Radloff I, 183—4.
[5] Енисейская губернія. часть II. С.-Петербургъ, 1835, стр. 128, ср. 126-сл.

Красноярскій воевода послалъ къ нему людей съ угрозою, что идутъ на него государевы ратные люди изъ четырехъ городовъ съ огнепнымъ боемъ. Ханъ испугался и ушелъ, не отказываясь однако отъ своихъ требованій относительно инородцевъ. Но какъ скоро монголы стали убираться въ свой кочевья, къ инородцамъ явились посланцы Красноярскаго воеводы съ требованіемъ, чтобы стояли крѣпко и неподвижно на своей правдѣ, къ Алтынъ царю не отъѣзжали. Киргизы, тубинцы и всѣ иноземцы вспомнили свою шерть (присягу), къ Алтыну царю не поѣхали; но русскіе при этомъ случаѣ съ ужасомъ примѣтили у нихъ тридцать русскихъ винтовокъ, пятнадцать пищалей калмыцкихъ, также много пороху и свинцу. На вопросъ, откуда они все это взяли? инородцы отвѣчали: „Привозятъ къ намъ изъ Томска всякіе люди и мѣняютъ на товары.“

Это указываетъ на существованіе уже тогда довольно оживленнаго торговаго обмѣна русскихъ съ инородцами.

Посланцы замѣтили также, что инородцы стрѣляютъ въ цѣль и убиваютъ не хуже русскихъ людей. „Впередъ, писалъ Красноярскій воевода томскому, впередъ отъ киргизовъ, тубинцевъ, алтырцевъ и керельцевъ добра ждать нечего, потому что они Алтына царя боятся и слушаютъ, они говорили моимъ посланцамъ:

„Съ тѣхъ поръ, какъ мы на своихъ земляхъ начались, ни одинъ монгольскій царь, ни царевичъ, ни монгольскіе, ни калмыцкіе тайши войною не бывали и воинскихъ людей не посылали; а теперь Алтынъ царь на нашу землю приходилъ съ 5000 человѣкъ. И если впередъ Алтынъ царь или сынъ его на насъ будутъ приходить, то намъ никакъ въ правдѣ своей не устоять, потому что Алтынъ-царь живетъ отъ насъ за саянскимъ камнемъ (горами) только въ днищахъ въ десяти пути“. И если, продолжаетъ воевода, Алтынъ царь или сынъ его съ большимъ войскомъ придетъ на государевы украйны, то мнѣ не только нельзя послать изъ Красноярска на выручку государевыхъ иноземцевъ, но и Красноярскаго острога уберечъ некѣмъ: потому что у меня служилыхъ людей только 350 человѣкъ, и изъ тѣхъ посылаютъ по разнымъ острожкамъ на годовыя службы за хлѣбными запасами, въ Москву за государевою казною, въ ясачныя земли для сбору ясака, по вѣстямъ въ проѣзжія станицы и на

отъѣзжіе караулы, всего посылается съ триста человѣкъ и болѣе. въ Красноярскѣ остается во все лѣто только пятьдесятъ человѣкъ и меньше, и у тѣхъ оружія нѣтъ и у половины, а въ государевой казнѣ нѣтъ ни одной пищали. Отъ подгородныхъ татаръ, качинцевъ, арынцевъ и ястынцевъ, которые кочуютъ подъ Красноярскимъ, добра ждать нечего, потому что они киргизамъ и тубинцамъ въ роду и въ племени, сами у нихъ женятся и дочерей своихъ за нихъ выдаютъ и мысль у нихъ съ ними одна [1].

До построенія Красноярскаго острога киргизы и прочіе приенисейскіе инородцы вносили ясакъ въ Томскъ, гдѣ и содержались ихъ аманаты (заложники). Только Сагайскіе татары были положены въ ясакъ изъ Кузнецка.

Не поладивъ съ томскими жителями изъ за ясака, киргизы передались красноярцамъ, но когда увидѣли, что господство красноярцевъ будетъ для нихъ много тяжелѣе, обѣщали уплачивать ясакъ опять въ Томскъ. И, дѣйствительно, въ 1630 году томскій пятидесятникъ Дмитрій Копыловъ взялъ ясакъ съ киргизовъ. Красноярскіе казаки угрожали киргизамъ огнемъ и мечемъ, если они не будутъ платить своего ясаку въ Красноярскъ. Но томскіе воеводы имѣли власть въ рукахъ такъ какъ городъ ихъ не за долго передъ тѣмъ былъ сдѣланъ провинціальнымъ, и отъ него зависѣлъ Красноярскъ; они запрещали красноярскимъ воеводамъ требовать ясакъ съ киргизовъ и наказывали казаковъ за угрозы [2].

Когда же правитель Ачинскаго острога Иванъ Кобыльскій, разбивъ въ 1642 году киргизовъ и взявъ у нихъ аманатовъ, отправилъ ихъ въ Томскъ, то красноярскіе жители остались этимъ очень недовольны. „Благодарность ли то, что у нихъ и тѣхъ отнять хотѣли, которые прежде сего беспрекословно имъ принадлежали: по силѣ царскихъ указовъ, ясачныя волости должны быть подъ властью близь лежащихъ городовъ, писали они въ своей отпискѣ.

По причинѣ такого сосѣдства киргизскій князецъ Ижеией Джесарскаго поколѣнія платилъ прежде сего дань въ Красноярскъ; тубинскіе князья всегда почитались за подданныхъ города Красноярска, хотя они и рѣдко вѣрными бывали

[1] Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. 3-е, Москва. 1880, томъ XII, стр. 280—291.

[2] Фишеръ, op. cit, 298—9.

впрочемъ, красноярцы лучше въ состояніи содержать сей безпокойный народъ въ страхѣ и послушаніи, нежели гораздо далѣе отстоящіе томскіе жители". Красноярцы пожаловались въ 1643 году въ Москву на несправедливое нарушеніе ихъ правъ, споръ былъ рѣшенъ въ пользу Красноярцевъ и опредѣлено, чтобъ киргизскія и тубинскія волости, прежде платившія дань въ Красноярскъ, и впредь по прежнему отдавать туда аманатовъ и платили бы туда дань. Тубинцы же провѣдавъ про поступокъ Кобыльскаго, начали „презирать Красноярцевъ", по выраженію Фишера, и князецъ ихъ Каянъ, придя на рѣку Канъ, потребовалъ дани съ Котоновъ. Томскіе же жители подговорили и сагайскихъ татаръ отослать съ безчестіемъ Кузнецкихъ казаковъ, требовавшихъ съ нихъ дани. Высоко ставя свой городъ, какъ „провинціальный", томичане называли кузнецкаго воеводу рабомъ томскаго, кузнецкихъ казаковъ своими кишлымами или подданными, и уговорили сагайцевъ давать ясакъ томскимъ казакамъ, что послужило причиной многихъ споровъ[1].

Эти любопытные факты лишній разъ показываютъ, что сборъ ясака съ инородцевъ былъ крайне доходной статьей для служилыхъ людей того времени, которой они и не хотѣли уступать сосѣдямъ.

Подобные случаи бывали не разъ при покореніи Сибири русскими.

Въ 1630 году Котовскіе князья Тесеникъ и Тюмакъ обвиняли въ Красноярскѣ Енисейскаго атамана Ивана Галкина въ томъ, что онъ во время похода нечаянно напалъ на нихъ ночью, истребилъ двадцать человѣкъ подвластныхъ Тесенику людей, взялъ въ плѣнъ жену его, дѣтей и многихъ другихъ инородцевъ, а жилища ихъ отдалъ на разграбленіе казакамъ.

При этомъ пропали пять сороковъ соболей, приготовленныхъ для уплаты ясака. Красноярцы увидѣли въ этомъ нарушеніе своихъ правъ и вступились за котововъ; енисейцы, тѣмъ не менѣе, удержали похищенное.

„И возможное ли дѣло, замѣчаетъ по этому поводу Фишеръ[2], чтобы воевода енисейскій согласился на возвращеніе пяти сороковъ соболей"?

---

[1] Фишеръ, op. cit, 489—481.

[2] Ор. с., сл. 293.

Въ 1635 году енисейскіе казаки затѣяли ссору съ красноярскими изъ за того, кто будетъ брать ясакъ съ бурятъ, енисейцы одержали верхъ. „Отъ сего красноярцы пришли въ такую ярость, что они при строеніи Балаганскаго острога напали на енисейцевъ; но сіи поступали съ ними равномѣрно, и не смотря на ихъ угроженія мѣсто за собой удержали“ [1].

Неизвѣстный авторъ относящагося къ концу 18 вѣка „Описанія новой земли, сирѣчъ Сибирскаго царства“ [2] говоритъ о Красноярскомъ округѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „а по другую сторону рѣки Томи горы зѣло высокія каменныя, и лѣса на нихъ зѣло темные всякіе, а около тѣхъ мѣстъ по рѣкамъ и по лѣсамъ живутъ государскіе ясачные люди, татарове, тубинцы, мразцы, кондомцы, верхніе киргизы“.

О величинѣ собираемаго съ инородцевъ въ 17 вѣкѣ ясака даетъ понятіе сообщеніе Степанова [3], что въ 1670 году собиралось по 4 соболя съ лука, т. е. со способнаго къ охотѣ на звѣря взрослаго мужчины, но собиралось съ жестокостью, притѣсненіемъ и лихоимствомъ. „Сборщики, пріѣзжающіе въ въ улусъ и состоящіе изъ сибирскихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ или казаковъ, поступали съ татарами, какъ нѣкогда, датчане съ жителями Британіи. Хозяинъ юрты выходилъ на встрѣчу, останавливался у входа и не смѣлъ взойти во внутренность жилища своего, доколѣ знаменитый гость не объявитъ, на то своего соизволенія. Многіе изъ иновѣрцевъ употребляемы были въ частныя работы начальниками различныхъ званій: никто изъ татаръ не зналъ правъ своихъ, ни обязанностей относительно побѣдителей. Они бросали свои стада и табуны; они готовы уже были откочевать за горы Саянскія въ степи Монголіи“.

Объ отношеніяхъ русскихъ къ инородцамъ даетъ понятіе жалоба представителя служилыхъ и ясачныхъ татаръ 5 улусовъ „всей Качинской землицы“, Корочана Тайларова „съ товарищи“ на притѣсненія отъ Красноярскаго воеводы Дурново.

---

[1] Фишеръ, 241, о столкновеніяхъ между енисейскими и мангазейскими казаками изъ за сбора ясака съ якутовъ, Фишеръ, 395-сл.

[2] «Описаніе» напечатано въ сборникѣ Титова. Сибирь въ XVII вѣкѣ, Москва, 1890. стр. 79.

[3] Енисейская губернія, часть II, 136.

Такъ, въ 1697 г. Дурново „поставилъ заставу въ тайгѣ на Ботойской вершинѣ“ изъ семи казаковъ, которые не пускали ясачныхъ татаръ въ „тайгу на соболиные промыслы“. Двое татаръ рискнули пробраться въ тайгу за соболями, но вернуться назадъ въ свои юрты не посмѣли, „забрели въ тайгу и замерли“ [1].

Многочисленныя граматы о киргизскихъ набѣгахъ, напечатанныя въ „Памятникахъ Сибирской исторіи 18 вѣка. Книга первая 1700—1713“. (Петербургъ, 1882 г.). вполнѣ оправдываютъ названіе „волости немирныя“, данное Ремезовымъ землямъ ясашныхъ инородцевъ Красноярскаго округа [2]. 18 января 1700 г. въ Москвѣ допрашивались прибывшіе изъ Сибири томскіе, кузнецкіе и красноярскіе служилые люди „о прежнихъ воровскихъ приходахъ киргизъ“, „А красноярскіе сынъ боярской Степанъ Миртыршина, конные казаки Лоонка Моисеевъ, Микитка Песеговъ сказали: къ Красноярску де прилегли немирные земли, Арантана Контайши люди, киргизы, калмыки, тубинцы, и Красноярскаго де уѣзда подъ слободы и деревни и подъ ясашныя волости подбѣгаютъ многолюдствомъ, воровски, человѣкъ по сту и больши и меньши, съ ружьемъ, съ пищалями, и съ копьи и съ сайдаки, и съ сабли, въ панцыряхъ и куякахъ и иныхъ воинскихъ доспѣхахъ и чинятъ служилымъ и ясашнымъ и иныхъ чиновъ людемъ всякое раззореніе и побиваютъ до смерти. А въ прошлыхъ годѣхъ тому года съ четыре, они воровскіе люди Красноярскаго уѣзду Канскій острогъ сожгли и ясашныхъ людей побили, а иныхъ многихъ взяли въ полонъ. И услыша де въ Красноярску служилыя люди, что они Канскій острогъ раззорили, настигши, ихъ воровъ побили жъ и животъ взятый взяли назадъ. И иные всякіе раззоренія имъ служилымъ и ясашнымъ людемъ и пакости чинятъ же. А приходятъ де они воровскіе люди подъ Красноярскіе уѣзды весною и лѣтомъ, въ страдную пору, а осенью, когда ясашные люди приходятъ съ есаломъ; и они де воровскіе люди у тѣхъ ясашныхъ людей есакъ насильствомъ отбиваютъ и всякую сбрую, топоры и котлы и всякіе запасы отнимаютъ“. Затѣмъ

[1] Н. Н. Оглоблинъ Красноярскій бунтъ 1695—8, Томскъ, 1902 стр. 18

[2] См. ниже.

красноярскіе служилые люди просятъ отъ великаго государя указа о наборѣ казачьихъ дѣтей, „сколько пристойно“, и дачѣ имъ жалованья, раньше находились охотники идти на тубинцовъ и безъ жалованья (очевидно, въ разсчетѣ на богатую добычу) „а нынѣ де безъ жалованья охотниковъ не будетъ потому, что мѣсто стало въ дальномъ разстояніи“ (инородцы переселились въ болѣе отдаленныя мѣста?) Идти противъ „воровскихъ людей“ нужно конницѣ, пѣхота не всостояніи за ними угнаться. „А не смиря де ихъ воровскихъ людей, пробыть невозможно“ [1].

Киргизскіе князья Еренякъ съ товарищи Ишеевъ неоднократно ходили подъ городъ Красноярскъ и въ Красноярскій уѣздъ войною. „и красноярскихъ служилыхъ людей и Качинскихъ и разныхъ земличъ и волостей ясачныхъ людей побивали, и въ полонъ имали, и животы ихъ грабили, и конные табуны и всякій скотъ отгашивали многажды“. Тогда къ нимъ были посланы изъ Красноярска служилые люди, которые угрожали киргизамъ войной въ случаѣ неповиновенья. „Киргизскіе князцы со всѣми своими улусные татары великому государю нашему, по своему бусурманскому обыклому закону, во всемъ шертовали,.... чтобъ имъ Киргизомъ подъ его великою государя самодержавнаго высокою рукою быть въ вѣчномъ холопствѣ неотступно, и быть имъ всѣмъ въ его государскомъ милостивомъ призрѣніи и во всякомъ послушаніи и въ покореніи, и служить ему великому государю нашему и прямить и во всемъ всякаго добра хотѣть..... и ясакъ съ себя и съ княтымовъ платить; а кочевать бы имъ киргизамъ на своей землѣ; а красноярскимъ русскимъ и разныхъ волостей ясашнымъ людямъ утѣсненія и обидъ и никакого разоренія не чинить, и съ нихъ ясачныхъ людей ясаку на себя и никакихъ податей имъ киргизамъ не имать.“ Но киргизы не остались вѣрны своей присягѣ „и шерти не Ѣреніемъ своимъ розвратъ учинили“, они не переставали дѣлать набѣги подъ Красноярскъ „и конные табуны и всякаго скота стада отогнали безъ остатку“. И, кромѣ того „они воры киргизы“ ежегодно являются въ ясачную Камешинскую землицу, и отнимаютъ предназначенныхъ для уплаты ясаку соболей, а у кого соболей нѣтъ, „берутъ грабежомъ всякой скотъ и котлы и топоры“.

[1] П. С. И., I, 4—5.

Въ 1683 г. были отправлены изъ Красноярска, вверхъ по рѣкѣ Енисею, на рѣкѣ Абалакъ, для добычи хмѣля и рыбныхъ ловель, 9 человѣкъ; „и они киргизы ихъ побили до смерти, а животы ихъ и статки пограбили безъ остатку."

Въ 1689 г. отпущено было изъ Красноярска 9 человѣкъ промышленниковъ, вверхъ по рѣкѣ Енисею, въ лѣса на соболиные промыслы, и ихъ воровскіе киргизскіе люди побили до смерти, а товарищи, 4 человѣка, ушли и прибѣжали въ Красноярскъ, покинувъ всякіе свои промышленные заводы, и платье и котлы, и топоры."

Въ 1692 г. киргизы увели изъ Канской и изъ Камасинской земель 37 человѣкъ ясачныхъ людей со всѣмъ кочевьемъ. Въ томъ же году они задержали у себя отправленныхъ изъ Красноярска въ калмыцкую землю пословъ и, ограбивъ ихъ, отпустили въ Красноярскъ; посланныхъ же „для сбору великого государя ясачной соболиной казны" въ Камасинскую землю трехъ служилыхъ людей, да еще трехъ ясашныхъ татаръ, „киргизскіе же люди побили до смерти, а сборную ясачную соболиную казну и сборщиковъ всякіе пожитки они взяли всѣ безъ остатку". Тогда же они отогнали къ себѣ больше 80 лошадей изъ деревни Бугачевской.

Въ 1693 г. киргизы замучили до смерти качинскаго ясачнаго татарина Куртеячкэ Чесѣева, выпытывая у него про табуны конскіе и рогатаго скота, у деревни Березовской отогнали больше 30 лошадей, подъ Караульнымъ острогомъ убили двухъ человѣкъ на рыбной ловлѣ [1].

Какъ мало можно было въ то время полагаться на обѣщанія туземныхъ князьковъ покориться и платить ясакъ, показываетъ слѣдующая отписка къ великому государю отъ Красноярскаго стольника и воеводы Мусина-Пушкина, присланная въ Москву вмѣстѣ со знаменемъ тубинскаго князца Шандычкова (1693 годъ). „Въ прошлыхъ де годѣхъ билъ челомъ великому государю въ вѣчное холопство Тубинской земли князецъ Шандычка съ улусными людьми, что ему великому государю служить и платить ясакъ въ Красноярскѣ.

[1] П. С. И. I, стр. 111—114. О нападеніяхъ киргизовъ на входящія въ составъ нынѣшняго Ачинскаго уѣзда, «землю Томскаго города» см. Ярилов, Кызыльцы и ихъ хозяйство, стр. 1 сл. и его же Мелецкіе инородцы 5 сл.

И онъ де Шандычко ясаку съ себя и съ улусныхъ людей не заплатилъ, и пріѣзжая онъ съ улусными людьми великаго государя въ ясашныя волости, ясашныхъ иноземцовъ, которые великому государю ясакъ платятъ, билъ и мучилъ, а иныхъ побивалъ до смерти, и ясакъ отнималъ и чинилъ всякіе раззоренія, и отъ того въ ясашномъ сборѣ недоборы великіе. А во 199 году (1691) покиня свою Тубинскую землицу, пришелъ великаго государя на Канскую землю, и прислалъ въ Краснояpской ясаку на прошлой 200 (1692) годъ малое число, и шертовалъ, что ему великому государю служить и ясакъ платить. И послѣ шерти въ Канскомъ острогѣ служилымъ людямъ угрожалъ и у канскихъ ясашныхъ людей отогналъ 207 лошадей, и запасы, и платья пограбилъ и чинилъ раззореніе". Тогда въ 1692 г. былъ отправленъ въ Канскую землю изъ Краснояpска Василій Многогрѣшный [1] со служилыми людьми, чтобы „смирить" Шандычку. Сначала Многогрѣшный попробовалъ покончить дѣло миромъ, потребовалъ отъ Шандычки взноса ясака, возвращенія взятыхъ имъ лошадей и „грабежныхъ ясашныхъ людей животовъ". Самъ же Шандычка долженъ былъ изъ Канской земли уйти „на урочища, гдѣ они прежде того кочевали". Но тубинцы не захотѣли даже вступать въ переговоры „и по служилыхъ людехъ изъ луковъ и изъ пищалей стрѣляли и многихъ перерапили, а иныхъ побили до смерти. И они де служилые люди, видя такое воровство, учинили бой; и Божіею помощью и его государскимъ счастіемъ, тѣхъ воровъ и измѣнниковъ Шандычку съ товарищи побили, а женъ ихъ и дѣтей поймали въ полонъ и знамя взяли; а иные де, зашедъ въ крѣпкіе мѣста окопались и лѣсомъ осѣклись, и сѣли въ осаду, и тѣхъ де осадныхъ людей они взяли же и побили". Изъ списка потерямъ видно, что въ карательный отрядъ входили и татары [2], такъ

[1] О Василіи Многогрѣшномъ см. у Н. Н. Оглоблина, Красноярскій бунтъ 1695—8 годовъ. Томскъ 1902, passim.

[2] Въ служилые люди верстались главнымъ образомъ крещеные инородцы. Положеніе служилыхъ новокрещенцевъ равно какъ и некрещеныхъ служилыхъ татаръ, было несравненно луше положенія пашенныхъ и ясачныхъ татаръ. См. Буцинскій, Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ, Харьковъ, 1889, стр. 309—311, также 100.

какъ, по донесенію Многогрѣшнаго, убито 4 пѣшихъ казаковъ, 1 пушкарь, 1 ясашный татаринъ, ранено дѣтей боярскихъ 3, конныхъ казаковъ 11, пѣшихъ 9, служилый татаринъ 1, охочихъ людей 2. И для преслѣдованія бѣжавшихъ „воровъ“ былъ оставленъ сынъ боярскій Титъ Саламатовъ съ 40 человѣкъ качинскихъ татаръ. Какъ видно, качинскіе татары въ то время были уже вѣрными подданными русскихъ тогда какъ въ первой половинѣ 17 вѣка качинцы сами не разъ доставляли русскимъ большія хлопоты своими бунтами. теперь Русскіе пользуются помощью качинцевъ противъ неукротимыхъ тубинцевъ. Качинцы, кочевавшіе въ то время подъ Краснояркомъ, въ первую голову страдали отъ набѣговъ „воровскихъ людей“, чинившихъ имъ „всякое раззореніе“, отнимавшихъ у нихъ „животы“ и предназначенный для уплаты русскимъ ясакъ.

Экспедиціей Многогрѣшнаго „воровъ и измѣнниковъ тубинцовъ побито, старыхъ и молодыхъ, съ 500 человѣкъ и болши. да въ полонъ взято женъ и дѣтей съ 600 человѣкъ и болше“ Да кромѣ того Титъ Саламатовъ съ качинскими татарами истребилъ въ тубинскихъ лѣсахъ 24 человѣка [1]. Это очень крупныя цыфры, такъ какъ въ началѣ 17 вѣка принявшихъ русское подданство тубинцовъ считалось всего 100 человѣкъ. „Воры и измѣнники тубинцы,“ какъ о нихъ обычно говорили грамоты [2], не могли ужо оправиться отъ такого пораженія [3].

15 марта 1700 г. послана царская грамота Красноярскому воеводѣ о походѣ противъ киргизовъ [4].

5 августа 1700 года, „въ ночи прибѣжали подъ Красноярской уѣздъ, подъ деревни Торгошину и Березовскую и Лодейку и деревню же атамана Михайла Злобина киргизъ человѣкъ со сто, и красноярскихъ жителей, подъ деревнею Лодейскою и Березовскою конныхъ табунщиковъ двухъ человѣкъ побили до смер-

---

[1] П. С. И., I, стр. 13—16. Любопытно, что, какъ видно изъ этой грамоты, тубинцы научились съ русскихъ употребленію огнестрѣльнаго оружія.

[2] П. П. И., I, стр. 115.

[3] Въ 1701 г. тубинцы упоминаются еще въ качествѣ киштымовъ езерскаго князя Мергеня Шорло, за которыхъ онъ обѣщаетъ вноситъ ясакъ въ казну [П. С. И. I, 179-сл.]. Въ 1703 тубинцы ушли съ береговъ Енисея вмѣстѣ съ киргизами. Красноярскій сынъ боярскій Злобинъ насчиталъ въ 1704 году всего 7 человѣкъ осталцовъ тубинцевъ. (П. С. И. I 234).

[4] П. С. И., I, стр. 30.

ти, а трехъ человѣкъ въ полонъ взяли, а конскіе табуны въ деревнѣ Лодейской и Березовской, да Атаманской всѣ безъ остатку отогнали“ [1].

Перечисленныя здѣсь деревни лежатъ подъ самымъ Красноярскомъ (всѣ онѣ указаны на чертежѣ Ремезова), по этому можно судить, до какой дерзости доходили киргизы.

Киргизы не давали покоя и деревнямъ Томскаго уѣзда, неоднократно приходили и подъ Кузнецкъ [2].

О мѣстностяхъ, занятыхъ киргизами въ началѣ 18-го вѣка, даютъ представленіе „распросныя рѣчи томскихъ дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей, ходившихъ въ киргизскія, калмыцкія и мунгальскія земли“ отъ 19 марта 1701 г. Томскіе дѣти боярскіе Петръ Петровъ, Иванъ Середининъ, пятидесятникъ Яковъ Кутынинъ, заявили: отъ Томскаго де до киргизскія землицы, до урочища рѣки Іюсу и Прюковъ, ходу будетъ на лошадяхъ со вьюками тихимъ ходомъ, 10 дней; а съ Іюсу Бѣлова отъ Калинкаго городка мимо Балыклыкуля и черезъ Юрбинскую вершину и черезъ Убатъ на рѣчку Миню пришли въ Олтырскую землю въ пятой день; а отъ той рѣчки до рѣки Абакану ходу день, а съ Абакану черезъ Камень по рѣчкѣ Чесапъ-Мохѣ и черезъ рѣку и на Кемчикъ ходу 6 дней, а съ Кемчика до Уланкума ходу 5 дней, а съ Уланкума до рѣки Теси, подлѣ Упсу-Норъ, ходу 5 дней“. Въ этихъ мѣстахъ кочевали калмыки. Того же числа конный казакъ Савка Смокотнинъ заявилъ, что изъ Томска шелъ онъ на верблюдахъ до киргизской землицы, до Чернаго Іусу, двѣ недѣли, „а на томъ де урочищѣ кочевалъ князецъ Шандычко Сейчикелевъ; а съ Чернаго де Іюсу одинъ день, а съ Бѣлова Іюсу шли они до Убату полтора дни, а съ Убату до Саянскаго Камню шли два дни, а чрезъ Саянской де Камень ходу до Кемчюка недѣля [3].

[1] Отписка Красноярскаго воеводы Петра Мусина-Пушкина къ Енисейскому воеводѣ Богдану Глѣбову, 5 августа 1700 г., П. С. И., I, стр. 76—7.

[2] П. С. И., I, стр. 89 сл., 92 сл., 97 сл., 101 сл.

[3] П. С. И., I, 118-119. Гмелинъ (Reise durch Sibirien, III, Göttingen, 1752, стр. 329), упоминаетъ о рукавѣ Енисея противъ горы Ирджи, носившемъ названіе «Воровской протоки» по имени жившихъ по близости киргизовъ.

377

Цѣнныя свѣдѣнія о народностяхъ, обитавшихъ въ верховьяхъ Енисея въ началѣ 18-го вѣка, даетъ „Чертежная книга Сибири, составленная сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ въ 1701 году“ [1]. На 13-мъ листѣ, „чертежѣ земли Томскаго города“, показана „земля Киргитская“ между рѣкой Енисеемъ и истоками Бѣлаго и Чернаго Юсовъ, къ югу отъ Ачинской, Камларской и Басагарской ясачныхъ волостей, подчиненныхъ Ачинскому острогу и вносившихъ ясакъ въ Томскъ. На листѣ 17-мъ „чертежѣ земли Красноярскаго города“ земли по р. Абакану названы „степь киргизъ и алтыръ немирныхъ“[2]. У устья Тубы показаны тубинцы, по рѣкамъ Сыдѣ и Комѣ „конные кашенцы немирные“. Кромѣ того, качинцы показаны къ сѣверу отъ Красноярска. У верховьевъ рѣки Енисея расположена „саянская земля немирная“, у рѣки Кемчика проживаютъ желтые мунгалы. По правую сторону Енисея показаны еще слѣдующія племена: Унтирцы, Карпасы, Лендерцы, Тимцы; по лѣвую сторону его—Обдутцы, Медучи, Орчаки. На „чертежѣ земли Кузнецкаго города“ на юго-востокѣ показаны саяны. По рѣкѣ Канѣ, около Канскаго острога, у Ремезова показаны Канскіе ясашные, Ястыцы ясашные, Камасинцы ясачные, Татинцы ясачные. Земли по верхнему теченію Енисея“, Абакану, Тубѣ и ихъ притокамъ всѣ посятъ имя „волостей немирныхъ“, тогда какъ на чертежахъ другихъ областей такого обозначенія не встрѣчается нигдѣ. Такъ, напримѣръ, на листѣ 14-мъ, на „чертежѣ земли Кузнецкаго города“, инородческія волости называются просто „волостями ясашными“.

Такимъ образомъ, къ концу 17-мъ вѣка самимъ русскимъ ихъ господство на Енисеѣ представлялось до такой степени непрочнымъ, что они не рѣшились помѣстить инородческія земли на картѣ подъ ихъ обычнымъ названіемъ „волостей ясашныхъ“, а ввели для земель приенисейскихъ инородцевъ новое обозначеніе „волостей немирныхъ“.

Къ югу отъ Красноярска у Ремезова не показано ни одного русскаго поселенія, за исключеніемъ Верхняго-Кара-

[1] Издана въ С.-Петербургѣ, 1882. О ней см. Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, т. IV, С.-Петербургъ. 1892, стр. 336 сл.

[2] О Киргизскомъ племени алтырцевъ упоминаетъ Фишеръ, стр. 493.

ульнаго острога. При острогѣ была церковь, судя по плану острога, приводимому Ремезовымъ въ его чертежѣ.

15—17 января 1701 года послана изъ Москвы грамата Красноярскому воеводѣ Мусину-Пушкину: онъ долженъ въ виду непрерывныхъ киргизскихъ набѣговъ „впредь жить съ великимъ береженіемъ и осторожностью". „Около которыхъ слободъ надолобовъ и рвовъ и иныхъ крѣпостей отъ приходу воинскихъ людей нѣтъ, и вы бъ велѣли около тѣхъ слободъ построить надолобы и покопать рвы, и укрѣпить накрѣпко всякими крѣпостьми, и пушки ставили; а буде пушекъ и ядеръ мало или нѣтъ, о томъ въ Тоболескъ писали. А гдѣ имъ непріятельскимъ воровскимъ людемъ приходъ лѣсными мѣсты и въ тѣхъ мѣстѣхъ учинить засѣки.....; когда на поляхъ хлѣбъ жнутъ и сѣна ставятъ, велѣли подѣлать подъ оборонью служилыхъ людей, чтобъ тогда въ готовности по переправамъ и тѣснымъ мѣстамъ, гдѣ имъ бываетъ переходъ и которые мѣста миновать имъ немочно, стояли съ ружьемъ и съ пушками въ готовности, чтобъ въ приходъ тѣхъ непріятелей мочно имъ отпоръ учинить....., осматривая во всемъ какъ бы нашей великаго государя казнѣ въ доходѣхъ было къ положенію и людемъ къ отрадѣ". Кромѣ того приказано сдѣлать спѣшную роспись „тѣхъ убытковъ, что въ которомъ году порозь въ скотѣ, въ платьѣ и въ ружьѣ и въ иныхъ какихъ разореніяхъ было", и со спискомъ убитыхъ служилыхъ и ясашныхъ людей и пашенныхъ крестьянъ прислать въ Красноярскъ [1].

Для переговоровъ о мирѣ съ киргизами и калмыками 7 августа 1701 года отправленъ десятникъ красноярскихъ конныхъ казаковъ, Романъ Торгашинъ, съ подъячимъ Куземкою Елисѣевымъ, толмачомъ Сомкою Лопаткинымъ и служилымъ Тимошкою Оедоровымъ. Ему приказано было выѣхать изъ Красноярска въ Калмыцкую землю, къ зайсану Аба, для приведенія къ шерти киргизскихъ князцовъ Корчюка и Шорло, изъявившихъ желаніе принять русское подданство. Послы были на рѣкѣ Абаканѣ въ Езерскомъ улусѣ, у князца Шор-

[1] П. С. И., I, стр. 132—3.

ло. Затѣмъ они поѣхали въ Алтырскую землю [1], въ посолскую юрту къ зайсану Абѣ, „А въ то время у него Абы въ юртѣ были всѣ киргизскіе князцы, кромѣ Корчюна; а Корчюнъ не былъ за болѣзнью; а имянами были порознь: алтырской тайша Батуръ, езерской Мергень Шорло, тайши алтызарскіе Агалакъ Кашка, Голега, Кубащи, со многими своими улусными знатными людьми. Русскіе послы (къ краснояpцамъ въ посольской избѣ присоединились и томскіе и кузнецкіе служилые люди) требовали обратно угнанныхъ киргизами лошадей, панцыри, куяки и ружье побитыхъ служилыхъ людей, а также возвращенія взятаго киргизами у русскихъ въ бою знамени. Изъ отвѣта тайши Мергеня Шорло явствуетъ, что русскіе не оставались въ дому у киргизовъ. „Въ прошломъ де 1700 году красноярскіе служилые всякихъ чиновъ люди приходили войною въ Киргизскую землю и повоевали Алтызарской улусъ, 50 юртъ, мужескъ полъ побили, а женъ и дѣтей въ полонъ побрали многое число, и скотъ и всякіе пожитки взяли; и иныхъ бы полоненой ясырь, и кони и рогатой и всякой мелкой скотъ, и соболи, и всякіе иноземскіе пожитки отдали; а они де киргизы 700 лошадей и побитыхъ ружье и знамя, и куяки, и панцыри сыскавъ отдадутъ. И того числа то посолское дѣло не состоялось“. Шорло Мергень обѣщалъ, наконецъ давать съ езерскихъ и съ тубинскихъ киштымовъ со всѣхъ улусовъ, съ трехъ сотъ луковъ, по соболю съ человѣка, а впередъ обѣщалъ давать и больше; за этимъ ясакомъ должны пріѣзжать изъ Красноярска добрые люди. Обѣщали также киргизы дать аманатовъ. Шорло Мергень просилъ разрѣшенія брать дань съ Канскихъ ясашныхъ людей лѣтомъ, послѣ того какъ государевы люди соберутъ съ нихъ ясакъ соболями, „желѣзомъ, и топорами, и орловымъ перьемъ, кромѣ соболей, добровольно, а не насильно и не грабежомъ“. Когда отъ киргизовъ были присланы въ Красноярскъ посланцы Тумачакъ и Эрка Кардачи „съ товарищи“, то воевода Мусинъ-Пушкинъ заявилъ имъ: „того, что вамъ Киргизамъ имать съ Канскихъ ясачныхъ людей дань, николи не будетъ, для того, что они Канскіе

[1] Алтырцы пали вверховьяхъ р. Абакана, см. чертежную книгу Ремезова.

и ясачные люди за Езерскими князцы николи не бывали, а бывали они Тубинскіе, а не Езерскіе, и нынѣ езерцамъ до тѣхъ канскихъ киштымовъ дѣла нѣтъ; а отъ Тубинцовъ завоеваны они Канскіе великаго государя ратными людьми, потому до тѣхъ киштымовъ дѣла нѣтъ". Тогда киргизскіе посланцы отказались отъ своего требованія. Въ результатѣ этихъ переговоровъ киргизскіе князцы шертовали великому государю [1].

Въ 1703 г. пятидесятникъ конныхъ казаковъ изъ Верхняго Караульнаго острога Өедоръ Моисеевъ написалъ въ Красноярскъ: „въ нынѣшнемъ де 1703 году октября въ 15 день, приходилъ въ Караульной острогъ кизыльской ясачной татаринъ, а въ вѣстяхъ сказывалъ: пріѣхали де 2500 калмыковъ въ Киргизскую землицу и *Киргисъ де къ себѣ загнали всѣхъ, и нынѣ де въ Киргизской землицѣ Киргисъ никого нѣтъ*". (Память красноярскимъ двумъ коннымъ казакамъ, отправленнымъ въ Караульный острогъ для призыванія инородцевъ въ ясачный платежъ, отъ 17 ноября 1703 г. [2].

Это—документальное свидѣтельство объ уходѣ киргизовъ съ береговъ Енисея къ калмыкамъ [3]. Послѣ этого пріѣхали подъ Караульный острогъ бохтинскіе киштымы Абалъ Кежегешовъ и другіе и винились: „измѣнили де они великому государю и русскихъ людей побивали по велѣнію киргизскихъ князцовъ". Затѣмъ они дали съ себя ясаку: Абалъ далъ бобра да лисицу за пять соболей, Кечки далъ бобра за три соболя, Содеякъ далъ два бобра небольшіе за 2 соболя. Тогда изъ Красноярска былъ посланъ конный казакъ Прокопій Кураевъ, чтобы выяснить гдѣ расположены кочевья киргизовъ и призвать Абала „съ товарищи" въ ясачный платежъ. „А какъ они Абалъ съ товарищи, по призыву его Прокофьеву, пріѣдутъ въ Красноярской или въ Караульный острогъ, и за тотъ ихъ ясакъ въ Красноярскомъ или въ Караульномъ острогѣ великій государь укажетъ поить и кормить довольно своимъ великаго государя жалованьемъ. А буде онъ Абалъ съ това-

[1] П. С. И., I, 174—196.

[2] П. С. И., I, № 58, стр. 232.

[3] Въ литературѣ до сихъ приводился лишь голый фактъ ухода киргизовъ безъ всякихъ доказательствъ.

варищи радѣніемъ своимъ призоветъ подъ его великаго государя самодержавную высокую руку свою братью киргизскихъ киштымовъ въ ясачный платежъ, и за то они Абалъ съ товарищи будутъ пожалованы великаго государя жалованьемъ“ [1].

26 января 1704 года были отправлены изъ Красноярска въ Киргизскую землю сынъ боярскій Иванъ Злобинъ [2] съ товарищами для сбору ясака съ киргизскихъ князцовъ и улусныхъ людей, такъ какъ „киргизскіе князцы и улусныя люди, по договору своему, съ киштымовъ своихъ ясаку не дали, и октября по 19 число прошлаго 1703 году аманатовъ не перемѣнили, и тѣмъ договоръ свой нарушали“. Но, сообщаютъ Иванъ Злобинъ, „мы... изъ Красноярска въ *Киргизскую землю ъздили и кирискихъ князцовъ никого не изъыхали,* а изъѣхали прежде осталцовъ тубинцовъ семи человѣкъ“. Отсюда видно, что и тубинцы удалились съ береговъ Енисея вслѣдъ за киргизами [3].

Русскіе служилые люди собрали съ тубинцовъ и киргизскихъ киштымовъ (подъ которыми нужно разумѣть, вѣроятно, сагайцевъ [4]) ясакъ.

Иванъ Злобинъ прилагаетъ и вѣдомость собранному ясаку. Малого Байкатовскаго улусу съ 14 человѣкъ 26 соболей. Конъ улусу съ 3 человѣкъ 3 соболя, да лисица за 2 соболя. Шарадановъ улусъ 5 соболей да ярецъ [5] за 3 соболя. Татаровъ улусъ 4 соболя. Аршуновъ улусъ 9 соболей. Большой Байкатовскій улусъ 25 соболей да ярецъ за 2 соболя. Урчинъ улусъ 6 соболей. Сыйской улусъ 2 соболя. Акса улусъ 2 соболя. Кайдыновъ улусъ 9 соболей, 2 бобра да 6 соболей. Нигара улусъ 19 соболей, лисица да ярецъ за 4 соболя. Кайдыновъ улусъ 19 соболей. Бугачевъ улусъ 65 соболей. Шимъ улусъ 26 соболей. Ургуновъ улусъ 26 соболей. Осталцы тубинцы 19 соболей. Всего собрано всякимъ звѣремъ осмъ сороковъ 26 соболей. „Да изъ тѣхъ же вышеписанныхъ улу-

---

[1] П. С. И., I. стр. 232—3.

[2] О немъ см. Оглоблинъ, Красноярскій бунтъ, passim.

[3] П. С. И., I, 234.

[4] П. С. И., I, 94.

[5] Яреецъ—годовалый бобренокъ, см. Даль, Толковый словарь живого великорусскаго языка, Т. IV, С.П.Б., 1882, стр. 70.

совъ ихъ же многіе сродичи, до нашего пріѣзду, унли 60 человѣкъ киштымы". Иванъ Злобинъ съ ясачнымъ Нишми-баевымъ ходилъ за бѣглецами за Камень (Саянскія горы), но послѣ безуспѣшныхъ поисковъ въ теченіе трехъ недѣль вернулся, киштымы обѣщали ихъ отыскать, и привести на прежнія урочища, а которые не уплатили ясака сполна обѣщали также доплатить въ государеву казну, такъ что въ слѣдующемъ году обѣщали внести заразъ полной ясакъ и тотъ недоплатной ясакъ. И о томъ договоръ былъ съ ними, что мнѣ Ивану съ товарищи впредь ихъ гдѣ сыскивать, договорились, что по тѣмъ мѣстамъ ставить имъ мѣты, и по тѣмъ мѣстамъ вы де насъ найдете; а мы де будемъ жить въ прикрытіи, для того, что опасны отъ иныхъ землицъ. А срокъ положили что быть мнѣ Ивану къ нимъ маія въ послѣднихъ числахъ и итти изъ Красноярска, а іюня въ первыхъ числахъ быть на ихъ землѣ. Да били челомъ великому государю въ Киргизской землѣ у сбору великаго государя жалованьемъ противныхъ землицъ..... и указалъ бы великій государь поить ихъ и кормить [1], чтобъ имъ быть на милость государскую впредь надежнымъ" [2].

Съ уходомъ наиболѣе стойкихъ и непримиримыхъ противниковъ русскихъ въ Сибири, киргизовъ, русскіе могли, наконецъ, стать твердой ногой въ „Киргизской землицѣ", и въ началѣ 18-го вѣка были построены въ ней первые остроги. Послѣ ухода киргизовъ, ни одна народность больше не угрожала господству русскихъ въ бассейнѣ верхняго Енисея.

О причинахъ такого внезапнаго ухода киргизовъ, послѣ того какъ они еще въ 1701 году шертовали великому государю, ничего неизвѣстно. Можно предполагать, что ихъ вынудили къ переселенію безпрерывныя нападенія русскихъ:

[1] Сравни наказъ отъ 18 февраля 1696 года, данный Нерчинскимъ воеводамъ, гдѣ изложеніе обязанностей воеводы распредѣлено по статьямъ. Ст. 27 предписываетъ отбирать у купцовъ въ казну великаго государя вино, карты и табакъ, «и виномъ и табакомъ поить иноземцевъ», которые будутъ вносить государевъ ясакъ. (Андріевичъ, II, 17—18). Русское правительство стремилось использовать пагубную страсть инородцевъ къ спиртнымъ напиткамъ въ интересахъ фиска, обѣщая «поить виномъ» въ награду за исправную уплату ясака.

[2] П. С. И., I, стр. 235—6.

напримѣръ, въ 1701 году противъ киргизовъ были снаряжены одновременно двѣ экспедиціи: изъ г. Томска въ составѣ 515 чел. подъ начальствомъ дѣтей боярскихъ Семена Лаврова и Алексѣя Круглика на Бѣлое озеро и рѣку Сережъ, въ нынѣшнемъ Ачинскомъ уѣздѣ, и другая изъ Красноярска, нанесшія киргизамъ большія потери [1].

Новая экспедиція, состоявшая изъ Ивана Великосельскаго съ 250 служилыми людьми, отправленная въ томъ же году, побила 50 человѣкъ киргизовъ, и взяла 72 человѣка ясырю [2].

Часто встрѣчающееся въ литературѣ [3] мнѣніе, что киргизы выселились съ береговъ Енисея къ югу согласно договору, заключенному русскими съ калмыцкимъ контайшей, не только не встрѣчаетъ опоры въ источникахъ, но прямо ими опровергается. Изъ приведенныхъ выше сообщеній казаковъ Оедора Моисеева и Ивана Злобина видно, что уходъ киргизовъ изъ ихъ земли былъ полной неожиданностью для русскихъ. Послѣдніе не получаютъ отъ киргизовъ обѣщаннаго ими ясака, посылаютъ къ нимъ своихъ людей для сбора дани и тогда только убѣждаются, что киргизовъ нѣтъ въ „Киргизской землѣ“ [4].

У верхнеенисейскихъ инородцевъ сохранились кой какія сказанія о борьбѣ, которую они вели съ русскими за свою

---

[1] (П. С. И., I, 136). Взятый въ плѣнъ «языкъ Корчинкова улуса именемъ Ятайка» на допросѣ тогда же сказалъ: «кочьде Допна Ирки и Корчинковъ и иныхъ князцовъ стоятъ всѣ въ собраніи въ одномъ мѣстѣ, за Уйбатомъ рѣкою, на рѣчкѣ Сеолѣ, и съ своихъ урочищъ сошли для того, что де ждутъ изъ городовъ на себя войны». (П. С. И., I, 140). У Ремезова, на чертежѣ земли Томскаго города (№ 13), Корчинковъ улусъ показанъ при сліяніи Бѣлаго и Чернаго Іюсовъ въ рѣку Чулымъ.

[2] П. С. И., I, 111.

[3] См. напримѣръ, Radloff Op. cit., I, 184.

[4] Словцовъ, Историческое Обозрѣніе Сибири, Москва, 1838, II, стр. 111, совершенно правильно оспариваетъ существованіе договора русскихъ съ калмыками объ уходѣ киргизовъ, и полагаетъ, что киргизы удалились на юго-западъ по собственной иниціативѣ, чтобы не оказаться стиснутыми между русскими и китайцами; однако, у него не было данныхъ для доказательства своего положенія.

независимость. Преданія сагайцевъ записаны Катановымъ [1]. Самый популярный герой ихъ Кангза, который вмѣстѣ съ братьями велъ упорную борьбу съ русскими. Другимъ сагайскимъ богатыремъ, оказывавшимъ сопротивленіе русскимъ, былъ Катанъ.

Воспоминанія русскаго населенія о борьбѣ съ инородцами были записаны Л. С. Личковымъ [2] въ Ужурской и Шарыповской волостяхъ Ачинскаго уѣзда.

---

[1] Преданія присаянскихъ племенъ о прежнихъ дѣлахъ и людяхъ, С.-Петербургъ, 1909, стр. 267—8. Тамъ же, стр. 281-2, другое также, отражающее борьбу съ русскими, сказаніе ариновъ объ истребленіи ихъ змѣями.

[2] Новыя данныя по исторіи заселенія Сибири, Кіевъ, 1894, стр. 38 сл. Какъ видно къ минусинскому краю не приложима характеристика, которую даетъ Элизе Реклю поступательному движенію русскихъ въ Сибири: «почти вездѣ завоеваніе было мирнымъ завладѣніемъ, и туземцы, слишкомъ малочисленные и разсѣянные на громадномъ пространствѣ, должны были безъ сопротивленія платить налагаемый на нихъ ясакъ или дань шкурами пушныхъ звѣрей». «Земля и Люди», т. VI, Азіатская Россія, С.-Петербургъ, 1883, стр. 436—Ср. также Латкинъ, Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее, С.-Петербургъ, 1892, стр. 392 сл.

I.

Закладка остроговъ на верхнемъ Енисеѣ.

Обычно въ Сибири основаніе острога прокладывало пути колонизаціи края; подъ защитой острога русскіе устраивали селенія, заводили пашни, занимались промыслами, добывали руду.

Мысль о постройкѣ острога въ верховьяхъ Енисея не разъ всплывала уже въ 17 вѣкѣ, но осуществленію ея мѣшали киргизы, доходившіе въ своихъ дерзскихъ набѣгахъ до стѣнъ Красноярска и даже Томска. Въ 1628 году киргизы заявили, что они будутъ имѣть возможность аккуратно платить русскимъ ясакъ только въ томъ случаѣ, если будутъ ограждены отъ поборовъ со стороны Алтынъ-Хака, „что можно весьма способно учинить, есть ли россіяне заложатъ острогъ у рѣки Кемчика“. Красноярскій воевода Дубенскій посовѣтовалъ имъ отправить пословъ въ Москву съ просьбой построить имъ острогъ. Тогда киргизы измѣнили свое мнѣніе и объявили, что постройка острога принесетъ имъ мало пользы, такъ какъ Алтынъ-Ханъ, если захочетъ, найдетъ много другихъ дорогъ черезъ горы [1]. Фишеръ замѣчаетъ, что „Красноярскіе воеводы равномѣрно старались чрезъ заложеніе новыхъ остроговъ привести уѣздъ свой въ большую безопа-

[1] Фишеръ, op. cit, 295 сл.

спость, но.... положенное (въ 1640 году) на мѣрѣ строеніе острога на устьѣ рѣки Упсы между тубинцами не исполнилось [1]. Наконецъ, въ пятидесятыхъ годахъ тубинцы, въ страхѣ передъ Алтынъ-Ханомъ, добивались постройки острога и присылки гарнизона, „но о томъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, мыслить было нельзя“ [2].

Желаніе выйти изъ тяжелаго положенія двоеданцевъ, обязанныхъ уплачивать ясакъ и русскимъ, и Алтынъ-Хану, побуждало инородцевъ хлопотать о возведеніи въ ихъ землѣ острога.

Только послѣ ухода киргизовъ можно было приступить къ постройкѣ острога, какъ опорнаго пункта русскаго господства надъ бассейномъ южнаго Енисея [3]. Верхній-Караульный острогъ былъ, впрочемъ, построенъ уже къ первымъ годамъ 18 вѣка, до ухода киргизовъ.

---

[1] Фишеръ, op. cit, 406.

[2] Фишеръ, op. cit, 515.

[3] Слова Словцова (op. cit., I, 207), о томъ, что «къ югу по паденіи Урянхайскаго ханства явились подъ конецъ 17 столѣтія у подошвы Саянскихъ горъ, форпосты Таштыпскій, Арбатскій, Саянскій, Шадатскій и пр.», и, что Абаканскій острогъ выстроенъ только «въ подпору этихъ форпостовъ» (op. cit., I, 307), опровергаются источниками, которые опредѣленно говорятъ, что первый острогъ, заложенный русскими въ Минусинскомъ краѣ послѣ Караульнаго—Абаканскій. О Саянскомъ острогѣ мы знаемъ точно со словъ Гмелина, что онъ былъ построенъ позже Абаканскаго. Форпосты, вообще, могли возводимыя русскими въ краѣ только послѣ закладки острога, который бы служилъ для нихъ базой. Въ концѣ 17 вѣка форпосты не могли появиться уже потому, что мѣстность, въ которой они расположены, была занята воинственными киргизами, въ своихъ набѣгахъ доходившихъ до Красноярска; послѣднимъ ничего не стоило бы расправиться съ немногочисленными казаками, составлявшими гарнизонъ форпостовъ. На чертежной книгѣ Ремезова, относящейся къ 1701 г., не показано ни одного русскаго поселенія вверхъ по Енисею, за исключеніемъ Верхняго Караульнаго острога. По Буреинскому договору съ Китаемъ охрана пограничныхъ знаковъ была возложена на ясачныхъ иноземцевъ Красноярскаго и Кузнецкаго вѣдомства, между тѣмъ изъ Саянскаго архива видно, что уже въ 1755 году посѣщеніе пограничныхъ знаковъ лежало на обязанности Красноярскихъ казаковъ. Очевидно, пограничные форпосты Таштыпскій, Арбатскій и Шадатскій и возникли между 1728 годомъ, годомъ заключенія Буреинскаго договора, и 1755: казаки съ этихъ форпостовъ, какъ мы знаемъ изъ Палласа, должны были осматривать пограничные знаки. См. ниже гл. II и IV.

По словамъ Галемейстера (Статистическое Обозрѣніе Сибири, С.-Пе-

Еще въ 1697 г. было велѣно изъ сибирскаго приказа построить острогъ на рѣкѣ Абаканѣ, а для строенія ѣхать изъ Томска, томскому казачью головѣ Осипу Качанову съ 300 красноярскихъ служилыхъ людей. Въ ихъ распоряженіе приказано было отпустить 3000 четей муки ржаной, 1000 четей крупъ овсяныхъ, 500 четей толокна, 1000 пудовъ соли, а также сколько понадобится долотъ, буравовъ и желѣза. Приказано было также „подѣлать суды и судовые припасы, буде томскихъ и енисейскихъ судовъ не достанетъ". Былъ сдѣланъ тогда же вызовъ желающихъ служить въ новомъ острогѣ, изъ числа красноярскихъ казаковъ и служилыхъ людей. Но въ 1699 году „по указу великаго государя, по отпискамъ изъ Тобольска ближнихъ стольниковъ и воеводъ Андрея Осоровича Нарышкина съ товарищи, и по отпискамъ же изъ Енисейска и изъ Кузнецкаго воеводъ и по челобитью томскихъ служилыхъ людей велѣно отстроить строеніе острогомъ, что изъ Тобольска хлѣбныхъ запасовъ послать нечего, въ оклады недостанетъ". (Отписка Красноярскаго воеводы къ воеводѣ Енисейскому 15 мая 1704 года [1].

Затѣмъ въ граматѣ Красноярскимъ воеводамъ о предосторожностяхъ отъ набѣговъ киргизъ отъ сентября 1701 г. говорится: „и буде чаять отъ нихъ киргизъ подъ Красноярской и подъ иные городы великаго приходу, велѣть въ Красноярску служилыхъ добрыхъ и знатныхъ и къ службѣ заобычныхъ людей призвать въ приказную избу, и съ ними посовѣтовать, въ пристойныхъ и крѣпкихъ мѣстахъ, гдѣ отъ незапнаго непріятельского приходу было безопасно, и къ селенію крестьянъ осмотря пригодные и хлѣбородные мѣста, въ близости

тербургъ, 1857, часть II, стр. 81), первымъ острогомъ въ Минусинскомъ краѣ былъ «Таштыбе, на рѣчкѣ того же имени, у подошвы восточныхъ отклоновъ Саяна; затѣмъ построены Абаканскій, Саянскій». Но онъ неприводитъ никакихъ доказательствъ своего утвержденія, а имѣющіеся у насъ источники опредѣленно говорятъ объ Абаканскѣ, какъ первомъ русскомъ острогѣ въ Минусинскомъ округѣ, построенномъ послѣ Караульнаго. Степановъ (Енисейская губернія II, 135), глухо говоритъ обоснованіи ряда форпостовъ у Саянскихъ горъ на рубежѣ 17 и 18 вѣковъ.

Ср. также Енисейская губернія, списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи, обработано Маакомъ, С.П.Б., 1864, стр. XXII.

[1] И. С. П., I. 243—4.

къ селамъ и ко всякимъ селидебнымъ угодьямъ, построить вновь острогъ со всякими оборонными крѣпостьми, смотря по тамошнему дѣлу, по разсужденію служилыхъ людей, какъ будетъ пристойнѣе, и около того острогу учинить валъ и ровъ, чтобъ во время непріятельскаго воинскаго многолюднаго наступленія, огнемъ или иными хитростями тому острогу и ратнымъ людемъ какова поврежденія учинить не могли". [1].

Отсюда видно, какія требованія предъявлялись, къ мѣсту гдѣ долженъ былъ быть построенъ острогъ: онъ долженъ былъ доставлять крѣпкую защиту отъ непріятельскаго нападенія и въ то же время лежать среди хлѣбородныхъ полей, удобныхъ для устройства крестьянскихъ селеній.

Томскіе служилые люди собирались было идти на службу великаго государя въ Киргизскую землю, но по случаю большихъ снѣговъ въ тайгѣ „великаго государя службу на киргизъ отсрочили". Когда жъ въ 1704 г. прибылъ въ Киргизскую землю для сбору ясаку Красноярскій служилый человѣкъ Иванъ Злобинъ (см. выше, введеніе), „киргизскіе князцы... словесно говорили, чтобъ на Киргизской землѣ, по указу великаго государя, для обороны отъ иныхъ земляцъ, построить острогъ: а какъ де острогъ построенъ будетъ, и они де въ казну великаго государя станутъ платить со всякаго человѣка по шести соболей, что бы имъ жить подъ великаго государя державою безопасно". Это обстоятельство и понудило Краснояскаго воеводу Мусина-Пушкина строить острогъ своими людьми: очевидно, ему не хотѣлось уступать столь доходныхъ ясачныхъ людей своему томскому коллегѣ [2]).

Въ той же отпискѣ къ енисейскому воеводѣ отъ 15 мая 1704 г. красноярскій воевода указываетъ, что по случаю большого недорода хлѣба въ уѣздѣ, въ Красноярскѣ ощущается сильный недостатокъ въ хлѣбѣ, мало также и денежной казны, а потому „для той его великаго государя службы ихъ служилыхъ людей денежнымъ жалованьемъ и хлѣбными запасы его великаго государя жалованьемъ пожаловать нечѣмъ". Уже съ 1694 г. повелѣно подвозить хлѣбъ изъ Енисейска въ Красноярскъ, доставляя его на дощаникахъ въ слободу Надпорожную. Съ 14 декабря 1700 года прекращена выдача хлѣба енисейскимъ служилымъ людямъ; „а Красноярскъ де

---

[1] П. С. И., I, 190.

[2] П. С. И., I, 245.

городъ украинной, прилегли многіе немирные земляцы и бываютъ они на службахъ великаго государя и въ дальнихъ посылкахъ, и голодъ, и всякую нужду терпятъ". Поэтому Красноярскій воевода просилъ о прибавкѣ къ окладу хлѣбнаго жалованья всего 2300 четвертей съ осминою ржи и 1818 четвертей овса, чтобы имѣть возможность выдать жалованье казачьимъ дѣтямъ, которые пожелаютъ жить въ новомъ острогѣ [1].

Наконецъ, въ 1707 году Абаканскій острогъ былъ построенъ посланнымъ изъ Томска сыномъ боярскимъ Ильей Цицуринымъ и Красноярскимъ сыномъ боярскимъ Конономъ Самсоновымъ съ красноярскими служилыми людьми. Хлѣбные припасы доставлялъ енисейскій воевода, котораго обязали и впредь высылать ихъ въ Абаканскъ ежегодно. „А для той посылки дано имъ (Цицурину и Самсонову) нашего великаго государя жалованья, денежные и хлѣбные и соляные ихъ полные оклады, изъ московской присылки". Изъ Енисейска было отправлено на постройку 200 человѣкъ, а съ ними теслы, долоты, напарьи, бурава да желѣза, кромѣ того двое кузнецовъ. Въ острогѣ оставлено 400 служилыхъ людей, въ томъ числѣ 300 красноярскихъ, 100 человѣкъ было набрано изъ томскихъ, кузнецкихъ и енисейскихъ служилыхъ людей. По постройкѣ острога, въ Москву были посланы чертежъ, статейный списокъ и опись острога. У енисейскихъ служилыхъ людей было взято и оставлено въ новопостроенномъ Абаканскомъ острогѣ мѣдная пушка съ походнымъ станкомъ вѣсомъ 12 пудовъ, къ ней 50 ядеръ желѣзныхъ, „100 дроби вѣсомъ полпуда", пороху, свинцу по 5 пудовъ, 5 гладкихъ пищалей, знамя тафтяное, барабанъ, кромѣ того 10 кирокъ, 10 теселъ, 10 заступовъ, 9 долотъ, 5 пудовъ желѣза. Служилымъ Абаканскаго острога было оставлено въ качествѣ хлѣбнаго жалованья 2000 пудовъ ржаной муки, взятой у 120 служилыхъ, отпущенныхъ обратно въ Енисейскъ [2], послѣдніе должны были вмѣсто этого количества хлѣба получить изъ государевой казны 400 рублей, по 6 алтынъ 4 деньги за пудъ,

[1] П. С. И., I, 246—7.

[2] А не оставленныхъ въ острогѣ, какъ пишетъ Андріевичъ (II, 185). Подобныя мелкія неточности попадаются у него постоянно.

цѣнѣ, въ которую обходился пудъ при доставкѣ въ дальнія городовыя службы Красноярскаго вѣдомства, „въ томъ числѣ дано на Москвѣ товарами и рухлядью, половину на 200 рублевъ, а другую половину 200 рублевъ велѣно выдать въ Енисейску деньгами изъ приказныхъ или изъ таможенныхъ доходовъ“[1]. (Грамата енисейскому воеводѣ 6 февраля 1708 г.)

Государевымъ указомъ велѣно было построить острогъ на рѣкѣ Абаканѣ [2]. Между тѣмъ его построили въ 60 верстахъ къ сѣверу отъ устья этой рѣки. Очевидно, красноярскіе служилые нашли это мѣсто болѣе подходящимъ, назвали же острогъ Абаканскимъ въ силу приказанія построить его на рѣкѣ того же имени.

Въ 1709 году былъ заложенъ Саянскій острогъ, въ 120 верстахъ къ югу отъ Абаканскаго [3]). Первоначально острогъ предполагали построить на равнинѣ, въ 7 верстахъ выше по Енисею у подножья горы Омай-Тура. Равнина, поэтому и носитъ названіе „Означенной“ [4]). Теперь тамъ находится деревня того же имени. Гарнизонъ острога, по словамъ Гмелина, былъ опредѣленъ въ 100 человѣкъ, которымъ удалось совершенно очистить присаянскій край отъ киргизовъ [5]).

Въ 1722 году Минусинскій край посѣтилъ Даніилъ-Готтлибъ Мессершмитдъ, вызванный въ 1716 году изъ Даніи Петромъ Великимъ для поѣздки въ Сибирь [6]). Матеріалы со-

---

[1] П. С. И., I, 313—5.

[2] П. С. И., I, 313.

[3] Johann Georg Gmelin, Reise durch Sibirien von dem Jahr 1738. bis zu Ende 1740, III, Theil Göttingen, 1752, стр. 295. Драгоцѣнныя историческія свѣдѣнія, сообщаемыя Гмелиномъ, остались совершенно неиспользованными въ нашей литературѣ; Пыпинъ, посвятившій Гмелину рядъ любопытныхъ страницъ въ своей «Исторіи русской этнографіи» (т. IV 225—234), справедливо замѣчаетъ: «надо жалѣть, что содержаніе книги осталось до сихъ поръ чуждо нашей литературѣ» (стр. 230).

[4] Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reiches, S Petersburg, III Theil, 388.

[5] По словамъ Гмелина [ibid], острогъ былъ выстроенъ для вытѣсненія изъ края киргизъ—казаковъ. Онъ, очевидно, смѣшиваетъ съ послѣдними енисейскихъ киргизовъ, не задолго до этого покинувшихъ страну.

[6] О значеніи рукописей Мессершмидта для изученія Минусинскаго края въ археологическомъ и историческомъ отношеніи см. Ф. Я. Конъ,

бранные Мессершмидтомъ во время его экспедиціи не были опубликованы, кой-какія „Извлеченія изъ путевого дневника Д. Г. Мессершмидта“ приводитъ академикъ В. Радловъ въ „Сибирскихъ древностяхъ“. Матеріалами Мессершмидта воспользовался и историкъ Сибири Г. Ф. Миллеръ; извлеченія изъ его рукописи „Reise einiger Glieder der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften durch Sibirien“ даются въ вышеупомянутомъ сочиненіи Радлова. Приводимъ сообщаемыя въ пей свѣдѣнія по исторіи Минусинскаго края.

„Въ прошломъ де 1711 году—показываетъ въ 1726 году въ Краспоярску въ воеводской канцеляріи краспоярскій конный казакъ Григорій Бегуновъ подъ опасеніемъ смертной казни.... посланъ онъ Григорій былъ изъ Краспоярска съ сотникомъ Оедоромъ Кольцовымъ съ товарищи съ листомъ для сыску бѣглыхъ Краспоярскаго присудства абаканскаго острога ясашныхъ иноземцевъ, которые бѣжали изъ Кайбальской землицы въ Мунгальскую землицу“. Въ пути, на берегу рѣки Теси, Бегуновъ наткнулся на писаницы.

Въ 1716 или 1717 году дѣти боярскіе Андрей Еремѣевъ и Иванъ Пашивошниковъ были отправлены вверхъ по Енисею для разныхъ географическихъ развѣдокъ и выбора мѣстъ, удобныхъ для постройки крѣпостей и остроговъ. По возвращеніи въ Краспоярскъ они передали въ канцелярію географическую карту пути и письменное донесеніе обо всемъ замѣчательномъ, видѣнномъ ими на Енисеѣ. Какъ разсказывалъ Пашивошниковъ въ 1735 году „господамъ профессорамъ“, Миллеру и Гмелину, онъ былъ тогда „выше Кемчуга рѣки...., за Саянскимъ камнемъ, на рѣчкѣ Джакулѣ“, откуда онъ привезъ въ Краспоярскъ „листовъ съ двадцать.... татарскихъ писемъ на синей бумагѣ“. „Письма“ эти, вѣроятно, Тангутскія [1]].

Историческій очеркъ Минусинскаго мѣстнаго музея, Казань, 1902, стр. 6 сл., И. Т. Савенковъ, О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ, Москва, 1910, 66, сл. Кой-какія географическія данныя о Минусинскомъ краѣ, собранныя Мессершмидтомъ, приводятся у Риттера, Землевѣдѣніе Азіи, т. III, стр. 457—8.

[1]] Радловъ, op. cit., СПБ., 1894, стр. 78

Съ постройкой двухъ остроговъ въ краѣ стало сравнительно безопасно, грабежи и нападенія киргизовъ отошли въ область преданія. Кочевавшіе подъ Красноярскомъ инородцы воспользовались этимъ замиреніемъ и передвинулись къ югу, въ предѣлы нынѣшняго минусинскаго уѣзда. Косченской землицы ясаулъ Буечекъ Кулчаковъ объявляетъ въ своемъ челобитіи: „въ прошломъ де и нынѣшнемъ 1720 году, въ разныхъ мѣсяцѣхъ и числѣхъ, уѣхали изъ Красноярска безъ отпуску подгородные Коченскіе и Аренскіе и Ястынскіе служилые и ясашные татары со своихъ урочищъ съ женами и съ дѣтьми и со скотомъ вверхъ Енисея рѣки, и живутъ въ разныхъ мѣстѣхъ, гдѣ прежъ сего жили киргизы". [Изъ указа красноярскому коменданту о принятіи мѣръ предосторожности отъ иноземцевъ, прикочевавшихъ вблизи государевыхъ ясачныхъ волостей, отъ 10-го ноября 1720 года [1].

Это единственное имѣющееся у насъ документальное свидѣтельство о переходѣ качинскихъ татаръ изъ подъ Красноярска въ Минусинскій край.

Качинцы заняли сѣверную часть абаканскихъ степей. Около того же времени и другія племена двинулись на мѣста, очищенныя киргизами. Съ юга проникли бельтиры, съ юго-востока койбалы. Эти племена, вмѣстѣ съ нѣкоторыми тюркскими племенами, двинувшимися съ Алтая на востокъ, и заняли южную часть долины Абакана до рѣки Аскыза [2].

Койбалы должны были переселиться на занимаемыя ими въ 18 вѣкѣ мѣста уже въ первыхъ годахъ этого вѣка, такъ какъ койбальская землица упоминается уже въ 1711 году въ приведенномъ выше показаніи казака Бегунова.

Инородческое населеніе въ началѣ 18 вѣка находилось въ текучемъ состояніи. Мы имѣемъ рядъ извѣстій о томъ, что инородческіе роды перебѣгаютъ за предѣлы Россіи, „въ Мунгалы".

Въ сентябрѣ 1720 года, по указу государя, распоряженіемъ Красноярскаго коменданта Димитрія Борисовича Зу-

[1] Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка, книга вторая. 1713 – 1724 годы, С.-Петербургъ, 1885, стр. 282.

[2] Radloff, Aus Sibirien, I, 209—210.

бова, командированъ за Саянскій камень, въ Мунгалы, къ владѣльцу Гунбеку, боярскій сынъ Тимоѳей Ермолаевъ со служилыми людьми: Соловьевымъ, Лалетинымъ, Ярославцевымъ, Ананьинымъ, толмачемъ Селенгою и съ писцами: Бѣсяшинымъ, Песеговымъ, и Смольяниновымъ, Ермолаеву велѣно было вернуть изъ Монголіи бѣжавшихъ изъ подъ Абаканскаго острогу 17 октября 1719 г. койбальскихъ иноземцевъ Аргамака и Шуруктея „съ товарищи въ тридцати лукахъ“. (Подъ „луками“ нужно разумѣть взрослыхъ мужчинъ, способныхъ къ охотѣ на пушного звѣря для добычи ясаку). Бѣглецы поселились за Саянскимъ камнемъ у Жабыдаргіи. Ермолаева монголы недопустили до Гунбека, все же ему вернули 20 луковъ, а когда онъ сталъ настаивать, что и остальные—„нашего государя ясачные люди“, и сталъ грозить въ случаѣ невыдачи ихъ войной, то были возвращены и остальные. Привезенный въ Красноярскъ для допроса изъ числа бѣжавшихъ кайбальскій ясашный иноземецъ Шиндай Тугуновъ заявилъ: „бѣжали де они изъ Кайбальской землицы за Саянскій камень отъ крещенія, того ради, что де была имъ вѣсть, что де хотятъ ихъ крестить [1], и они де отъ того и бѣжали; а какъ де вѣсть будетъ, что де крестить не будутъ, и они де итти на свою землю хотѣли“ [2].

Въ началѣ 18 вѣка, наконецъ, была опредѣлена граница владѣній Россіи въ восточной Сибири [3].

Въ 17 вѣкѣ еще не могло быть и рѣчи объ установленіи точно опредѣленныхъ границъ съ смежными народами. По Нерчинскому договору съ Китаемъ въ 1689 году опредѣлена въ общихъ чертахъ южная граница въ Восточной Сибири, по рѣкѣ Аргуни [4]. 20 августа 1727 года былъ заключенъ

[1] Между тѣмъ еще въ 1686 г. великіе государи указали и бояре приговорили, чтобы иноземцевъ, желающихъ принять православіе, по подачѣ ими челобитныхъ, допрашивали, добровольно ли и по убѣжденію ли они хотятъ креститься. Андріевичъ, ор. с., II, 22.

[2] Докладъ сына боярскаго Тимоѳея Ермолаева, сентябрь 1720 г., П. С. И., II. 270—280.

[3] Къ этому вопросу см. В. Н. Васильевъ, Урянхайскій пограничный вопросъ. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1912 г., апрѣль), 66 сл.

[4] Васильевъ опредѣляетъ границу Россіи въ южной части нынѣшней Енисейской губерніи въ 1725 году совершенно неправиль-

съ Китаемъ графомъ С. В. Разумовскимъ новый пограничный договоръ, Буренпской. Въ тогдашней Енисейской провинціи были учреждены три пограничныхъ караула. При одномъ караулы были назначены отъ ясачныхъ иноземцевъ вѣдомства Удинскаго острога, входившаго тогда въ Красноярскій дистриктъ. Другой караулъ назначенъ противъ знаковъ 20, 21, 22, 23 (на хребтѣ Эрикъ-Таргакъ-Тайга, при р. Уса; на правой сторонѣ р. Усы; на хребтѣ Хонинъ-Дабага; на устьѣ рѣки Кемкемчика-Бамъ)—караулы назначены отъ Красноярскихъ ясачныхъ иноземцевъ, о чемъ послана промеморія въ Красноярскую воеводскую канцелярію 19 апрѣля 1728 года. II, наконецъ, послѣдній караулъ противъ знака 24, на Шабинъ-Добага возложенъ на ясачныхъ иноземцевъ Кузнецкаго вѣдомства, на Белтирскій и Сагайскій роды, подъ надзоромъ эсауловъ этихъ родовъ Магалокова, Азылбаева, Тылбичекова и Куштеева [1].

Наблюденіе за окончаніемъ знака возложено на Кузнецкаго служилаго Василія Кузнецова, о чемъ и написано кузнецкому управителю отъ 24 ноября 1727 года (Изъ „Описанія карауловъ и маяковъ на границѣ съ китайскими владѣніями, учрежденныхъ Буренпскимъ трактатомъ“ [2].

Буренпскимъ договоромъ окончательно былъ опредѣленъ размѣръ владѣній Россіи въ сопредѣльныхъ съ Монголіей странахъ, съ тѣхъ поръ владѣнія Россіи въ этой части имперіи больше не расширялись.

но, по его словамъ, она проходила немного ниже устья Абакана у абаканскаго острога. Онъ не знаетъ о постройкѣ Саянскаго острога (ор. с., стр. 86).

[1] Порученіе охраны границы инородцамъ отразилось въ слѣдующемъ сказаніи Качинскихъ татаръ, записанномъ Катановымъ (ор. с., 283-4). Подъ покровительствомъ Бога и духовъ горъ и водъ предки инородцевъ счастливо добывали черныхъ соболей и иной дичи. Услышавъ объ этомъ Бѣлый царь потребовалъ съ нихъ подати, и ее стали платить добровольно мѣхами соболей. Получивъ дань, царь сказалъ, что за городами онъ будетъ наблюдать самъ и что наблюденіе за тайгою и за тѣмъ, чтобы въ тайгѣ не случилось какой воровской войны, поручаетъ инородцамъ, избавляя за это ихъ отъ солдатчины. Съ тѣхъ то поръ, добавилъ разсказчикъ, наши предки и имѣютъ ружья, не покидаютъ своей тайги и не идутъ въ солдаты.

[2] Приведено у Андріевича, Исторія Сибири, ч. II, С. Петербургъ, 1889, стр. 447, также ср. стр. 94 сл.

II.

Саянскій Острогъ, его администрація и казаки.

Переходимъ теперъ къ главному источнику, лежащему въ основѣ настоящей работы,—къ архиву Саянскаго острога. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о сибирскихъ архивахъ въ 18 вѣкѣ.

Въ 18 вѣкѣ архивы въ Сибири были приведены въ кой какой порядокъ, по сравненію съ безпорядочнымъ веденіемъ дѣлопроизводства въ сибирскихъ городахъ въ 17 вѣкѣ. „Видимо намъ учинилось, говорится въ царской грамотѣ отъ 20 апрѣля 1700 года, данной на имя воеводы Осипа Тухачевскаго, что во многихъ сибирскихъ городахъ наши великаго государя граматы и дѣла и столпы и книги прошлыхъ лѣтъ валяются подъ приказными избами и въ амбарахъ, и небреженіемъ отъ многихъ лѣтъ лежа погнили, и мыши переѣли, и подраны, а въ Красномъ Яру хитростью и воровствомъ бывшихъ воеводъ изъ Красноярска свезены“. Приказано дѣла привести въ порядокъ, по годамъ, составить имъ описи и хранить въ сундукахъ [1].

Съ 1701 года приказано „челобитчиковыя, приказныя, докладныя и иныя разныя выписки и черныя о всякихъ дѣлахъ... граматы, и всякихъ чиновъ людей сказки, и челобитчиковыя дѣла,—писать въ листы и въ тетради дестевые, а не въ столбцы..., а впредь въ столбцы никакихъ дѣлъ не пи-

[1] П. С. П., I. 77 сл.

сать". Это установлено потому, что при писаніи въ столбцы исходило вдвое больше бумаги, ибо записывалась только одна сторона, да кромѣ того отъ долгаго лежанія приклеенные листы бумаги въ столбцахъ откленвались и терялись, что дѣлало невозможнымъ производство справокъ въ дѣлахъ за прошлые годы. Дѣла записанныя въ тетради, удобнѣе сохранять потому что ихъ можно переплетать. Всѣмъ дѣламъ приказано давать оглавленіе и по подшивкѣ бумагъ скрѣплять по листамъ рукою дьяковъ. Бумаги подписывать воеводамъ и скрѣплять дьякамъ и подъячимъ. (Царская грамата Енисейскому воеводѣ за декабрь 1700 года [1]).

Такъ какъ въ деревянныхъ зданіяхъ было опасно хранить дѣла, то въ 1736 году повелѣно строить въ провинціяхъ каменныя зданія какъ для архивовъ, такъ и для казначействъ [2]).

Саянскій архивъ упоминается въ сочиненіяхъ Пестова, Записки объ Енисейской губерніи, Москва, 1883, стр. 277—279, и Степанова, Енисейская губернія, Часть 1, 146—9 [3]).

Степановъ довольно правильно характеризуетъ значеніе архива въ слѣдующихъ словахъ: „Архивъ есть собраніе древнихъ картинъ, часто нестоющихъ вниманія; но въ которыхъ можно открывать иногда обычаи, обряды и даже самый духъ прошедшихъ временъ". При Степановѣ архивъ хранился еще въ самомъ Саянскѣ. Пестовъ приводитъ выписки изъ документовъ (за 1732, 1744 и 1775 годы,) которыхъ въ хранящихся въ Минусинскомъ мѣстномъ музеѣ связкахъ не имѣется. Очевидно Пестовъ имѣлъ передъ собой архивъ въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ то собраніе документовъ, которымъ мы пользовались. Это и не удивительно, такъ какъ до насъ архивъ дошелъ въ крайне фрагментарномъ и безпорядочномъ состояніи. Онъ сброшюрованъ въ трехъ связкахъ: въ первой находятся дѣла съ 1732 по 1749 годы (не хватаетъ дѣлъ за 1739 и 1744 годы), въ второй—дѣла съ 1750 по 1759 годы, въ третьей—дѣла съ 1760 по 1793 годы (не хватаетъ дѣлъ за 1768—1774, 1777—1781, 1783—1784, 1786, 1788 и 1790 годы).

[1]) П. С. И., I, 98—100.

[2]) Андріевичъ, II, 74.

[3]) Степановъ не сообщаетъ новыхъ свѣдѣній объ архивѣ, а повторяетъ лишь слова Пестова.

Многія дѣла идутъ въ неправильномъ порядкѣ, такъ напримѣръ за дѣлами 1742 года идутъ сразу дѣла 1745 года, за дѣлами 1745 года дѣла 1743 года. Сплошь и рядомъ въ дѣлахъ какого либо года попадаются бумаги либо предшествующихъ, либо послѣдующихъ годовъ, такъ напримѣръ въ дѣлахъ за 1750 годъ находятся двѣ бумаги 1760 года. Всего сохранились дѣла за 39 лѣтъ, которымъ и присвоены номера съ 1 по 39-й, передъ дѣлами за каждый годъ бѣлый листокъ, на которомъ написано: „По описи №.... Дѣло по указамъ и ордерамъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ 17.... года," въ концѣ каждаго года на послѣднемъ листѣ надпись: „Въ дѣлѣ семъ нумерованныхъ (столько то) листовъ здалъ старшина Монастырскій". Сплошь и рядомъ въ дѣлахъ не имѣется на лицо означеннаго количества листовъ, такъ въ дѣлѣ за 1750 годъ не хватаетъ 33—38 листовъ изъ 42.

Архивъ представляетъ сборникъ указовъ и ордеровъ, получавшихся въ Саянскѣ, въ началѣ изъ Красноярской воеводской канцеляріи, а съ 1752 года, послѣ подчиненія саянскаго прикащика въ административномъ отношеніи Абаканской управительской конторѣ—изъ Абаканска. Съ 1775 года мы уже не слышимъ больше о саянскихъ прикащикахъ, въ Саянскѣ имѣетъ пребываніе дозорщикъ Абаканской линіи, подчиненный непосредственно Красноярскому коменданту, отъ котораго и получались распоряженія.

Указы начинаются такъ: „Указъ Ея Императорскаго Величества самодержицы всероссійской изъ абаканской конторы (или изъ Красноярской воеводской канцеляріи) Саянского острога прикащику (казаку, командующему и т. д.)". Содержаніе указовъ, получавшихся въ Красноярскѣ черезъ Енисейскъ непосредственно ли изъ енисейской провинціальной канцеляріи, или же, черезъ ея посредство, изъ Тобольской губернской канцеляріи и изъ Сибирскаго приказа, повторяется дважды, во первыхъ сообщается, что въ Красноярскѣ полученъ такой то указъ, затѣмъ говорится, что опредѣлено его послать туда то и туда то, и содержаніе указа приводится во второй разъ въ формѣ повелѣнія прикащику. Въ формѣ указовъ сообщались въ Саянскій острогъ распоряженія, носившія чисто мѣстный характеръ, равно какъ и общія, таковы, напримѣръ, указы о розыскѣ бѣглыхъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Сибири (такихъ

указовъ очень много), копіи съ Императорскихъ манифестовъ—напримѣръ, копія, съ манифеста Императрицы Анны въ 1734 году о прощеніи вины бѣглымъ драгунамъ и солдатамъ, если только они явятся на службу въ теченіе года со дня объявленія указа—присылались также печатные указы, напримѣръ, указъ 1742 г. о времени подачи челобитныхъ Императрицѣ Елизаветѣ.

Въ административномъ отношеніи Минусинскій край въ 18 вѣкѣ числился въ уѣздѣ или дистриктѣ города Красноярска. Только инородческія племена—сагайцы, бельтиры и другіе ясашные, жившіе между Уйбатомъ и Абаканомъ и по верховьямъ Абакана,—были въ вѣдѣніи гор. Кузнецка. [1]. Впрочемъ, казачьи поселенія—Тантыкъ, Монокъ и Арбаты, расположенныя въ этой мѣстности, числились въ Красноярскомъ вѣдомствѣ.

Съ 1708 года Красноярскъ входилъ въ Сибирскую губернію, съ главнымъ городомъ Тобольскомъ, [2]. Когда въ 1724 году Сибирская губернія была раздѣлена на три провинціи, Тобольскую, Иркутскую и Енисейскую, съ вице-губернаторами въ Иркутскѣ и Енисейскѣ, Красноярскій уѣздъ вошелъ въ Енисейскую провинцію. [3].

Въ 1783 году Сибирь была раздѣлена на 3 намѣстничества: Тобольское, Иркутское и Колыванское. Иркутское и Колыванское намѣстничества стали подъ управленіе иркутскаго генералъ-губернатора. Енисейскъ сдѣлался уѣзднымъ городомъ Тобольской губерніи, а Красноярскъ отошелъ къ Колыванскому намѣстничеству, въ качествѣ окружнаго города. [4].

Въ „росписи губерніямъ, провинціямъ и пр.“ помѣщенной въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ за 1757 годъ, перечисляются „присудные къ Красноярску остроги“: „Караульной.... отъ Красноярска вверхъ по рѣкѣ 142½ верстъ,... Абаканской... отъ Красноярска 287 верстъ, Саянской... отъ Абаканска 120½ верстъ, отъ Красноярска 407½ верстъ“. [5].

---

[1] Словцовъ, Историческое обозрѣніе Сибири I, 16, см. стр. 38 примѣч. При Кастренѣ, посѣтившемъ минусинскій край въ 1847 году, эти племена были уже перечислены изъ Кузнецкаго вѣдомства въ Красноярское. Castren Reisebericht und Briefen aus den Jahren 1845—1849, S. Petersburg, 1856, стр. 320.

[2] Щегловъ, Хронологическій перечень, стр 156.

[3] ibid, 169.

[4] ibid, 312. Также Андріевичъ, Исторія Сибири, томъ IV, С.-Петербургъ. 1887, стр. 19.

[5] стр. 113—4.

Гарнизонъ Саянска составляли казаки, присылавшіеся туда на службу изъ Красноярской казачьей команды. Черезъ нѣкоторое время они смѣнялись другими. Во главѣ Саянскаго гарнизона стоялъ прикащикъ, назначавшійся изъ казачьей среды. Прикащики эти смѣнялись очень часто, достаточно прикащику пробыть въ своей должности около года, какъ его уже смѣняютъ „за долговременнымъ бытіемъ". [1]. Послѣ отставки прикащикъ продолжаетъ нести службу въ качествѣ рядового казака.—Прикащикъ объединялъ въ своемъ лицѣ и гражданскую и военную власть.

Прикащикъ въ слободѣ или волости имѣлъ такое же значеніе, какое воевода въ городѣ и въ уѣздѣ; обязанности этихъ должностныхъ лицъ по своему характеру были почти одинаковы, и наказы, опредѣлявшіе власть и кругъ обязанностей воеводъ и приказчиковъ, въ большинствѣ пунктовъ буквально сходны. Какъ воеводѣ, такъ и прикащику предписывается: „дѣлать всякія государевы дѣла по наказамъ и граматамъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ будетъ пригоже, чтобъ государю прибыль учинить, а людямъ тягости не навесть". Новый прикащикъ, назначенный воеводой, въ слободу или волость, прежде всего долженъ былъ учесть старого точно такъ-же, какъ это дѣлали новые воеводы при смѣнѣ старыхъ. [2].

Приказчика назначалъ воевода, отъ котораго тотъ и находился въ полной зависимости и получалъ многообразныя распоряженія. Обыкновенно, приказчикъ назначался изъ служилыхъ людей, преимущественно изъ дѣтей боярскихъ, также изъ казаковъ высшихъ чиновъ. Онъ вѣдалъ населеніе слободы „во всемъ", судилъ и собиралъ многообразныя пошлины,

[1] Очевидно, въ Красноярскѣ не соблюдался наказъ Тобольскому воеводѣ боярину князю Черкасскому о томъ, чтобы, опредѣляя на должности прикащиковъ старыхъ служилыхъ, не пригодныхъ для службы въ полѣ, оставлять ихъ на должности лѣтъ по 5 и по 6, «потому что частыя перемѣны прикащиковъ, въ которыхъ всякій себѣ хочетъ съ крестьянъ получить скорой нажитокъ,» будучи очень тягостны для крестьянъ, отразятся вредно на ихъ платежной способности. Андріевичъ, Исторія Сибири, Часть II, С.-Петербургъ, 1889, стр. 20.

[2] Буцинскій, Заселеніе Сибири, стр. 279.

слѣдилъ за благоустройствомъ, благонравіемъ населенія, т. е. являлся судьей и административнымъ чиновникомъ. [1].

По словамъ Гмелина [2], численность Саянскаго гарнизона, опредѣленная въ 100 человѣкъ при закладкѣ острога, была сокращена до 50 человѣкъ [3] за нѣсколько лѣтъ до его путешествія, такъ какъ въ этой части русской границы давно уже установилось полное спокойствіе. Гмелинъ находитъ, что и 50 человѣкъ слишкомъ много для охраны острога, для этой цѣли было бы вполнѣ достаточно и крестьянской милиціи (подъ этимъ Гмелинъ разумѣетъ, очевидно, вышеписныхъ казаковъ, о нихъ см. ниже). При Гмелинѣ въ острогѣ несло караульную службу всего пять казаковъ, которые прекрасно справлялись со своими обязанностями. Остальные 45 человѣкъ, составлявшіе гарнизонъ острога, преспокойно проводили свое время въ другомъ мѣстѣ, съ большей пользой для себя, причемъ командующій прекрасно сознавалъ, что не подвергаетъ никакому риску ввѣреннаго ему острога, освобождая казаковъ отъ службы; онъ не чувствовалъ никакой тревоги и спокойно укладывался спать со своими пятью казаками.

Вскорѣ послѣ постройки острога онъ уже пришелъ въ ветхость. Въ 1732 г. прикащикомъ [4] было донесено Тобольской губернской канцеляріи о дурномъ положеніи саянскаго острога, но повелѣніе починить его пришло не раньше какъ въ 1744 году, черезъ 12 лѣтъ, когда острогъ совершенно развалился! Денегъ на починку не ассигновано, а паря-

[1] Н. Н. Козьминъ, Очерки прошлаго и настоящаго Сибири, С.-Петербургъ, 1910, 18—19.

[2] Ср. cit., III, 295—6.

[3] Не вполнѣ точно. «Указное число» казаковъ въ Саянскомъ острогѣ было 60 человѣкъ, какъ видно изъ указа Саянскому прикащику изъ Красноярской воеводской канцеляріи отъ 11 ноября 1745 года.

[4] Въ документахъ архива не упоминается объ этомъ, эти свѣдѣнія приводитъ Пестовъ, op. cit., 277—8.

жено до 150 казаковъ къ срубкѣ и поставкѣ лѣса для подновленія заплотовъ, рогатокъ, рвовъ и надолбовъ. Приказано рабочихъ выслать возможно скорѣе, безъ отговорокъ, а также смотрѣть, чтобы прилежно работали, ибо починка де необходимо нужна.

Прикащики (изъ мѣстныхъ служилыхъ людей) смѣнялись въ Саянскѣ довольно часто. Въ 1733 году мы находимъ въ прикащикахъ Ивана Ермолаева, въ 1734 году Алексѣя Василевскаго и Ивана Краснкова. Послѣдній въ ноябрѣ 1736 года смѣненъ Никитой Юшковымъ. Юшковъ въ 1738 г. взятъ въ Красноярскъ „по слѣдственному дѣлу въ потраченіи казеннаго пороху 8 пуд. 20 фун., которой потраченъ отъ дожевой воды“.

Тогда же Юшковъ получилъ приказъ изъ Красноярской воеводской канцеляріи отдать присланному на его мѣсто изъ Красноярска Гудкову инструкцію, пограничный трактатъ, посланные изъ Красноярской канцеляріи указы „и всякія вершенныя и невершенныя дѣла и прочее, что имѣется на лицо и порохъ и свинцу и провіанту по перемѣру, а чего противу прежняго не явится и опое на тебѣ Юшковѣ доправить безъ опущенія,.... и служилыхъ людей отдать же оному Гудкову по росписному списку всѣхъ на лицо, и кого на лицо не явится, о томъ тебѣ отвѣтствовать въ Красноярскую канцелярію“. (Указъ отъ 23 января 1738 года, № 119).

Въ томъ же 1738-мъ году посланъ въ Красноярскѣ казачьему головѣ Тараканову приказъ сыскать и выслать въ Саянскъ на годовую службу годовальщиковъ [1]], „которые на годовую службу не вышли“, прикащику же саянскаго острога приказано „по прибытіи на годовую службу служилыхъ людей отнюдь съ годовой службы никого не отпущать подъ опасеніемъ тяжкаго отвѣта, понеже отъ прихода непріятельскихъ воинскихъ людей велѣно имѣть крѣпкую предосторожность“. (Указъ отъ 15 мая 1738 года).

[1]] Годовальщиками назывались крестьяне, требовавшіеся изъ деревень на годовую службу въ прибавокъ къ казакамъ въ остроги и городовыя крѣпости, въ случаѣ малолюдства или опасности. см. Словцовъ, Истрическое обозрѣніе Сибири, I, 277. Годовальщики только другое названіе для выписныхъ казаковъ, см. ниже.

Въ 1739 и 1740 годахъ въ Саянскѣ прикащикомъ состоялъ Иванъ Бѣляевскій, въ 1742 г. Иванъ Потылицынъ, въ 1743 г. Степанъ Муруевъ и Алексѣй Чапчиковъ, въ 1744 г. Алексѣй Василевскій, бывшій въ этой должности еще въ 1734 году, въ 1745 году Семенъ Толстиковъ и Степанъ Плотниковъ, въ 1747 году Семенъ Артемьевъ, Алексѣй Иконниковъ и Петръ Василевскій. Семенъ Артемьевъ былъ смѣненъ по рапорту сына боярскаго Красикова, которому въ бытность его въ Саянскомъ острогѣ. „служилые люди Мекининъ съ товарищи объявляли, что де онаго острогу прикащикъ Семенъ Артемьевъ отбылъ въ домъ свой, такожъ и служилыхъ въ томъ острогѣ, кромѣ 4 человѣкъ, не имѣется", тогда какъ послано было 60 человѣкъ. Поэтому красноярскій воевода капитанъ Алексѣй Тимирязевъ приказалъ смѣнить Артемьева и учинить слѣдствіе, „гдѣ оные служилые люди обрѣтаются". (Указъ отъ 29 апрѣля 1747 г., № 518). Этотъ фактъ подтверждаетъ свидѣтельство Гмелина и указываетъ на то, что за 8 лѣтъ, протекшихъ со времени его поѣздки, въ Саянскѣ перемѣнилось очень мало.

Указомъ 13 апрѣля 1745 года Красноярская воеводская канцелярія объявляетъ, что по просьбѣ прикащика будетъ высланъ въ Саянскъ казенный порохъ для имѣющихся тамъ на годовой службѣ служащихъ людей, съ тѣмъ, чтобы за тотъ порохъ было вычтено деньгами изъ денежныхъ окладовъ казаковъ. Прикащикъ долженъ выдавать порохъ „безъ излишества и смотрѣть того накрѣпко, дабы втуне ни мало оного пороху не потерялось". Изъ этого указа видно, что порохъ казаки должны были пріобрѣтать на свой счетъ.

Указомъ 28 іюня 1745 года Красноярская воеводская канцелярія предписываетъ выслать въ Тобольскъ „для подлиннаго свидѣтельства" къ смотру сыновей дѣтей боярскихъ, а также казачьихъ дѣтей, хотя бы отцы и объявляли относительно своихъ сыновей, что они имѣютъ меньше 15 лѣтъ, „а оные по усмотрѣнію являются возрастные,... понеже уповательно, что хотя отцы о дѣтяхъ своихъ и показываютъ лѣтами ниже пятнадцати лѣтъ, но токмо по возрасту ихъ какъ усмотрѣно будетъ и по справкамъ ихъ съ лѣтами, можетъ быть, и тѣ лѣта нѣкоторыя имѣютъ быть ровныя". Все-

го по объявленію казачьяго головы Тараканова въ карауль-номъ, Абакапскомъ и Саянскомъ острогахъ было 27 сыновъ боярскихъ.

Указомъ 17 января 1746 года Кр. воев. канц. сообщаемъ, что казачьему головѣ Петру Елисѣеву даны изъ Сибирской губернской канцеляріи инструкціи, по которымъ велѣно принять по именнымъ спискамъ Красноярскихъ дѣтей боярскихъ, конныхъ и пѣшихъ казаковъ, произвести имъ смотръ, выяснить, въ исправности ли у нихъ ружья и аммуниція, „и буде при смотрѣ что явится обветшалое и къ воинскому случаю негодное, оное велѣли починить или вновь сдѣлать изъ получаемаго ими денежнаго жалованья, чтобъ оные дѣти боярскіе, конные и пѣшіе казаки къ воинскому случаю были исправны".

Указомъ 29 апрѣля 1746 года Кр. воев. канц. сообщаетъ, что въ подвѣдомственные Красноярску остроги посылается одинъ изъ имѣющихся въ Красноярскѣ дѣтей боярскихъ и одинъ служилый для осмотра, сколько на лицо служилыхъ людей, есть ли указное число лошадей, въ исправности ли ружья, а если кто не явится, прикащикъ долженъ отвѣчать за это.

Грозившая русской границѣ въ Сибири опасность отъ джунгарскаго владѣтеля Галданъ Чирина (см. приложеніе I) служитъ объясненіемъ частой посылки указовъ о предосторожности отъ непріятеля.

Такъ 18 марта 1745 года Кр. воев. канц. сообщаетъ: „при слушаніи полученнаго отъ генералъ-майора Киндермана [1] письма о подтвержденіи въ имѣющихся по границѣ форпостахъ... наикрѣпчайше, чтобъ во всѣхъ форпостахъ имѣли крѣпкую предосторожность, и ружье и аммуниція и пушки и вся артилерія была бъ исправная, и отъ своихъ форпостовъ не отлучались, и о приказании всѣмъ служилымъ и выписнымъ казакамъ немедленно чрезъ апрѣль мѣсяцъ построить у всѣхъ пики 3 саженъ...., опредѣлено къ полковымъ дѣламъ и въ пограничные остроги команду имѣющимъ послать... секретные указы, въ которые написать велѣть вамъ

[1] начальникъ двинутыхъ въ 1745 году въ Сибирь для охраны границы отъ джунгаровъ регулярныхъ войскъ.

въ тѣ остроги имѣть крѣпкую отъ непріятельскихъ воинскихъ людей предосторожности и неоплошные всечастые разъѣзды,... тѣхъ остроговъ служилыхъ имѣющихся тамъ на годовыхъ службахъ никуда и ни для чего и для ихъ партикулярныхъ нуждъ подъ смертною казнью не отпускать".

Однородный указъ Кр. воев. канц. помѣченъ октябремъ 1745 года: „вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества народовъ ни до малѣйшаго раззоренія недопускать, а наипаче въ нынѣшнее самое опасное время за форпосты никого ни для чего не отпускать, понеже какъ изъ мужиковъ... оные пойманы будутъ за форпостами, которые по разспросамъ и по справкамъ окажется, что ѣздили они сами собою своевольно безъ отпуску отъ командировъ,... чинить тѣмъ публичное наказанье кнутомъ".

Для предосторожности отъ непріятеля Красноярскіе казаки посылались въ сосѣдніе округа, такъ 11 марта 1748 года Кр. воев. канц. отдастъ распоряженіе командировать для предосторожности въ Кузнецкую и Колыванскую станицы изъ абаканскаго острога 20 человѣкъ, изъ саянскаго 15, взамѣнъ откомандированныхъ до того 15 человѣкъ изъ абаканскаго острога, 10 изъ саянскаго, 5 изъ караульнаго и 4 изъ канскаго.

8 февраля 1749 года Кр. воев. канц. сообщали о новомъ приказѣ генерала Киндермана: «крестьянамъ и прочимъ обывателямъ за форпосты и въ опасныя отъ непріятелей мѣста ѣздить и ходить... опять запретить, чтобъ они непріятелямъ въ руки попасть не могли, въ чемъ и обязать ихъ крѣпкими подъ смертною казнью подписками».

Службу въ Саянскѣ несли отправляемые изъ Красноярска казаки. Въ Красноярскѣ, по вѣдомости, представленной изъ городовъ генералъ-майору Киндерлану въ 1745 году, числилось 525 служилыхъ людей, въ томъ числѣ 30 дѣтей боярскихъ, 219 конныхъ казаковъ и 219 пѣшихъ [1]). При этомъ на пограничной линіи насчитывалось дѣтей боярскихъ, конныхъ и пѣшихъ казаковъ и служилыхъ татаръ 186 человѣкъ, а именно въ Абаканскомъ острогѣ 95 человѣкъ, въ караульномъ 15, въ саянскомъ 59, въ Удинскомъ 18, какъ видно изъ указа Красноярской воеводской канцеляріи отъ 17 января 1746 года [2]).

[1] Андріевичъ, op. cit, III, стр. 103.

[2] Близки къ этимъ цифрамъ также приведенныя въ вѣдомости, составленной полковникомъ Павлуцкимъ къ 25 августа 1744 года, въ Аба-

Въ 1748 и 1749 годахъ прикащикомъ въ Саянскѣ былъ Красиковъ. Въ своемъ донесеніи въ красноярскую воеводскую канцелярію отъ 30 іюня 1749 года Красиковъ сообщаетъ интересныя данныя о состояніи Саянскаго острога. Красиковъ признаетъ, что согласно неоднократнымъ секретнымъ указамъ нужно было исправить острогъ на случай непріятельскаго нападенія, нужно было даже вооружить деревенскихъ обывателей, но указываетъ, что «саянской острогъ мѣстами обветшалъ и то не токмо вновь построить мѣстами и починить оной острогъ некѣмъ, хотя которые енисейскіе казаки и присланы... при указѣ въ оной саянской острогъ для предосторожности отъ непріятельскихъ людей. А у оныхъ казаковъ къ оной предосторожности у никого ружья, такожъ и палашъ не имѣется,.... лошадей и топоровъ у тѣхъ казаковъ не имѣется. Оные казаки пришли въ оной саянскій острогъ пешіе и дорогой по объявленію ихъ питалися Христовымъ именемъ, имѣютъ въ провіантѣ, живучи нынѣ въ острогѣ великой голодъ, понеже... выдачи жалованья непроизводится. А которые, живущіе близъ онаго саянскаго острогу въ верховьяхъ жители и тѣ жители взяты въ абаканскій острогъ для обученья пушечной экзерциціи въ мишень, а достальные посланы отъ оного абаканскаго для строенія судовъ... и около оныхъ деревень надолбами, и палисадами, и рвами, рогатками обнесть некому Неудивительно, если при такихъ условіяхъ саянскіе служилые люди, не получая жалованья, разбѣгались изъ острога.

Уже въ августѣ 1749 г. Красиковъ получаетъ указъ „вмѣсто себя команду приказать изъ имѣющихся тамо на годовой службѣ служилыхъ человѣку доброму и неподозрительному и о исполненіи по силѣ указовъ тому оставшемуся тебѣ Красикову отъ себя дать съ яснымъ наставленіемъ письменный приказъ, а тебѣ Красикову изъ того острогу ѣхать въ городъ Красноярскъ въ самой крайней скорости, не мѣш-

канскомъ острогѣ состояло 5 пушекъ и 102 служилыхъ людей, въ Саянскомъ 6 пушекъ и 60 служилыхъ людей, Караульномъ 2 пушки и 17 человѣкъ гарнизону, Удинскомъ—21, Канскомъ—15. Всего на пограничной линіи было 13 пушекъ и 215 служилыхъ людей. Андріевичъ, op. cit., III, стр. 298.

Въ малые остроги посылался, обыкновенно, изъ уѣзднаго города ежегодно смѣняемый гарнизонъ. См. Фишеръ, op. c., 346.

кавъ въ пути нигдѣ ни зачѣмъ, по прибытіи въ городъ Красноярскъ для опредѣленія къ дѣламъ явиться въ Красноярскую воеводскую канцелярію того же числа, опасаясь, за не скорой пріѣздъ неотмѣннаго штрафа, ибо въ опредѣленіи къ дѣламъ и сборамъ за малонмѣніемъ дѣтей боярскихъ, грамотѣ и писать умѣющихъ, состоитъ крайняя нужда, а въ томъ острогѣ никакихъ сборовъ не имѣется". (Указъ Краснояр. воеводской канцеляріи отъ 24 августа 1749 года). Это грамата является любопытнымъ свидѣтельствомъ царившей среди сибирскихъ служилыхъ людей того времени повальной безграмотности.

Изъ указа 11 ноября 1745 г. явствуетъ, что Саянскій гарнизонъ состоялъ изъ казаковъ присылавшихся на годъ изъ Красноярска. „Указное число" служилыхъ людей въ острогѣ 60 человѣкъ, присылается на годовую службу изъ Красноярска 58 „того ради, что за отсылками служилыхъ людей въ разные мѣста обстоитъ самая нужда,... а какіе служилые люди при полкѣ изъ посылокъ прибудутъ, то де для отсылки во оной Саянскій острогъ въ Красноярскую воеводскую канцелярію предъявлены будутъ".

Находились въ Саянскѣ и такъ называемые наемщики. Изъ граматы енисейскому воеводѣ отъ 31 мая 1702 года явствуетъ, что служилые люди въ сибирскихъ городахъ имѣли обыкновеніе нанимать на службу „купецкаго чина, и пахатныхъ крестьянъ и служилыхъ не верстаныхъ дѣтей боярскихъ и казачьихъ и ихъ племянниковъ, малолѣтнихъ и престарѣлыхъ, и которымъ прокормится нечѣмъ", грамата строго на строго, запрещаетъ это дѣлать, такъ какъ наемные люди, не пріученные къ военному дѣлу, быстро обращаются въ бѣгство „и тѣмъ не токмо такія бѣглецы сами, но и добрые молодцы, обробѣвъ, при нихъ пропадаютъ" [1].

Документы Саянскаго острога показываютъ, однако, что обычай служилыхъ людей нанимать вмѣсто себя для службы другихъ не удалось искоренить. Такъ указомъ 13 іюня 1738 года предписывается выслать наемщиковъ казачьихъ дѣтей въ Красноярскъ.

---

[1] Памятники Сибирской Исторіи, I, 195.

Указомъ 21 февраля 1750 года предписывается наемщиковъ замѣнить настоящими казаками и смотрѣть, чтобы у нихъ были ружья, конскій уборъ, лошади, пики, патроны съ пулями, чтобы они скоро и исправно заряжали и прикладывались бы „въ препорцію, а не вверхъ“.

Въ указѣ 13 іюля 1750 года Кр. воев. канц. сообщаетъ объ отправкѣ изъ Краснoярска 20 казаковъ въ Саянскій острогъ и 30 въ Абаканскій, смѣнившій Красикова въ должности прикащика капралъ Бериицковъ долженъ заготовить по сто коненъ сѣна на каждаго изъ двадцати казаковъ съ тѣмъ, „чтобы то сѣно было самое хорошее и мелкое, а не осока и не гнилое, а на поставку того сѣна отвесть свободные луга“, затѣмъ это сѣно огородить. „А ежели паче чаянія слабостью твоею и нераченіемъ казаковъ того села полпаго указнаго числа поставлено не будетъ, и у прибывшихъ командъ казенныхъ лошадей кормить будетъ нечѣмъ, то оныя лошади имѣютъ быть чрезъ всю зиму довольствованы изъ казачьихъ и твоихъ собственныхъ коштовъ, да сверхъ того за неисполненіе указовъ истязанъ будете безъ всякаго помилованія“, грозитъ въ заключенье прикащику воевода.

Въ указѣ 26 февраля 1750 года Кр. воев. канц. пишетъ, что годъ тому назадъ было послано въ Саянскій острогъ 20 енисейскихъ казаковъ, а въ выпискѣ Бериицкаго оказалось 8, спрашивается, куда дѣвались 12 и кто ихъ отпустилъ, есть ли у оставшихся лошади, ружья, порохъ, аммуниція и все ли въ исправности.

Житель деревни Шунерской Григорій Горбуновъ принесъ въ Краснoярской воеводской канцеляріи жалобу на Бериицкова, вслѣдствіе которой Кр. воев. канц. и опредѣлила взять его къ слѣдствію. За нимъ былъ посланъ нарочный казакъ съ указомъ, по которому „тебѣ Бериицкому вмѣсто себя въ опомъ острогѣ приказать указы, артикулы и провіантъ отдать съ росписью изъ имѣющихся во опомъ острогѣ на годовой службѣ Краснoярскому казаку человѣку доброму, коему бы въ томъ повѣрить было возможно и велѣть ему предосторожность имѣть по силѣ имѣющихся тамо указовъ, а самому ѣхать въ Краснoярскъ“. (Указъ 20 декабря 1750 года) 16 марта 1751 года Краснoярская воеводская канцелярія посылаетъ указъ „въ небытность прикащика кому команда поручена,“ и приказываетъ ему поставленное

на прибывшія команды дѣйствительно служащими казаками сѣно свезти на высокія отъ воды и отъ огня безопасныя мѣста, „ежели въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оное ставлено, какая опасность ему нынѣшнимъ временемъ“; сѣно огородить, „чтобъ оному отъ вольного скота, отъ воды и отъ огня траты и ущербу не было, и что того сѣна на лицо нонынѣ состоитъ“, прислать рапортъ.

Въ указѣ 12 іюня 1751 г. Кр. воев. канц. сообщаетъ, что въ прошломъ году „для осторожности отъ набѣговъ непріятельскихъ“ были отправлены изъ Красноярска казаки въ пограничные остроги красноярскаго вѣдомства, 25 въ Саянскъ и 50 въ Абаканскъ, а изъ нихъ нѣкоторое число въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было взято изъ тѣхъ остроговъ для постройки барокъ подъ отправляющійся на кузнецкую и колыванскую линіи провіантъ, и это „строеніе барокъ и отправленіе провіанта нынѣ уже ко окончанію пришло“. Поэтому „опредѣлено къ казацкимъ полковымъ дѣламъ послать указъ“ объ откомандированіи въ Саянскій и Абаканскій остроги надлежащаго числа конныхъ красноярскихъ казаковъ „исправныхъ съ ружьемъ, порохомъ и свинцомъ,“ такъ чтобы въ тѣхъ острогахъ казаковъ оказалось на лицо вмѣстѣ съ прежними въ Абаканскѣ 50, въ Саянскѣ 30. Кромѣ того, „для такой же отъ непріятеля предосторожности“ 10 человѣкъ велѣно послать въ бывшій Лугазскій мѣдный заводъ, къ управителю Серебренникову. „Въ отсылкѣ оныхъ въ тѣ мѣста въ самомъ скоромъ времени стараніе и попеченіе имѣть въ должности казачьяго головы Елисѣеву; а если же оныхъ въ скорости не вышлетъ... то въ томъ ни иной кто, но только онъ Елисѣевъ отвѣтъ дать долженъ“. Въ указѣ 28 августа 1751 года, данномъ командующему казаку Бѣлослюдову, сообщается, что въ Саянскій острогъ „нарочно посланной казакъ для требованія казаковъ потребное число для строенія въ ачинскомъ острогѣ вновь амбаровъ и добычи тесу на 15 барокъ прибудетъ,“ предписывается выслать сколько нужно казаковъ, „а ежели хоть единаго удержишь, то за того удержаннаго въ работу нанятъ будетъ наемщикъ на твоемъ коштѣ“.

Изъ указа 7 октября 1751 г. видно, что до указнаго числа тысячи шести сотъ копенъ сѣна не хватило семи сотъ копенъ, „о которомъ казакъ Степанъ Шуваевъ объявилъ, что того

сѣна бывшею большою водою разнесло триста копенъ да имъ Шуваевымъ раздавано заимообразно тутошнимъ жителемъ триста, да себѣ онъ Шуваевъ взялъ сто копенъ, того ради.. велѣно.... оное взыскать".

Съ 1752 года Саянскій острогъ въ административномъ отношеніи подчиняется Абаканской управительской конторѣ. Указомъ 28 мая командующему Саянскаго острога Теряеву предписывается „рапорты представлять и резолюціи требовать" изъ Абаканска, „оная управительская контора должна надлежащую резолюцію давать и указами снабдевать, а буде сама чего учинить не можетъ, о томъ въ красноярскую воеводскую канцелярію представлять, а мимо той абаканской управительской конторы въ красноярскую воеводскую канцелярію... тебѣ Теряеву не представлять" [1].

Какъ видно изъ этого же указа, Теряевъ написалъ въ Красноярскъ, что у него осталось всего семь казаковъ, „а прежде бывшихъ канонеровъ двадцати человѣкъ въ томъ острогѣ нынѣ не имѣется," поэтому приходится опасаться непріятеля. Ему отвѣчаютъ, что всѣ казаки въ ачинскомъ острогѣ и на линіяхъ, а потому предписывается Абаканскому Управителю „собрать изъ разночинцевъ канониpовъ, обученыхъ сержантомъ Пиловымъ, опредѣленныхъ къ саянскимъ пушкамъ, кои нынѣ выписаны въ казаки всѣ, и, собравъ, въ тотъ саянскій острогъ отправить... ибо тѣ выписные казаки выписаны не для чего иного, но только для осторожности отъ непріятельскихъ людей". Отсюда видно, что въ Саянскомъ острогѣ наряду съ „дѣйствительно служащими" казаками несли службу и выписные казаки изъ крестьянъ. [2].

[1] Должность Управителя Абаканской конторы занимали сибирскіе дворяне и дѣти боярскіе. Въ вѣдѣніи Абаканской управительской конторы былъ и Верхній Караульный острогъ, прикащику котораго посылались тѣ же указы, что и Саянскому.

Воеводскую должность въ Красноярскѣ занимали съ 1733 по 1752 г., пока Саянскій прикащикъ былъ непосредственно подчиненъ Красноярскому воеводѣ, слѣдующія лица: Семенъ Баклановскій (1733—1738), Григорій Карташевъ (1738—1740), капитанъ Алексѣй Тимирязевъ (1742—1747), Алексѣй Копнинъ (1748—1749), поручикъ Борисъ Авдуловъ (1750).

[2] О выписныхъ казакахъ см. Андріевичъ, Исторія Сибири, Ш, III, 113—4. Выписными казаками назывались крестьяне, которыхъ админи-

Приказомъ 7 апрѣля 1753 года Абакапскій управитель предписываетъ отпустить 20 выписныхъ казаковъ и принять другихъ 10 выписныхъ же.

Въ приказѣ 25 февраля 1754 года мы вновь встрѣчаемся съ казакомъ Шуваевымъ, который, какъ мы уже знаемъ, занимался поставкой въ казну сѣна для прибывавшихъ казачьихъ командъ.

Онъ поставилъ въ казну сѣно за поручительствомъ двухъ разночинцевъ, теперь онъ проситъ дать ему взаймы сто копенъ изъ поставленнаго имъ же сѣна, что ему и разрѣшено подъ условіемъ поставить обратно въ слѣдующемъ году взятое имъ сѣно на высокихъ мѣстахъ, обнести изгородью, чтобъ не залило водой; если самого Шуваева не окажется, сѣно будетъ взыскано съ поручителей.

23 марта 1755 года командующій Саянскаго острога Сармановъ получаетъ отвѣтъ изъ Абаканска на свое доношеніе, что на строеніе Саянскаго острога добыто двѣсти бревенъ лѣсу, „а лошади у казаковъ, коими тотъ лѣсъ возженъ сухи, отчего уже на половинѣ тѣхъ лошадей лѣсу возить невозможно“. Абаканскій управитель приказываетъ нарядить изъ ближайшихъ деревень на помогу казакамъ по десяти человѣкъ съ лошадьми понедѣльно „и добывать нынѣшнимъ благополучнымъ временемъ,... и иныхъ разночинцевъ по недѣльно и по очереди съ перемѣною наряжать, дабы одному

страція опредѣляла въ военную службу, они оставались въ податномъ состояніи и платили подушную подать, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязаны были отбывать военную службу. Положеніе этихъ крестьянъ было очень тяжелое, о чемъ можно судить по просьбѣ, поданной въ сенатъ въ 1747 года выбранными челобитчиками отъ всѣхъ крестьянъ Ялуторовскаго и Ишимскаго дистриктовъ Иваномъ Бородинымъ и Василіемъ Бѣлыхъ объ отмѣнѣ назначенія крестьянъ въ выписные казаки. «Понеже де крестьяне не токмо платья, но и денежнаго жалованья ни сколько за тое свою службу не получаютъ и обрѣтаются всегда на форпостахъ и служатъ съ 732 года своимъ коштомъ и со своимъ ружьемъ и со всѣми къ тому принадлежащими припасы; да они же крестьяне съ прочими военными командами имѣются, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, на караулахъ и употребляются въ партіяхъ и разъѣздахъ на своихъ собственныхъ лошадяхъ и со своимъ припасомъ; да косятъ въ лѣтнее время на драгунскихъ лошадей сѣна обще съ драгунами, а для де осторожности отъ непріятельскихъ людей, имѣютъ тѣ выборные изъ крестьянъ казаки собственное свое ружье и покупаютъ на свои деньги изъ казны Ея Императорскаго

передъ другимъ линией тягости и обиды быть не могло и тѣ разночинцы съ лошадьми праздно отнюдь не были". Саянскій острогъ перестраивался, приведенное выше донесеніе прикащика Красикова возымѣло свое дѣйствіе; „оной острогъ обширностью... будетъ болѣе, отъ старова острогу въ три стороны отступлено быть имѣетъ въ полѣ по пяти саженъ, а въ вышину острогъ... будетъ рубленъ отъ земли въ двѣ сажени".

13 апрѣля того же года приходитъ приказъ выскоблить 1100 лѣсинъ стѣнового лѣсу, положить на балки для просыханія и дожидать для открытія работъ управителя. 31 мая получается предписаніе добыть тесу на покрытіе построенныхъ въ Саянскомъ острогѣ башенъ „всеудобовозможными способы" и донести, сколько находится въ работѣ въ томъ острогѣ „кромѣ дѣйствительно служащихъ, обрѣтающихся тамо на годовой службѣ, казаковъ—выписныхъ казаковъ и разночинцевъ".

Въ Абаканскѣ строилось зданіе конторы, какъ видно изъ ордера саянскому прикащику 4 августа 1753 года, которымъ

Величества порохъ и свинецъ, и платятъ подушныя деньги какъ за себя, такъ за умершихъ отцевъ и братей и за взятыхъ въ рекруты и въ полонъ Киргизами и ворами Башкирцами; а нѣкоторые изъ нихъ же казаковъ пашутъ Ея Императорскаго Величества десятинную пашню, отчего де они пришли во всеконечное раззореніе и нищету». Сенатъ указомъ отъ 13 іюня 1748 года на имя командующаго двинутыми на защиту Сибирской пограничной линіи войсками генералъ-майора Кишдермана велѣлъ съ выписныхъ казаковъ подушныхъ не брать. Отъ тягости службы въ выписныхъ казакахъ крестьяне разбѣгались, понуждать къ выступленію приходилось ихъ военной силой, какъ это было въ 1757 году въ слободѣ Орлово Бородище. Жалованья выписные казаки или неполучали совсѣмъ, или очень мало; такъ въ 1757 году выписнымъ казакамъ выдавалось за овесъ, въ мѣсяцъ: сотнику 75 к., пятидесятнику 60 к., рядовому $44\frac{1}{2}$ к. Казацкая тягота не ослабѣвала вплоть до конца царствованія Елизаветы Петровны. О частыхъ и многочисленныхъ побѣгахъ казаковъ изъ за тягости казацкой службы см. Андріевичъ, ор. с., 115 сл. О выписныхъ казакахъ см. также Головачевъ, Сибирь въ Екатерининской Коммиссіи, Москва, 1889, стр. 93 сл.: «Въ 18 вѣкѣ въ Сибири, вслѣдствіе незначительности регулярнаго войска и постоянной опасности отъ плохо замиренныхъ инородцевъ, особенно на пограничныхъ линіяхъ, была постоянная потребность въ иррегулярномъ войскѣ, которое и вербовалось изъ крестьянъ. Положеніе этихъ воиновъ было не завидно: отъ казны они полу-

предписывается приготовить для этой цѣли триста тесницъ длиною въ 3 сажени, въ отрубѣ не менѣе 8 вершковъ. [1].

Согласно ордеру отъ 17 іюля 1755 года каждый изъ саянскихъ казаковъ долженъ поставить по 50 копенъ сѣна въ одномъ мѣстѣ, „чтобъ не менѣе каждая копна была въ вышину и въ ширину кругомъ въ три сажени". По ордеру 30 ноября это запасенное сѣно должно употребляться въ кормъ лошадямъ новоприбывшихъ казаковъ наравнѣ съ прочими.

Начальство рѣшило, наконецъ, принять мѣры, чтобы назначенные въ Саянскій острогъ казаки дѣйствительно несли караульную службу. Въ томъ же ордерѣ отъ 17 іюля Абаканская контора предлагаетъ „находящихся въ Саянскомъ острогѣ дѣйствительно служащихъ казаковъ изъ того острогу для своего лакомства подъ штрафомъ никуда партикулярно не отпущать, а содержать ихъ къ военному случаю во всякой исправности неотмѣнной, если же тѣхъ казаковъ для своего лакомства куда ни на есть отпустишь, а чрезъ кого я о томъ увѣренъ буду, то съ тобою безъ всякихъ уже въ то время приносимыхъ въ отговорку резоновъ поступлено быть имѣетъ въ силу указовъ безъ упущенія".

24 апрѣля 1756 г. посылается изъ Абаканской конторы въ Саянскъ десть писчей бумаги съ предписаніемъ не употреблять ее для партикулярныхъ дѣлъ. Слѣдующій указъ о томъ же мы имѣемъ уже въ маѣ 1757 года.

О полуголодной жизни, которую вели казаки въ Саянскомъ острогѣ, свидѣтельствуетъ ордеръ 29 іюня 1756 г. Абаканскій управитель сообщаетъ, что въ его проѣздъ черезъ Саянскій острогъ казаки неоднократно просили его о выдачѣ имъ заимообразно казеннаго провіанта „ибо у нихъ нынѣ ѣсть

чали только по немногу свинца и пороха, но лошадь, сбруя, платье и даже оружье они должны были имѣть свое собственное» Также Семевскій, Казенные крестьяне при Екатеринѣ II. Русская Старина, 1879, т. 24, стр. 255—По свѣдѣніямъ, доставленнымъ генералъ майоромъ Книдерманомъ, въ 1754 году въ Красноярскѣ числилось 53 выписныхъ казака. Андріевичъ Ор. cit, Ш, 113.

[1] Въ 1746 году еще въ Абаканскѣ строилась городовая стѣна, указомъ 12 мая 1746 года подтверждается требованіе объ отправкѣ въ Абаканскъ изъ Саянска 9 конныхъ и 4 пѣшихъ козаковъ для ея постройки.

нечего", и предписываетъ выдать каждому по два пуда ржаной муки, съ тѣмъ, чтобы обратно отъ казаковъ принималась въ казну мука „добрая, сухая и не затхлая". Это не удивительно, такъ какъ жалованіе казаки получали крайне нерегулярно, что видно изъ ордера 31 іюня того же года, чтобы желающіе получить жалованье казаки представили соотвѣтствующія просьбы.

Въ Саянскомъ острогѣ была и часовня, а въ ней „святыхъ образовъ: а именно Спасителевъ Нерукотворенной, по полямъ окладъ мѣдный подъ золотомъ, Богоматерь Геодентрія вѣнецъ и гривенка серебреныя подъ золотомъ, Николая Чудотворца вѣнецъ и гривенка мѣдныя подъ золотомъ, Ильи Пророка безъ оклада и безъ вѣнца, Алексѣя Божья вѣнецъ и гривенка серебренныя подъ золотомъ; Воскресенья Христа Спасителя Нашего безъ окладу и безъ вѣнца, да при той же часовнѣ лампатовъ жестяныхъ пять, да полонъ камчатыхъ цвѣтомъ разныхъ пять, которыя управителемъ кузнецкимъ дворяниномъ Мельниковымъ отъ бывшаго тогда въ абаканскомъ и Саянскомъ острогахъ комиссара красноярскаго сына боярскаго [1]) Федора Нашивошникова и приняты". 29 октября 1756 г. Абаканскій управитель предписываетъ выслать для новой абаканской конторы образа Нерукотвореннаго Спасителя и Пресвятой Богородицы, два лампата и двѣ пелены.

По ордеру 19 марта 1757 г. въ Саянскъ посылается казакъ и съ нимъ 19 фунтовъ пороху для находящихся въ томъ острогѣ 19 казаковъ на годъ [2]].

---

[1]] Сибирскіе боярскіе дѣти были потомки поселившихся въ Сибири боярскихъ дѣтей, а потомъ въ это званіе были возводимыми воеводами, за отличіе, нижніе чины и даже крестьяне, служившіе казаками, безъ исключенія изъ оклада. Изъ боярскихъ дѣтей они повышались въ званіе сибирскихъ дворянъ городовыхъ, а уже изъ этого званія могли быть возводимыми въ «дворяне по Московскому списку». Въ указахъ Петра I лица этихъ состояній причислены всѣ къ казачьему сословію и запрещено принимать во эти состоянія людей податного званія. Гагемейстеръ, Статистическое обозрѣніе Сибири, Часть II, С.-ПБ., 1854, стр. 76. Ср. Головачевъ, Сибирь въ Екатерининской коммиссіи, стр. 50 сл.

[2]] Въ ордерѣ управителя Мельникова приводятся и фамиліи казаковъ: Яковъ Бутинъ, Андрей Замяткинъ, Илья и Андрей Лалетины, Василій Воротниковъ, Семенъ Толстиковъ, Иванъ Нахвальной, Емельянъ Соловьевъ, Василій Чихачевъ, Иванъ Потылицынъ, Степанъ Шуваевъ, Яковъ

Отсутствіе какой либо опасности отъ непріятелей въ Саянскомъ острогѣ деморализовало казачью команду, о чемъ свидѣтельствуютъ тщетныя старанія абаканской управительской конторы удержать казаковъ отъ разброду. Такъ управитель Мельниковъ пишетъ въ ордерѣ 31 мая: „извѣстно мнѣ, что ты прикащикъ Теряевъ обретающихся въ Саянскомъ острогѣ на годовой службѣ казаковъ... безъ всякаго резону по деревнямъ отпущаешь, кои тамо и шатаются праздно, а особливо казакъ же Шишманъ Бугажаковъ,[3]) который не токмо въ ближнія состоящія около того острогу деревни, но и Кузнецкаго вѣдомства въ бельтирской волости былъ, коему безъ надлежащаго резона и безъ вѣдома моего... въ чужомъ вѣдомствѣ и быть не подлежало, и то уповательно не отъ чего иного чинится, но болѣе для полученія себѣ богомерзкаго и ненасытнаго лакомства,... отнюдь не отпущать". Нужно, однако, полагать, что этотъ приказъ оказался такимъ же безъ результатнымъ, какъ и предыдущіе.

Согласно ордеру отъ 5 мая того же года въ Абаканскъ высланы казачьи дѣти старше 10 лѣтъ, каковыхъ оказалось трое.

По ордеру 26 іюля 1757 года пріѣзжающимъ съ пограничнаго караула Шабинъ Дабага за провіантомъ казакамъ дается наказъ не задерживаться долѣе трехъ дней.

Въ Абаканскѣ между тѣмъ строилась и арестантская изба, для постройки которой приказомъ 5 августа предписывается добыть, выскоблить и прислать „лѣсу 100 деревъ длиною 4 сажени, въ отрубѣ 6 вершковъ, да 300 дранницъ длиною 6 аршинъ".

27 января 1758 года „правящій управительскую должность сынъ боярскій" Степанъ Пашивошниковъ предписываетъ быть въ Саянскѣ прикащикомъ на мѣсто Василевскаго Толстикову, „чинить все безъ упущеній... между тамошними обывателями въ дракахъ, браняхъ и другихъ ссорахъ судъ производить правильно, также въ денежномъ числѣ судъ давать не болѣе пяти рублевъ".

Титовъ, Ларіонъ Сѣдельниковъ, Михаилъ Черкасовъ, Иванъ Кочергинъ, Иванъ Донковцовъ, Михаилъ Денковъ, Емельянъ Саламатовъ, Алексѣй Роскашинъ, Константинъ Ошанинъ.

[3]) Имя это несомнѣнно принадлежитъ инородцу. Инородцы тоже принимались въ казачью службу.

24 февраля приходитъ приказъ о розыскѣ выбраннаго для пріема рекрутъ въ абаканскомъ вѣдомствѣ старосты Худякова и его помощниковъ, а также и двухъ его братьевъ, которые скрылись неизвѣстно куда, съ лаконической мотивировкой: „полагается, что они отъ рекрутскаго набора бѣжали, то они ко взятію въ рекруты годны“.

Въ томъ же году Толстикова въ должности прикащика смѣнилъ Теряевъ, доносившій въ Абаканскъ, что въ острогѣ казаковъ мало, они стары и дряхлы.

23 августа приказано выбрать въ Саянскѣ старосту къ „сборнымъ божьимъ казеннымъ деньгамъ“, которыхъ насчитывается 19 рублей, и къ святымъ образамъ въ саянской часовнѣ, отдать ему деньги для храненія „въ добромъ храненіи“ а, этихъ денегъ „никому въ заемъ не давать“.

Въ 1759 г. въ должности Саянскаго прикащика мы видѣли уже Шуваева. Теряевъ смѣняется „задолговременнымъ бытіемъ“ (приказъ 25 мая), хотя въ должности былъ всего 11 мѣсяцевъ Въ бытности его прикащикомъ не получилъ денежнаго жалованья казакъ Михаилъ Черкашенниновъ, вновь назначенный Шуваевъ долженъ взыскать съ Теряева въ пользу Черкашенникова жалованье и при кѣрной оказіи прислать (Приказъ 5 іюня). Но и въ пользу Теряева приказчикъ долженъ былъ взыскать съ разночинца Ичелкина два рубля долгу. На обязанности прикащика лежало, какъ видно, и взысканіе долговъ.

Подъ конецъ Шуваевъ получилъ строгій нагоняй изъ Абаканской конторы; „деревни Ичелиной житель Афанасій Чанчиковъ словесно проситъ, что ты Шуваевъ чинишь немалыя обиды и на жену его нападаешъ непотребнымъ случаемъ, того ради тебѣ Шуваеву чрезъ сіе накрѣпко подтверждается показанному Чанчикову обидъ и налогъ никакихъ не чинить, а паче женѣ его непотребныхъ словъ не употреблять, судомъ расправою ихъ ни въ чемъ не имѣть, также и другимъ людемъ обидъ и налогъ никакихъ не чинить и поступать тебѣ Шуваеву во всемъ добропорядочно, а ежели ты Шуваевъ впредь будешь кому какія чинить обиды, то по отрѣшеніи твоемъ отъ команды будешь наказанъ безъ всякаго милосердія“. [1]. Какъ видно отсюда, прикащики часто зло-

[1] «Злоупотребленія прикащиковъ были такія же, какъ и воеводскія и жалобы крестьянскія на своихъ ближайшихъ начальниковъ пишутся въ

употребляли своей властью, чинили обывателямъ всякія „обиды и налоги“, но и съ ними начальство стѣснялось очень мало.

На содержаніе почтовыхъ лошадей взимался съ обывателей особый сборъ, какъ видно изъ приказа 3 мая 1759 г. о взысканіи съ разночинца Григорія Горбунова положенныхъ на содержаніе почтовыхъ и уѣздныхъ лошадей денегъ рубля двадцати копеекъ, которыхъ онъ не заплатилъ.

Приказомъ 21 августа того же года велѣно провіантъ въ размѣрѣ 73 четвертей 6 четвериковъ не растрачивать, а „содержать для прибывшей на пограничныя мѣста военной команды въ наличности и никому опаго обывателямъ въ долгъ отнюдь не давать, а за дачу оного взыскано съ тебя Шуваева изъ собственныхъ твоихъ пожитковъ еще и со истязаніемъ будетъ.“

Съ 1760 года мы видимъ въ Саянскѣ на ряду съ прикащикомъ цѣловальника у казеннаго провіанта. 31 января этого года Абаканская контора отдаетъ приказъ отставить отъ этой должности за старостью и дряхлостью Деткова. 1 марта посылается приказъ исправить въ Саянскѣ магазины, „сдать ихъ прибывшему изъ Краснoярска пятидесятнику Иконникову и объявить обывателямъ, чтобы продавали ему хлѣбъ и овесъ для остроговъ. 12 мая смѣняется Шуваевъ „за долговременнымъ бытіемъ“ онъ пробылъ въ должности годъ—и замѣняется Опанинымъ, наказъ которому даетъ нѣкоторое понятіе о функціяхъ прикащика: „въ случившіеся между обывателями и по близости живущихъ около того острога татаръ въ ихъ ссорахъ, браняхъ и побояхъ разбирать по сущей справедливости и присяжной должности, не посягая ни на кого и ни для чего, и съ виновными поступать по силѣ указовъ неотмѣнно, а въ прочихъ дѣлахъ, яко то въ воровствахъ, разбояхъ, смертныхъ убивствахъ въ презрѣніе указовъ тебѣ

тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и на воеводъ; только, конечно, управу на прикашиковъ крестьянамъ найти было несравненно легче, чѣмъ на воеводу, потому что эту управу могъ дать воевода, тогда какъ на воеводу только государь». Буцинскій, Ор. cit., 279.

«Угрозы «наказаніемъ безо всякіе пощады», батогами, кнутомъ, тюрьмой, конфискаціей имущества и правежемъ висѣли дамокловымъ мечемъ надъ головой приказчика», говоритъ Козьминъ, op. cit. 28.

Ошанину не судить, но присылать таковых въ Абаканскую контору при доношеніи“ [1].

23 марта велѣно покупной провіантъ перевести въ Саянскій острогъ и отдать вновь опредѣленнымъ цѣловальникамъ [2], „понеже... въ томъ острогѣ имѣется одинъ амбаръ, въ коемъ содержится казенной провіантъ“.

13 декабря назначается къ артиллеріи цѣловальникомъ Беляшинъ, которому предписывается: „служить тебѣ, какъ вѣрному и надежному Ея Императорскаго Величества рабу принадлежитъ, за неимѣніемъ въ острогѣ цѣловальника принять все отъ прикащика;“ прикащикъ же долженъ „отдать ему порохъ и свинецъ по вѣсу, а принасы по наличію“.
3 декабря управитель Абаканской конторы, прапорщикъ князь Василій Пелымскій, предписываетъ принимать мѣры предосторожности отъ пожаровъ, „а ежели, отъ чего Боже сохрани, гдѣ какія пожары случатся, то съ показаніемъ сколько какого строенія и дворовъ въ погорѣніи явится, въ красноярскую воеводскую канцелярію репортовать, и тѣхъ людей, отъ кого она послѣдуетъ, къ слѣдствію представить въ скорости безъ умолчанія.“

[1] Ср. Козьминъ, *Ор.* с., 20: прикащику принадлежалъ судъ, но только по дѣламъ гражданскимъ; уголовныя дѣла были изъяты изъ его компетенціи,—«опричь разбойныхъ и убойственныхъ и татиныхъ дѣлъ,» какъ говорилось въ наказахъ. Но и въ гражданскихъ дѣлахъ право суда было ограничено извѣстнымъ максимумомъ суммы иска, напр. 5, 10 рублями («а больши 5 рублевъ не судить»). Приказчикъ же взималъ различныя «судныя» пошлины.

Такъ, абаканская контора указомъ 20 декабря 1766 г. предписываетъ Саянскому прикащику Чихачеву взыскать деньги по жалобѣ красноярска го посадскаго, цѣловальника Степана Свиньина за неплатежъ разночинцемъ Сомароковымъ пошлины за проданную лошадь.

[2] Приказчикъ завѣдывалъ и доходами слободы. Но онъ долженъ былъ раздѣлять это завѣдываніе съ выборными лицами, положеніе которыхъ было вызвано «бездѣльной корыстью» приказчиковъ и тѣми «продажами» и «тѣснотой,» которыя они чинили населенію. Ко всякимъ денежнымъ доходамъ, къ житницамъ, приказчики должны были выбирать цѣловальниковъ, «кому можно вѣрить». Выбирали крестьяне, приказчикъ же бралъ «выборы за ихъ выборныхъ людей руками» и отсылалъ къ воеводѣ. Пошлины собирались приказчикомъ вмѣстѣ съ цѣловальниками: Козьминъ, *Ор.* с., 21.

Изъ указа 11 января 1762 г. о сыскѣ купца Шебалина видно, что въ Абакапскѣ имѣется „правящій городническую должность казакъ Бугаевъ.

О запущенномъ состояніи Саянскаго острога наглядное представленіе дастъ указъ 15 марта 1763 года, которымъ предписывается „состоящую въ Саянскомъ острогѣ старую ветхую избу (середи острога, въ ней прежде жили прикащики) съ того мѣста сломать и изрубить для топленія новыхъ приказчичьихъ покоевъ въ дрова, да и внутри того Саянскаго острога наземъ и всякой соръ... очистить и соръ изъ него весь вывезти вонъ, дабы тотъ острогъ завсегда состоялъ въ всякой чистотѣ,... въ имѣющихся казенныхъ избахъ гдѣ въ трубахъ почасту шваброю выметать, а въ которомъ покоѣ печи нѣтъ, ежели есть изъ кирпичей скласть, а буде кирпичей нѣтъ, то хоша изъ глины... збить, дабы во опомъ впредь присланнымъ вскорѣ туда на годовую службу казакамъ жить было можно, особливо приказчичью избу, гдѣ дѣла содержать будешь, оную во всякой чистотѣ жъ имѣть!“ Дѣло, видно, дошло до того, что казакамъ уже жить было нельзя въ острогѣ. Но непрерывныя распоряженія о починкѣ острога оставались безъ результата, какъ видно изъ приказа командированнаго для осмотра пограничныхъ острэговъ поручика Козьмина 10 августа 1765 г.. Онъ нашелъ, что „внутреннее и наружное крѣпостное строеніе нѣкоторое пришло въ обветшаніе, съ одной стороны городовая стѣна наклонилась и немного не падетъ, вокругъ же всей крѣпости изнутри около заплота на возвышенныхъ для ружейнаго стрѣлянья на столбахъ, батареяхъ помосты и переклады, также на башни для пушекъ выѣзды всѣ погнили, по которымъ въ случаѣ нужды не только пушку взвозить, но и человѣку всходить съ нуждою можно. Пороховой же погребъ (въ коемъ и пороху не мало состоитъ) сверху обвалился, къ томужъ опой покрытъ тесомъ и весь построенъ на верху земли .., онъ же построенъ близь самой казармы. Вокругъ же всей крѣпости рогатки и надолобы згнили и обвалились и въ опыхъ вокругъ всей же крѣпости растетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсъ и высокая трава, крапива, которая и внутри крѣпости имѣется. Отъ содержанія жъ скота много наземовъ и прочей нечистоты, что нигдѣ въ крѣпостяхъ того не бываетъ. Пушки же состоятъ на башняхъ безъ всякаго снаряду и прибору, которой содержится въ цейхгаузѣ подъ

закрытіемъ, изъ коихъ нѣкоторые башники обопрѣли и къ дѣйству не способны, картечи же для скорыхъ зарядовъ всѣ состоятъ обшиты въ холстѣ изъ мелкаго галешнику и дресвы". Козьминъ предписываетъ все исправитъ, погребъ покрыть землею, чтобы отъ огня не было опасности, поправить наклонившуюся стѣну, лѣсъ, траву и паземъ убрать, крѣпость содержать въ чистотѣ.

Казаковъ Козьминъ нашелъ въ Саянскѣ всего четыре человѣка.

Для предосторожности отъ непріятелей Козьминъ рекомендуетъ завести разъѣзды между Абаканскомъ и Саянскомъ, между которыми „по мѣрѣ оказалось девяносто шесть верстъ пятьдесятъ саженъ", разъѣзды должны съѣзжаться и „о благополучіи репортовать".

10 февраля 1766 года Красноярскій комендантъ майоръ Пирошковъ отдаетъ приказаніе, чтобы казаки не разбрелись, чтобы ружья, порохъ, свинецъ были въ исправности, и чтобы казаки между дѣломъ пули отливали, подъ угрозой штрафованія ослушниковъ, „и тѣхъ казаковъ употреблять по надлежности въ ихъ дѣла, а въ постороннія вступаться имъ накрѣпко запретить, дабы по какимъ либо непорядкамъ не могли попасть подъ слѣдствіе и въ штрафы".

6 апрѣля того же года Абаканская контора пишетъ прикащику „извѣстно..., что опредѣленные... казаки въ томъ острогѣ не живутъ и никакого смотрѣнія не имѣютъ: тоже и ты все находишься при домѣ своемъ, а тотъ острогъ... охраняютъ и караулятъ пограничные казаки..., отнюдь, чтобы этого не было".

Приказъ Козьмина о ремонтѣ Саянскаго острога остался неисполненымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ новое предписаніе изъ Абаканской конторы о томъ же самомъ 23 сентября 1766 года: „ здѣшняя контора довольно черезъ пріѣзжающихъ извѣстна, да и самъ здѣшній управитель въ бытность въ Саянскѣ засвидѣтельствовалъ, что Саянская крѣпость вовсе обветшала".

27 янв. 1766 г. управитель Абаканской конторы требуетъ послать къ строенію крѣпостной Абаканской стѣны: „теселъ негодные четыре, долоть желѣзныхъ изъ годныхъ одно, скобель одну,

негодные два, керки ветхіе всѣ, заступовъ три, просѣкъ и изъ лазниковъ одинъ".

Изъ ордера Ипрошкова отъ 3 декабря 1766 г. видно, что изъ Тобольской артиллерійской команды былъ присланъ въ Красноярскъ для исправленія и приведенія въ дѣйствіе артилеріи капралъ Балахнинъ, который посѣтилъ, между прочимъ, и Абаканскъ. Ипрошковъ и приказываетъ саянскому прикащику отправить въ Абаканскъ казаковъ къ Балахнину „для обученія конноперской науки и приведенія въ цѣль по мишени". Было отправлено 8 казаковъ. Какъ видно отсюда, артиллерія въ Саянскѣ была только для декораціи не только снабженіе ея спарядами оставляло желать многаго, что видно изъ приказа поручика Козьмина, но и люди не были обучены артиллерійской стрѣльбѣ.

О повседневной жизни саянскаго острога можетъ дать намъ представленіе любопытной „извѣтъ въ саянскую судную избу прикащику Титу Монастыршину отъ пѣшева казака Семена Толстикова. Сего 1763 году ноября 9-го дня былъ Толстиковъ у служилого Степана Шуваева въ домѣ и отъ него Шуваева пошелъ въ домъ къ служилому жъ Коману Ошанину, и будучи противъ двора разночинца Ильи Таскина, и сынъ его Иванъ Таскинъ выбѣжалъ изъ дому отца своего Ильи Таскина на дорогѣ въ ночномъ времени, ночнымъ разбоемъ сталъ меня бить и увечить смертнымъ боемъ и тулупъ съ меня здиратъ, да онъ же Иванъ Таскинъ вышеписаннаго Шуваева билъ и увѣчилъ смертнымъ же боемъ, о чемъ извѣщено всей деревни Шунерской жителямъ, отъ чего нынѣ въ нашемъ времени мимо его Таскина въ денномъ и ночномъ времени и ѣздить не смѣемъ. Того ради Саянскую судную избу съ покорностью прошу, дабы повелѣно было реченнаго Таскина въ оную избу сыскать... и допросить и милостивое рѣшеніе учинить ноября. 10 дня 1763 году. Къ сему извѣту вмѣсто казака Семена Толстикова его прошеніемъ казакъ Иванъ Чихачевъ руку приложилъ". Какъ видно рѣчь идетъ объ обыкновенномъ деревенскомъ скандалѣ, разборъ котораго входилъ въ компетенцію приказчика.

Въ 1771 и 1772 г. Минусинскій край посѣтилъ знаменитый Палласъ, сочиненіе котораго—Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reiches. 3 тома въ 5 частяхъ

J. Petersburg, 1771—1776 г.,—является драгоцѣннымъ, но къ сожалѣнію, почти совершенно неиспользованнымъ источникомъ для исторіи Сибири въ XVIII-мъ вѣкѣ. [1]. Мы имѣемъ теперь возможность провѣрить показанія Палласа архивными данными, которыя прекрасно подтверждаютъ его слова. Въ Абаканскѣ Палласъ былъ при своей первой поѣздкѣ въ Минусинскій край, въ октябрѣ 1771 года. [2]. По его словамъ, это бѣдное, разрушенное мѣстечко съ деревянной церковью и небольшимъ числомъ жилыхъ домовъ. Абаканскъ лежитъ на ровномъ песчаномъ берегу Енисея, и поэтому страдаетъ отъ наводненій вслѣдствіе сильнаго разлива рѣки, если зимой выпадаетъ глубокій снѣгъ. Наводненія, впрочемъ, случаются рѣдко, послѣднее—въ 1763 году—отличалось большей силой, чѣмъ когда либо, и унесло нѣсколько лучшихъ домовъ, лежавшихъ у самого берега, вмѣстѣ съ церковной колокольней. [3]. При этомъ пострадалъ и деревянный острогъ, который вообще требуетъ перестройки. Въ острогѣ живетъ управитель, находится и судебное мѣсто, въ вѣдѣніи котораго находятся жители окрестныхъ деревень и крестьяне, подчиненному Верхнему Караульному или Бѣльскому острогу, а также качинскіе татары на лѣвомъ берегу Енисея, кайбалы и книтымскіе татары на правомъ берегу его. [1].

Въ Саянскѣ Палласъ былъ 12 сентября 1772 года. По его словамъ, это деревянный четыреугольникъ, занимающій 50 квадратныхъ саженъ, огороженный палисадами и рвомъ, съ

[1] О значеніи путешествія Палласа для изученія Сибири, см. Пыпинъ, ор. c., IV, 248 сл. Совершенно не пользовался Палласомъ Андріевичъ для своей «Исторіи Сибири», хотя путешествіе Палласа и переведено на русскій языкъ.

[2] Pallas, op. cit, II, Theil, II, Buch, стр. 689—690.

[3] О наводненіи 1763 г. упоминаетъ Словцовъ, ор. c., II, 109. Сюда же относится приказъ Абаканской конторы саянскому прикащику 12 декабря 1749 г. „велѣно отъ водяного потопу, когда оная бываетъ велика, имѣть крѣпкую предосторожность".

[1] Когда въ 1779 году была образована Колыванская область, и въ ней намѣчались окружные города, то хотя Красноярскъ и попалъ въ число послѣднихъ, но было предложено, если Красноярскъ не удобенъ для роли уѣзднаго города, избрать для этого Абаканскъ или Караульный острогъ Андріевичъ, Историческій очеркъ Сибири, т. IV, стр. 20—21.

башнями по угламъ и двумя воротами. Въ острогѣ имѣется провіантскій магазинъ, пять казармъ, пороховой погребъ и шесть желѣзныхъ пушекъ. Гарнизонъ Саянска состоитъ изъ семи казаковъ съ капраломъ во главѣ. Но такъ какъ каменистая почва вокругъ Саянска не даетъ возможности заняться земледѣліемъ, то казаки живутъ въ сосѣднихъ селахъ и только время отъ времени посылаютъ въ острогъ двоихъ изъ своей среды для охраны пороху и пушекъ.

„Поэтому мѣсто остается пустымъ, несмотря на то, что строенія находится въ хорошемъ состояніи". Можно думать, на основаніи этихъ словъ Палласа что неоднократные приказы о ремонтѣ острога увѣнчались наконецъ успѣхомъ [1].

Постоянныя жалобы на то, что казаки не находятся на своихъ постахъ и не несутъ караульной службы, а проживаютъ въ окрестныхъ деревняхъ, которыя мы встрѣчали въ документахъ Саянскаго архива, объясняется тѣмъ, что при полномъ замиреніи края и отсутствіи непріятеля караульная служба казаковъ была чистой формальностью.

„Въ сихъ форпостахъ не доводилось никогда дѣйствовать оружіемъ," пишетъ Нестовъ [2], но тѣмъ не менѣе начальство все время требовало отъ казаковъ „всетвердой и крѣпкой осторожности". Такъ, въ 1775 году находившійся въ Кузнецкѣ секундъ—майоръ Тарасовъ въ кузнецкую воеводскую канцелярію сообщилъ промеморіею, что башлыкъ Кышимъ Жичасковъ черезъ толмача далъ знать кантенармусу Глаголеву, находящемуся на кузедаевскомъ форпостѣ, а онъ Глаголевъ ему майору Тарасову донесъ, что китайскаго владѣнія съ четырьмя знатными людьми пришло силы 2000 человѣкъ и остановилось у пограничной канской волости, и что разстояніемъ отъ озера Телецкаго скорою ѣздою сутки трое, а тихою—недѣлю, стоитъ китайскаго войска 70000 и ожидаютъ весенняго времени, чтобъ сдѣлать нападеніе. Встрепенулись всѣ воеводскія канцеляріи; со всѣхъ сторонъ стекаются въ

[1] Степановъ, op. c., I, 145, пишетъ, что саянскій форпостъ „стоитъ на правомъ берегу рѣки и на рукавѣ ея, углубленномъ въ материкъ на подобіе прекраснаго канала, надъ которымъ навислыя деревья составляютъ пустой сводъ. Саянскій форпостъ сидитъ въ равнинѣ, укрѣпленіе совершенно разрушено. Оно состояло изъ редута, съ башнями по угламъ".

[2] Записки объ Енисейской губерніи, 278.

форпосты предписанія къ управителямъ и дозорщикамъ, въ волости къ головамъ, въ деревни къ старостамъ, въ казачьи команды къ сотникамъ, чтобъ каждый имѣлъ недремлемую осторожность, какъ обыватели, такъ и казаки, въ силу данной Богу и государю присяги, и буде кто что замѣтитъ, давалъ знать другимъ, а тѣ ему со всевозможною поспѣшностью сикурсировали; чтобъ каждый имѣлъ ружье, порохъ, свинецъ и другія оружія, у кого какія есть; свинца и пороха не было отпущено.—конечно, слухи о нападеніи китайцевъ были ложные [1].

Съ 1772 по 1781 г. былъ командированъ для обозначенія границъ Россіи съ Китаемъ „геодезіи сержантъ“ Егоръ Нестеревъ, оставившій крайне любопытныя замѣтки; къ сожалѣнію лишь небольшая часть ихъ по заглавіемъ „Remarques sur les peuples de la frontière chinoise“ напечатана въ Journal Asiatique, Paris, 1825 года, издававшемся Клапротомъ [2].

Такъ какъ на картахъ пограничныя съ Китаемъ области были обозначены невѣрно, невозможно было также прослѣдить дороги, идущія къ нимъ отъ ближайшихъ русскихъ постовъ, то иркутскій губернаторъ кавалеръ Брюль отправилъ къ красноярскому коменданту карту съ приказаніемъ обозначить ближайшія къ Красноярску границы и дороги, къ нимъ ведущія. Такъ какъ въ то время въ Красноярскѣ не было никого свѣдущаго въ геодезіи для выполненія этой работы, то комендантъ обратился къ тобольскому губернатору Чичерину, который и командировалъ въ 1772 году на китайскую границу Нестерева.

До этого момента со времени установленія границъ никто не изслѣдовалъ пограничной линіи. Нестеревъ, осмотрѣвъ эти мѣста въ продолженіе лѣта 1772 года, представилъ ихъ карту и описаніе Брюлю. Брюль увидѣлъ при этомъ, что со времени установленія границъ Абакапскія и Удинскія границы никогда не были описаны и что правительство не имѣло точнаго понятія объ ихъ положеніи, равно какъ и о народностяхъ, живущихъ вдоль границы. Брюль поручилъ Нестереву, изслѣдовать границу отъ Ергикъ Таргака въ Иркутской губерніи до Шабинъ Дабага.

---

[1] Нестовъ, Op. c., 279—280—ссылается тутъ на Саянскій архивъ, но въ дошедшихъ до насъ документахъ объ этомъ ничего нѣтъ.

[2] Объ изслѣдованіяхъ Нестерова см. Риттеръ, Землевѣдѣніе Азіи, томъ III, 501 сл.; Конъ, Исторія Минусинскаго мѣстнаго музея, стр. 12.

Въ 1773 году Пестеровъ изслѣдовалъ удинскія и абаканскія границы, въ 1776—1779 г. изслѣдовалъ границы у Кемъ-Кемчикъ-Бома и по рѣкѣ Усу. Въ 1781 году Пестеровъ былъ уволенъ по прошенію отъ должности пограничнаго комиисара и отправился на границу въ послѣдній разъ, чтобы показать своему преемнику направленіе пограничной линіи.

По словамъ Пестерова, онъ отвелъ землю для домовъ и полей абакапскимъ казакамъ, которые одни изъ всѣхъ пограничныхъ казаковъ занимаются земледѣліемъ, чтобы дать имъ этимъ возможность имѣть свой хлѣбъ, а излишки продавать.

Имя Пестерова упомипается нѣсколько разъ въ Саянскомъ архивѣ. Такъ, краспоярскій комендантъ Петръ Тарховъ въ своемъ указѣ абакапскому дозорщику Иконникову отъ 9 декабря 1776 года говоритъ о требованіи сержанта Пестерова, „чтобъ отставныхъ въ Таштыпскую и Абакапскую деревни казаковъ на поселеніе всѣхъ собравъ, и какъ ныпѣ въ нихъ состоитъ большая надобность, немедленно въ тѣ мѣста выслать“. 17 сентября 1785 года краспоярскій комендантъ подполковникъ Бригаузенъ пишетъ тому же Иконникову: „доносите, что оная Шадацкая крѣпость погорѣла... и... просите, чтобъ построеніе крѣпости было позволено учредить на отведенномъ бывшимъ за описаніемъ границы Геодезіи сержантомъ Пестеровымъ, по способности, отстоящемъ въ 15-ти верстахъ и на способномъ мѣстѣ, къ чему де и приготовленъ на томъ мѣстѣ лѣсъ... я Ваше представленіе конфермую“.

Отъ Пестерова сохранилось въ Саянскомъ архивѣ еще письмо къ Иконникову отъ 9 сентября 1781 года, о его отъѣздѣ и вручепіи команды Муруеву обще съ Иконниковымъ. Пестеровъ по исполненіи порученнаго ему описанія границъ долженъ былъ слать команду старшему по немъ Иконникову, но такъ какъ послѣдній былъ слабъ здоровьемъ то Пестеровъ передалъ команду Муруеву; въ своемъ письмѣ Пестеровъ требуетъ отъ Иконникова, чтобы тотъ безъ согласія Муруева ничего не предпринималъ.

За 1768—1781 годы въ Саянскомъ архивѣ не сохранилось бумагъ, за исключеніемъ выше приведеннаго указа красноярскаго коменданта Петра Тархова отъ 9 декабря 1776 года и указа красноярской комендантской канцеляріи дозорщику Иконникову отъ 27 февраля 1775 года, въ которомъ сообщается, что„ для постройки при абаканской границѣ казармъ“ посылаются инструменты: 15 топоровъ, 5 долотъ, 3 теслы, 5 пайниковъ, 5 скобелей, 3 чертуши, 3 слепуши и 3 пилы среднихъ.

Прикащиковъ больше мы въ Саянскѣ не находимъ, вмѣсто него въ Саянскѣ имѣетъ пребываніе пограничный дозорщикъ.

Пограничный дозорщикъ уже не совмѣщаетъ въ себѣ, подобно прикащику, функціи военнаго начальства и гражданской власти (исполнительной и судебной), на его обязанности лежитъ только охрана границы, ему подчинены лишь несущіе караульную службу казаки. Онъ зависитъ не отъ красноярской воеводской канцеляріи, а отъ красноярскаго коменданта; послѣдній въ свою очередь подчиненъ томскому коменданту, въ то время какъ соотвѣтствующая административная инстанція—красноярская воеводская канцелярія—подчинена енисейской провинціальной канцеляріи. [1]

О пограничныхъ дозорщикахъ въ Саянскомъ архивѣ встрѣчались упоминанія еще въ 1740 году, о Яковѣ Саламатовѣ, и въ 1755 году—объ Ермолаевѣ.

12 декабря 1765 г. помѣченъ указъ изъ абаканской конторы саянскому прикащику Ошанину о томъ, чтобы „по посылаемымъ ото показаннаго дозорщика требованіямъ письменнымъ: ежели оные казаться будутъ несумнительны, то по онымъ надлежащее исполненіе чинить безпрепятственно, буде же чего по онымъ тебѣ учинить невозможно, въ такомъ случаѣ представлять въ здѣшнюю контору въ скорости, почему тогда и подлежащія резолюціи чинены будутъ непродолжительно“.

[1] См. объ этомъ Pallas, Reise, III, стр. 13.

Измѣненія въ саянской администраціи находятся, очевидно, въ связи съ введеніемъ въ Сибири учрежденія о губерніяхъ.

13 іюня 1782 г. красноярскій комендантъ отправляетъ ордеръ о взысканіи съ наслѣдниковъ умершихъ казаковъ по фунту пороха и свинца, выданныхъ изъ казны.

12 января 1785 красноярскій комендантъ подполковникъ Бригаузенъ предписываетъ дозорщику абаканской границы сыну боярскому Иконникову зачислить въ казаки Константина Потылицына, сына отставного казака Михаила Потылицына, такъ какъ по своимъ лѣтамъ—ему идетъ двадцать пятый годъ—онъ годится въ службу, а „по ревизскимъ сказкамъ хотя и былъ назначенъ къ положенію въ подушный платежъ, обще съ его отцомъ, но точно гдѣ оной положенъ ли еще неизвѣстно“.

28 января 1785 года Бригаузенъ отдаетъ приказаніе „учинить описаніе вверхъ рѣки Енисея въ разныхъ селеніяхъ служащимъ и отставнымъ военнымъ регулярнымъ и нерегулярнымъ съ семьями“.

8 февраля того же года Бригаузенъ въ ордерѣ Иконникову о переводѣ казаковъ сообщаетъ, что „нынѣ при абаканской границѣ по положенію казаковъ состоитъ въ недостаткѣ“.

27 марта 1785 г. приходитъ ордеръ отъ губернскаго землемѣра Озерова о высылкѣ 5 казаковъ „для снятія на прежде учиненныхъ бывшаго народа чудскихъ кладбищъ надписей... со всякою окуратностью“. [1].

[1] Командировка Озерова находится, вѣроятно, въ связи съ требованіемъ императрицы Екатерины II, посланнымъ съ курьеромъ иркутскому генералъ губернатору Якобію, о снятіи снимковъ съ чудскихъ надписей. Эти снимки были опубликованы въ 1793 году Палласомъ. См. Савенковъ' О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисеѣ, стр. 70. Генералъ-поручикъ Якобій былъ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ съ 1782 по 1789 годъ, см. Андріевичъ, Op. c., IV, 14, 20.

11 іюня комендантъ требуетъ выслать въ Красноярскъ 8 казаковъ, знающихъ татарскій языкъ, для отправленія въ Барнаулъ въ качествѣ переводчиковъ.

Иконникову, еще въ бытность его въ Красноярскѣ, было предписано представить формулярные списки казаковъ, но такъ какъ онъ этого не исполнилъ, то ордеромъ 23 марта 1787 г. Красноярскій комендантъ Иванъ Журавлевъ подтверждаетъ это Иконникову, въ противномъ случаѣ грозитъ поступить съ нимъ „по всей строгости закона, безъ упущенія“.

5 апрѣля того же года Иконниковъ получаетъ приказъ освидѣтельствовать пограничные линейные знаки, „по должности Вашей надлежало бы вамъ всѣ линейные знаки освидѣтельствовать еще въ мартѣ мѣсяцѣ, а... мнѣ извѣстно, что вы еще находитесь въ Саянскѣ“. Тогда Иконниковъ присылаетъ рапортъ, что выѣхалъ на знаки Шабинъ Дабага и и Хонинъ Дабага, 23 апрѣля комендантъ подтверждаетъ ему, чтобы онъ освидѣтельствовалъ знаки, если до сихъ поръ этого не сдѣлалъ, а также представилъ справку, получали ли казаки жалованье за прошлый и нынѣшній годъ.

3 сентября Журавлевъ вновь напоминаетъ Иконникову о томъ, чтобы онъ прислалъ рапортъ объ освидѣтельствованіи пограничныхъ знаковъ, „коего и по сіе число мною не получено“. Дозорщики, какъ видно изъ этой переписки, не отличались особой аккуратностью въ исполненіи своихъ обязанностей.

12 августа 1787 г. помѣченъ ордеръ о присылкѣ на абаканскую границу 96 пикъ по числу казаковъ.

Въ 1789 году колыванскій губернаторъ Меллеръ командировалъ коменданта г. Кузнецка Зейферта для осмотра красноярскихъ пограничныхъ мѣстъ. Въ ордерѣ 25 мая того года Зейфертъ приказываетъ пограничному дозорщику Обжерину осмотрѣть Шабинъ Дабага, исправить туда дорогу, топкія мѣста хорошенько загатить, осмотрѣть саянскій острогъ, а оттуда отправиться въ Таштыпскій караулъ или деревню Монуцкую, гдѣ и ждать его Зейферта, „а затѣмъ 4-е содержать тебѣ и самому себя въ трезвомъ и порядоч-

номъ состояніи, а не такъ какъ прошлого году ты мною въ Развращенномъ видѣ часто усматриванъ былъ".

По приказу 6 февраля 1791 года изъ Краснoярска, данному комендантомъ секундъ-майоромъ Яковымъ Галахтинымъ, составлена вѣдомость всѣмъ казакамъ по абаканской границѣ, которыхъ было 142 человѣка.

	Состояло казаковъ:	Вновь причисленныхъ малолѣтнихъ:	Всего
При Абаканскомъ караулѣ	25	6	31.
„ Таштыпскомъ „	19	3	22.
„ Саянскомъ острогѣ	34	2	36.
„ Кебежскомъ караулѣ	24	6	30.
„ Шедацкомъ „	20	3	23.

Возрастъ казаковъ очень разнообразенъ,—отъ 13 до 69 лѣтъ, большинство въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, въ молодыхъ годахъ вновь причисленные, 13, 15, 16, 17 лѣтъ. [1].

Число казаковъ на границѣ къ концу столѣтія немного сократилось, въ 1746 году, какъ мы видѣли выше, ихъ было 186 человѣкъ.

Изъ ордера 17 мая 1791 года мы узнаемъ, что „велѣно абаканской границѣ объѣздчику сотнику Муруеву къ поставленному на рѣчкѣ Шимширѣ столбу имѣть разъѣздъ августа съ 1 числа, а съ близъ лежащихъ карауловъ отъ краснoярской до удинской рѣчки Джалымакъ іюня съ 15 и іюля 20 чиселъ, и другъ друга увѣдомляли бъ о благосостояніи границы".

---

[1] Въ вѣдомости упоминаются, слѣдующіе казаки: Голощаповъ, Юшковъ, Лалетинъ, Саламатовъ, Груздевъ, Перовъ, Белянинъ, Козловъ, Соловьевъ, Саламатовъ, Бутинъ, Симановъ, Ермолаевъ, Монастыршинъ, Ошанинъ, Петуховъ, Седельниковъ, Глубоковъ, Толминъ, Черкашенинъ, Матюнинъ, Шуваевъ, Худоноговъ, Кольцовъ, Спиридоновъ, Садовскій, Кручининъ, Терской, Шадринъ, Скобелевъ, Кудринъ, Юдинъ, Шаховъ, Ковригинъ, Лазицкой, Ошаровъ. Почти всѣ эти фамиліи имѣютъ въ вѣдомости нѣсколькихъ представителей; ясно, что пограничную службу несли цѣлыя семьи казаковъ, первыхъ насельниковъ края. Особенно много встрѣчается Солдатовыхъ.—Къ каждому изъ карауловъ были причислены и малолѣтніе казаки.

27 февраля 1792 года казачій голова Шахматовъ приказываетъ дозорщику Абаканской границы сотнику Потылицыну производить изъ саянскихъ магазиновъ выдачу указного мѣсячнаго провіанта. 20 февраля красноярскій комендантъ Яковъ Голастеновъ предлагаетъ дозорщику прислать въ Красноярскъ рапортъ съ требованіемъ денежнаго жалованія казакамъ за истекшую сентябрскую треть 1791 года. 27 марта 1792 г. новый красноярскій комендантъ, секундъ-майоръ Иванъ Пирошковъ, увѣдомляетъ дозорщика о томъ, что онъ вступилъ въ исправленіе „комендантской и городнической должности“ на мѣсто Голастенова, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что это представленное требованіе о выдачѣ жалованья ни съ чемъ не сообразно,—„впредь чтобы этого не было“. 27 мая Потылицынъ получилъ приказъ „живущихъ праздно вверхъ рѣки Енисея въ деревняхъ Даурской и Яновой сыновъ боярскихъ Петра Кольцова и Василія Красикова выслать къ своей командѣ въ городъ Красноярскъ, не принимая отъ нихъ никакихъ отговорокъ. 1 мая того же года Потылицынъ получаетъ выговоръ: „по какимъ обстоятельствамъ ты самъ собою безъ представленія начальству на мѣсто умершаго коннаго казака Григорья Монастыршина помѣстилъ къ полученію провіанта на конной окладъ пятидесятника Федора Перова и дачу производилъ изъ казны по конному окладу сего года генваря съ 16 числа; слѣдующія по должности твоей о покупномъ у земледѣльцовъ и выдаваемомъ казакамъ хлѣбномъ и фуражномъ жалованьѣ мѣсячныя вѣдомости, а тожъ и о состояніи по абаканской границѣ находящейся казачьей команды рапортовъ ты не присылаешь. ,,12 іюня въ дозорщики опредѣляется сотникъ Муруевъ, которому предписывается „повелѣнныя дѣла, команду и секретную пограничную инструкцію, и мирной трактатъ принять въ свое завѣдываніе“. А такъ какъ Потылицынъ доносилъ, что за неполученіемъ изъ красноярской комендантской канцеляріи ассигнацій на покупку муки и овса онъ провіанта не покупалъ, то Муруевъ не долженъ выдавать Потылицыну муки и овса. Послѣдній былъ смѣщенъ по ордеру правителя колыванскаго намѣстничества, генералъ поручика Ивана Пиля, „за неспособность,“ и Муруевъ долженъ его по ,,его неисправности во всемъ счесть и освидѣтельствовать“.

Въ томъ же году былъ командированъ изъ Кузнецка въ Сагайскую степь подполковникъ Зейфертъ для закупки недостающаго числа драгунскихъ лошадей, для полнаго укомплектованія штатныхъ командъ колыванскаго намѣстничества.

17 іюня посылается изъ Красноярска ордеръ о приписке казачьихъ дѣтей въ казаки: „красноярской казачьей команды отставныхъ казаковъ дѣтей, пришедшихъ въ указныя лѣта, а именно: Степана, Мартына и Якова Юшковыхъ, Степана и Якова Ермолаева, буде по сіе время въ службу нигдѣ не опредѣлены и въ подушной по послѣдней ревизіи окладъ не записаны, а находятся нынѣ дѣйствительно при своихъ отцахъ и матеряхъ на содержаніи, то въ семъ случаѣ ихъ опредѣлить въ казаки и въ вѣрности службы привести къ присягѣ и по рапортамъ показывать у содержанія караула первыхъ Юшковыхъ въ Таштыпскомъ карауле, а послѣдняго Ермолаева въ Саянскомъ острогѣ, казенное довольствіе жъ требовать съ будущаго іюля 1-го числа“.

Какъ видно изъ указа 18 іюля, Муруевъ „по предложенію Тобольской оберъ-комендантской канцеляріи о приходѣ, расходѣ и остаткѣ въ денежной казнѣ, провіантской суммѣ, мукѣ и овсѣ сочитанъ и никакого сумнительства не оказывается, и тѣ книги къ должной записке показаннаго прихода и расхода при семъ присылаются“. 15 декабря 1792 г. Муруевъ отправляется приказъ явиться въ Красноярскъ для полученія денежнаго жалованья и денегъ на покупку провіанта для довольствія штатскихъ и казаковъ, „съ данными тебѣ на сей 1792 годъ, на записку прихода и расхода покупного провіанта и выданнаго на команду, шнуровыми книгами и принадлежащими къ нимъ документами и щетовыми выписками, а паче для принятія на будущій 1793-й годъ присланныхъ изъ колыванской провіантской коммисіи на таковыя же записки книгъ“.

Изъ ордера 16 декабря 1792 года видно, что учрежденная въ Иркутскѣ коммисія военнаго суда требуетъ на допросъ казаковъ по производимому слѣдствію надъ пятидесятникомъ Шахматовымъ и другими, заключающемуся „во взятіи съ нихъ бывшимъ... секундъ-майоромъ Пирошковымъ и

его денщикомъ Трапезниковымъ... за освобожденіе ихъ отъ командировки денегъ и лошадей".

Какъ видно изъ ордера 4 февраля 1793 г. казаки, вызванные въ Иркутскъ, возвращаются послѣ допроса. Муруеву предписывается спросить казака Зырянова, „при комъ именно онъ давалъ Ипрошкову 5 р. и кѣмъ можетъ свидѣтельствоваться". 25 мая посланъ новый ордеръ съ приказаніемъ представить допросъ Зырянова съ увѣщеваніемъ священническимъ. Но Муруевъ не торопился исполнить полученное имъ приказаніе, и коменданту красноярскому, Алексѣю Кугаевскому, пришлось напоминать о томъ же двумя новыми ордерами, отъ 3 и 22 іюня. Въ послѣднемъ Муруеву ставится на видъ: если не будетъ снято допроса, то „пришлется на твой коштъ нарочной". 1 іюля Муруеву отправленъ приказъ дать двухъ казаковъ командированному для закупки лошадей въ казну сержанту Нестерову. Какъ видно, минусинскій край въ концѣ 18 вѣка сталъ поставщикомъ лошадей въ казну.

2 іюля помѣченъ ордеръ Муруеву о томъ, чтобы не высылать казаковъ въ качествѣ свидѣтелей по дѣлу „о изслѣдованіи пойманнаго Красноярскаго мѣщанина Ларіона Савина въ покупкѣ соболей и бѣлокъ". Засѣдатель Краснояpскаго нижняго земскаго суда, подпоручикъ Часовниковъ, находившійся въ Ирбинскомъ заводѣ, требовалъ къ себѣ въ свидѣтели находившихся въ Шедатскомъ караулѣ казаковъ, „но какъ законами предписано отъ такихъ важныхъ карауловъ отлучать ни подъ какимъ видомъ не велѣно, а ежели ему сіи казаки потребны къ допросамъ свидѣтельскимъ, то бъ онъ господинъ подпоручикъ Часовниковъ и самъ прибыть можетъ или кого отъ себя пришлетъ въ вышеписанной караулъ и при тебѣ ихъ допроситъ". Здѣсь мы присутствуемъ при небольшомъ конфликтѣ между гражданской и военной властью.

10 сентября помѣченъ приказъ о смѣнѣ Муруева и за мѣнѣ его дворянином Замятинымъ, Муруевъ долженъ сдать Замятину денежную казну и артиллерію. 24 октября посланъ приказъ „учинить на достовѣрную выправку, не окажется гдѣ въ вѣдѣніи твоемъ солдацкихъ и казачьихъ дѣтей, укрывающихся отъ службы и отъ казенной подати, выключая

тѣхъ, кои пахотные". 22 ноября отправленъ приказъ прислать рапортъ о дачѣ жалованья, провіанта и числѣ больныхъ и увѣчныхъ, выслать больныхъ въ комендантскую канцелярію для осмотру ихъ болѣзней „незадолжательно," а также, за раскомандировкою въ Красноярскѣ казачьей команды, отправить 9 казаковъ съ абаканской границѣ на Семипалатинскую пограничную таможню въ объѣздчики „для предохраненія интереса и искорененія происходящаго тамъ злоупотребленія, по очереди, изъ семейства, прямо отъ себя, съ билетомъ".

На 1793 году кончается архивъ Саянскаго острога.

На предшествующихъ страницахъ мы привели содержащіяся въ Саянскомъ архивѣ данныя о состояніи острога, его администраціи и казачьей командѣ. Но въ архивѣ имѣется еще цѣлый рядъ любопытныхъ документовъ, относящихся къ вопросу объ управленіи края.

Чаще всего встрѣчаются указы о сыскѣ бѣжавшихъ изъ подъ стражи колодниковъ и розыскѣ преступниковъ.

Такъ, напримѣръ, 10 октября 1750 г. Красноярская воеводская канцелярія посылаетъ Саянскому прикащику указъ о сыскѣ колодниковъ Гаева и Мыльникова, отпущенныхъ по городу Красноярску для сбору милостыни подъ карауломъ и бѣжавшихъ. Это—любопытный штрихъ для характеристики тогдашнихъ тюремныхъ порядковъ. Немного ранѣе, 28 августа того же года Кр. воев. канц. посылаетъ указъ о поимкѣ и сыскѣ воровъ и разбойниковъ, ссыльныхъ, убійцъ томскаго купца Великосельскаго съ женою и дочерью, „который въ горницѣ зарубленъ топоромъ, а жена его да дочь дѣвка въ избѣ на лавкахъ зарѣзаны".

Въ указѣ абаканской конторы 31 мая 1755 года о сыскѣ нѣсколькихъ приступниковъ предписывается „означенныхъ злодѣевъ и разбойниковъ сыскивать всякими сыски накрѣпко и ежели гдѣ оные въ сыску явятся, то наложивъ имъ на ноги крѣпкіе колодки прислать въ Красноярскую воеводскую канцелярію подъ карауломъ въ скорости".

19 февраля 1760 г. Абаканская контора предписываетъ „сшедшаго съ его высокографскаго сіятельства енисейскаго

винокуреннаго каменскаго завода" работника Прокопія Петрова сына Попова „сыскивать всякими сыски накрѣпко и ежели гдѣ оной въ сыску явится, то наложа ему на ноги крѣпкія деревянныя смыки прислать въ здѣшнюю контору".

Сыскъ бѣглыхъ преступниковъ ложился тяжелой натуральной повинностью на населеніе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, указъ абаканской конторы отъ 12 октября 1753 года, которымъ „повелѣно сыскивать утекшихъ изъ Енисейска ссыльныхъ колодниковъ, содержавшихся по самоважнымъ дѣламъ Герасима Денисова, Тухуева, Никифора Аксалитова, енисейскаго разночинца Осипа Паршина.., Партію командировать изъ выписныхъ казаковъ и всякому обывателю въ своемъ вѣдомствѣ сыскивать всяки сыски накрѣпко, и ежели гдѣ оные и другіе кто безъ отпусковъ и паспорту явится, то ихъ присылать въ Кр. воев. канц. подъ карауломъ, а если тѣ воры въ коемъ вѣдомствѣ, кромѣ тѣхъ мѣстъ обывателей, другими людьми сыщутся, и тѣмъ обывателемъ за неприлежное искаціе учинено будетъ жестокое наказаніе... Командировать (для сыску) абаканской управительской конторы партію одного казака и синмъ 10 человѣкъ выписныхъ казаковъ доброконныхъ, и о томъ дать наказъ, въ коемъ написать велѣть тѣхъ бѣглецовъ денно и нощно въ полихъ и около жилыхъ мѣстъ присматривать и сыскивать всякими сыски накрѣпко и навѣдываться объ ихъ намѣреніи подлинно, и гдѣ оные нынѣ обрѣтаются, какъ возможно, ловить и поймавъ наложа имъ крѣпкія на ноги колотки, а руки завязавъ назадъ"—представить.

И въ то время мѣстному начальству вмѣнялось въ обязанность наблюдать, чтобы каждый обыватель имѣлъ паспортъ. Такъ 21 февраля 1749 Красноярская воеводская канцелярія приказываетъ Саянскому прикащику никого не отпускать безъ паспортовъ, такъ какъ „усмотрѣно въ городѣ Тобольскѣ пріѣзжихъ тобольской провинціи изъ разныхъ мѣстъ не малое число за разными въ Сибирской губернской канцеляріи дѣлами, а пашпортовъ при себѣ изъ воеводскихъ и управительскихъ канцелярій не имѣютъ".

21 декабря 1756 г. Абаканская контора предписываетъ

прикащику Теряеву, чтобы сотскіе и десятскіе [1] наблюдали, небыло бы бѣглыхъ и безпашпортныхъ въ деревняхъ, а также „ежедневное извѣстіе о отлучныхъ, кто куда отлучится, имѣли".

27 февраля 1756 г. Абакапская контора пишетъ саянскому прикащику: „ежели кто всякаго чина жители имѣютъ у себя какихъ служилыхъ чиновъ, то если солдацкихъ, разсыльниковыхъ и протчихъ тому подобныхъ дѣтей подъ укрывательствомъ, которыя подлежатъ по природѣ быть въ воинской службѣ, то бъ оные объявили, безъ всякаго страху и опасенія за то ихъ у себя содержаніе какого штрафу или паказанія".

Разыскивать предписывалось и раскольниковъ. Такъ, въ мартѣ 1737 г. Краснояр. воевод. канц. требуетъ разыскать лжеучителя Корепева, такъ какъ „изъ Тары де воевода Врапниковъ писалъ о показаніи тарскаго вѣдомства въ аевской избѣ ссыльныхъ Никитою Шелибутинымъ и разночинцевъ Тарха Сверчкова, Ивана Чебанина, Ивана Зудилова противности закону христіанскому о перекрещиваніи по суевѣрію и о содержаніи ими себя въ расколѣ и о сгорѣніи и о утопленіи раскольниковъ 73 человѣкъ и о протчемъ".

31 мая 1751 года Красн. воев. канц. требуетъ отъ Саянскаго прикащика: „ежели у кого есть старопечатныя какого бъ званія ни были книги, имъ бъ объявляли... а такожъ де и тѣ люди, кои неграмотные и не вѣдаютъ о томъ, что старопечатныя или новоисправленныя у нихъ книги, тѣ бъ объявляли... немедленно,.... подъ опасеніемъ ежели у кого послѣ сыщутся неотмѣнного штрафа". [2].

---

[1] О сотскихъ и десятскихъ см. Буцинскій, Ор. с., 281.

[2] Еще при Петрѣ Великомъ въ 1721 году былъ изданъ указъ, по которому нужно было: «Книги... старопечатныя, у кого явились и впредь по извѣту явятся въ продажѣ, какъ въ книжномъ ряду, такъ и въ домахъ, —оныя всѣ взять къ церковнымъ дѣламъ и отослать на печатный дворъ, а вмѣсто тѣхъ дать тѣмъ людямъ съ печатнаго двора новоисправленныя». Владѣльцы такихъ книгъ должны были дать подписку—впредь такихъ «книгъ не продавать и въ домахъ у себя не держать». Сивковъ, Петръ—писатель, въ сборникѣ Три вѣка. Россія отъ смуты до нашего времини Москва 1912 г. Томъ III, стр. 54.

24 января 1750 г. Красн. воев. канц. предписываетъ „освидѣтельствовать и обыскать, не имѣется ли какихъ съ титуломъ въ тѣ бывшія тамъ два правленія дѣлъ, манифестовъ, присягъ, формъ, квитанцій и протчаго, также состоявшихся же въ 1731 году декабря 14 числа манифестовъ и по нимъ учиненныхъ присягъ и буде по обыску таковыя дѣла явятся, то оныя присылать.... Что уже болѣе оныхъ дѣлъ не осталось, о томъ въ томъ дополненіи справедливо подъ страхомъ смертныя казни объявить, именно почему здѣшняя канцелярія болѣе въ присылкѣ уже таковыхъ дѣлъ и принужденія чинить не имѣетъ, но крѣпкую въ томъ надежду положитъ, что уже оныхъ дѣлъ не имѣется, при томъ же тебѣ прикащику Берняцкову велѣть учинить троекратныя публикаціи, въ коихъ объявить, ежели кто паче чаянія попынѣ у себя имѣетъ какіе либо изъ состоявшихъ въ бывшія два правленія съ титуломъ указы, манифесты, присяги, квитанціи и прочее, что въ оное не было, то въ оныи все безъ всякаго времени продолженія объявляли, гдѣ принадлежитъ, а буде кто за тѣми публикаціями спустя долго прошедшее время да будутъ объявлять, или оные какой ради страсти и боязни не объявятъ и у себя утаятъ, а послѣ въ томъ чрезъ кого изобличены будутъ, то съ таковыми поступлено будетъ по указу безъ всякаго милосердія и помилованія, не смотря и не пріемля приносимаго въ томъ оправданія и отговорокъ, при томъ же тебѣ прикащику Берняцкову накрѣпко подтверждается, ежели паче чаянія послѣ присылки въ Кр. воев. канц. такого (что уже тѣхъ извѣстныхъ титуловъ не осталось) репорта да будешь оныя паки присылать, тогда уже яко за лживое репортованіе въ силу указовъ изъ генеральнаго ресламента нажесточайше истязанъ безъ всякія пощады и милосердія быть имѣете“.

Сюда же относится указъ абаканской конторы отъ 22 іюля 1755: „есть ли кто во всероссійской имперіи въ печатныхъ въ кіевопечерской типографіи книгахъ у себя попынѣ имѣетъ съ извѣстнымъ титуломъ листы, то изъ оныхъ тѣ листы, въ коихъ упоминается оной титулъ, вынявъ“, объявляли бы.

Администрація борется со стремленіемъ обывателей обходить законъ. Такъ, многіе заключали всякаго рода сдѣлки безъ

платежа крѣпостныхъ пошлинъ. Въ указѣ Красн. воев. канц. отъ 27 сентября 1745 г. сообщается, что поступило донощеніе отъ Красноярской крѣпостной конторы „о продажѣ Красноярскими городскими и уѣздными обывателями дворовъ и прочихъ заводовъ, не явя у крѣпостныхъ дѣлъ, безъ письма крѣпостей и безъ платежа пошлинъ, и о держаніи въ домахъ въ работахъ работниковъ безъ взятія отъ крѣпостной конторы жилыхъ записей". Поэтому канцелярія предписываетъ впредь этого не дѣлать, подъ угрозой штрафа, а „тебѣ прикащику Плотникову въ вѣдомствѣ своемъ у всякаго чина людей освидѣтельствовать, не продаетъ ли кто дворовъ и лавокъ и протчихъ заводовъ безъ крѣпостей отъ крѣпостныхъ дѣлъ и безъ платежа обывательской пошлины, и не держатъ ли въ домѣ въ наймахъ работныхъ людей и въ надворничествѣ подворниковъ безъ порученныхъ записей, и ежели таковые по свидѣтельству твоему въ вѣдомствѣ твоемъ явятся, то тебѣ прикащику таковыхъ изъ вѣдомства своего присылать въ Кр. канц. для взятія въ продажѣ дворовъ, купчихъ, и на работныхъ людей отъ крѣпостной конторы жилыхъ записей съ платежомъ обыкновенныхъ пошлинъ, а ежели ты Плотниковъ таковые въ Красн. канц. высылать не будешь, то для свидѣтельства вышеявленнаго къ тебѣ Плотникову изъ Кр. канц. посланы будутъ нарочные служилые."

Къ продажѣ недвижимости относится и указъ Енисейской провинціальной канцеляріи, приводимый въ указѣ Красн. воев. канц. отъ 17 ноября 1748 года. „Извѣстно де, что многія разныя окладныя статьи..., рыбныя ловли, кузницы, бани и протчія положенныя въ окладъ статьи владѣтели продаютъ за деньги во владѣнія другихъ, и о той продажѣ у крѣпостныхъ дѣлъ съ платежомъ пошлины купцовъ даются крѣпости, а въ окладныхъ книгахъ оныя положенныя въ окладъ статьи платежомъ всѣ остаются за прежними владѣльцами, за кѣмъ оныя въ тѣхъ окладныхъ книгахъ написаны, и при сборѣ по окладу оброчныхъ денегъ за такими продажами много случается чрезъ двои и трои руки и больше достается; а настоящихъ хозяевъ и платежомъ оброчныхъ денегъ сыскивать неможно, отъ чего не иное слѣдуетъ, но токмо излишнее затрудненіе и въ сборѣ оброчныхъ по окладу денегъ помѣшательство и остановка. Того ради подтвержде-

но, ежели въ предь отъ сего числа разного чина люди будутъ продавать рыбныя ловли, кузницы, при домахъ бани и протчія положенныя въ окладъ статьи, кому по указамъ платить надлежитъ, то на оныя у крѣпостныхъ дѣлъ крѣпостей отнюдь не писать", а подавать въ канцелярію„ доношеніе, кому оныя продаваны будутъ" и записывать въ окладныя книги за покупщиками; „а которыхъ бань въ окладныхъ книгахъ не написано и оброчныя деньги разнаго чина людемъ платить не повелѣно, тѣмъ домы свои и бани свои продавать по прежнему свободно;" указъ этотъ „въ городѣ Красноярскѣ всякаго чина обывателемъ чрезъ сотскихъ и десятскихъ, не обходя ни единаго дому... объявить".

Любопытенъ указъ абаканской конторы 26 сентября 1756 г. о неисполненіи незаконныхъ мѣропріятій духовныхъ властей, вторгавшихся въ компетенцію свѣтскаго суда: „безъ спошенія съ Красн. воев. канц. о забраніи всякаго чина свѣтскаго суда людей и подобной сообщеной при томъ указѣ копіи посланные отъ заказныхъ духовныхъ дѣлъ съ наказами разсыльщики въ кое мѣсто явятся будутъ, имъ по тѣмъ наказамъ никого и ни откуда отнюдь не давать, а гдѣ что объ ономъ происходить будетъ, о томъ незакрытно репортовать".

20 апрѣля 1751 года Красн. воев. канц. посылаетъ указъ о томъ, „чтобы были послушны, когда явится поручикъ Панцыревъ для набору въ перегулярную службу отъ 1000 душъ по 100 человѣкъ". Здѣсь, вѣроятно, идетъ рѣчь о выписныхъ казакахъ.

16 мая 1757 г. Абаканская контора сообщаетъ содержаніе полученнаго изъ Сената указа о томъ, что „одподворецъ Свечниковъ объявилъ, что слышалъ отъ поручика и лейбъ-компаніи гренадера Андрея Половина о состоявшемся о невзысканіи на три года подушныхъ денегъ указѣ, о чемъ де и указъ у него имѣется"; сенатъ объявляетъ, что если и есть такіе указы, то они фальшивые, имъ вѣрить не нужно, а подати внести подъ опасеніемъ штрафовъ.

Очень часто встрѣчаются указы объ искорен. корчемства. Продажа вина была монополіей казны и приносила ей большой доходъ,

поэтому администрація прилагала всевозможныя усилія къ искорененію тайнаго винокуренія. [1]].

Такъ, 13 сентября 1751 г. Красн. воев. канц. сообщаетъ, что по опредѣленію красноярской ратуши „учинено публичное жестокое наказаніе битье кнутомъ“ красноярскимъ посадскимъ Никитѣ Журавлеву „за сидѣнье тайно вино, да за питье у оного Павлу Каменскому“,прикащикъ долженъ объявить объ этомъ, „чтобы на то смотря другіе того чинить не дерзали“.

9 марта 1753 г. Абаканская контора сообщаетъ о состоявшемся 25 декабря 1752 г. (въ день Рождества Христова [1]) публичномъ наказаніи кнутомъ за тайное винокуреніе красноярскаго разночинца Семена Бернцкаго и жены его Маремьяны Родіоновой, „а съ живущихъ съ вышеупомянутымъ Бернцковымъ въ сосѣдствѣ съ отца его Ивана Бернцкова, да съ дѣтей его Ивана и Алексѣя, Ивана Мельникова да съ дѣтей же его Ивана, Прокопія, Степана да Ѳедора Михалевыхъ за недосмотръ вышеписаннаго винпаго куренія, хотя они объ ономъ свѣдомы и не были, въ силу имянного указу взыскано со всѣхъ штрафу одинъ рубль, да сверхъ того учинено наказаніе—высѣчены батоги“.

26 іюля 1757 г. абаканская контора посылаетъ приказчику указъ о томъ, чтобы „для пресѣченія винпаго куренія и корчемства каждому въ своемъ вѣдомствѣ жительскіе дворы не обходя ни одного, переписать подесяточно и изъ опыхъ опредѣлить отъ десяти десятаго въ десятники, которымъ и дать въ силу указовъ наставленіе и притомъ накрѣпко велѣть имъ за тѣми десятниками смотрѣть, чтобы они... отнюдь вина не курили, тако жъ пивами и пьяными брагами и квасами не корчемствовали“. Крайне характерно въ этомъ указѣ недовѣріе къ десятникамъ; они обязаны искоренять корчемство, и въ то же время ихъ самихъ подозрѣваютъ въ тайномъ винокуреніи.

7 іюня 1758 абаканская контора вновь пишетъ саянскому прикащику о необходимости борьбы съ корчемствомъ, основываясь на новомъ сенатскомъ указѣ, „ибо въ кабацкомъ

[1] См. Андріевичъ, Ор. с., II, 226 сл., III, 12 сл., 155 сл., 251 сл.

сборѣ происходитъ недоборъ, да и не отчего иного, но за непресѣченіемъ отъ нерадѣнія и несмотрѣнія воеводами съ товарищи". [1].

10 октября 1754 г. абаканская контора посылаетъ указъ о томъ, „чтобы въ домахъ своихъ для собственнаго расходу пива безъ явки и платежа проварныхъ денегъ присланнымъ изъ красноярской ратуши цѣловальникамъ варить не дерзали" [2].

[1] Ср. Андріевичъ, Ор. с., 253—Любопытно доношеніе въ Енисейскую провинціальную канцелярію компанейщиковъ Ивана Скрѣпикова съ товарищами, выдержки изъ котораго приводятся въ указѣ абаканской конторы отъ 22 іюля 1755 года.

«Енисейскаго вѣдомства Нижкопашеннаго присуду въ деревнѣ Заозерной имѣется винная корчемная продажа, окромѣ имѣющагося у нихъ кружечнаго двора и опредѣленныхъ кабаковъ, чего ради для подлиннаго о томъ вѣроятія ноября 27 дня 1754 г. въ ночи писылали они въ Заозерную деревню для покупки къ пресѣченію того корчемства вина служителя ихъ Семена Милькова, которой взялъ съ собою для опасности нощныхъ часовъ по знакомству изъ города Енисейска Енисейскаго жителя Алексѣя Шморгеля, съ которымъ во 1-хъ прибыли въ Нижнюю деревню и по прибытіи показанной служитель за признаніемъ его остался въ той деревнѣ, а реченнаго Шморгеля просилъ, чтобъ онъ взялъ съ собою для покупки означенного вина постороннаго человѣка, ночью съѣздилъ въ реченную Заозерную деревню, который вмѣсто его той Нижней деревни съ разночинцемъ Яковомъ Безсоновомъ во оную Заозерную деревню и ѣздилъ и по прибытіи въ той деревнѣ купили у крестьянина Андрея Гаврилова сына Анкудинова въ деревянной небольшой флягѣ реченного вина, напримѣръ, какъ съ осмину или съ небольшимъ, за которое дали денегъ двадцать копеекъ, съ коими объявленый Шморгель и Безсоновъ въ показанную Нижнюю деревню къ тому служителю обратно и возвратились изъ которой деревни взяли то покупное вино, показанной служитель Мильковъ привезъ къ нимъ въ городъ Енисейскъ». Виновные въ куреньи тайно вина и питіи онаго 4 человѣка, по опредѣленію Енисейской провинціальной канцеляріи, были наказаны кнутомъ, такъ какъ по дряхлости оказались негодные къ военной службѣ, а прочіе обыватели деревни Заозерной, въ которой было 10 дворовъ, «за несмотрѣніе надъ оными» были высѣчены батогами и оштрафованы на одинъ рубль. «А чтобъ отъ такихъ непорядковъ другіе обыватели впредь воздержались и чинить бы такъ не дерзали», Енисейская канцелярія постановила сообщить о случившемся повсюду «со объявленіемъ, что имъ Анкудинову съ товарищи за то куренье учинено наказаніе». Очень похожій на приведенный въ цитированномъ указѣ случай разсказывается Глѣбомъ Успенскимъ въ его очеркѣ »Прогулка». Пріемы уловленія конкурентовъ фиска нисколько не измѣнились, несмотря на истекшія сто лѣтъ слишкомъ.

[2] Новый указъ объ этомъ посланъ 25 сентября 1758 г.

И въ то время администрація собирала свѣдѣнія объ урожаѣ хлѣбовъ. Такъ, 13 августа 1751 года Красн. воев. канц. предписываетъ саянскому прикащику донести „нынѣшняго лѣта казенный и партикулярныхъ людей хлѣбъ, какъ рожь, такъ ярица, овесъ и ячмень каковъ уродился, и не было ли опому отъ воды потопу и другого поврежденія".

Упоминаніе о „казенномъ" хлѣбѣ, повидимому, указываетъ на существованіе и въ Минусинскомъ краѣ такъ называемой десятинной пашни, которую крестьяне обязаны были воздѣлывать для нуждъ государства. Другихъ и свидѣтельствъ объ этомъ мы въ документахъ не находимъ. [1].

Указомъ 9 іюня 1760 года абаканская контора велитъ беречься отъ моровой болѣзни, „такъ какъ 7 августа 1759 года Ишимская управительская контора представила, что слободы Орлова Городища деревни Вяткиной у крестьянина Кокушкина 2 сыновей 7 и 5 лѣтъ опасною моровою болѣзнью умерли".

Очень часто встрѣчаются указы о томъ, что нужно беречься и доносить ежемѣсячно о скотскихъ и лошадиныхъ падежахъ (напримѣръ, указъ Красн. воев. канц. отъ 12 іюля 1750 года). 12 октября 1750 г. Красн. воев. канц. предписываетъ саянскому прикащику имѣть наикрѣпчайшую предосторожность отъ скотскихъ падежей, такъ какъ „сего октября 3 числа въ допошеніи изъ бывшаго Луказскаго мѣднаго заводу въ Краснояр. воев. канц. написано: въ прошедшихъ де іюнѣ, іюлѣ мѣсяцахъ сего году въ томъ заводѣ вѣдомства онаго въ деревняхъ пало обывательскихъ девять лошадей отъ болѣзни такой, что оные всѣ были опухли,, изъ которыхъ де одна лошадь священника Ивана Борисова пала такими мѣрами, что ее отъ земли взнесло высоко и бросило отъ мѣста прочь саженъ на десять и болѣе".

19 апрѣля 1757 г. абаканская контора пишетъ саянскому прикащику, что указомъ изъ сибирской губернской канцеляріи „велѣно о непропускѣ въ С.-Петербургъ и никуда, гдѣ скоту и лошадямъ падежъ есть, изъ тѣхъ мѣстъ

[1] О десятинной пашнѣ см. напримѣръ, Козьминъ, Ор. с., 19. 233—4

скота и лошадей по пресѣченіи оного и о предосторожности накрѣпко подтвердить, а особливо для лучшей предосторожности и прекращенія того падежа заразившихъ болѣзнями лошадей, отъ здоровыхъ отдѣлять безъ всякаго замедленія, выгнать и впредь выгонять отъ жилищъ далеко въ лѣса и въ поля и по выздоровѣ... паки отнюдь не допущать и людямъ къ нимъ приближаться не велѣть, и падалища зарывать глубокія ямы, усматривая въ мѣстахъ, гдѣ конскихъ кормовъ не бываетъ, и вопервыхъ оныя ямы копать, и потомъ лошадиныя падалища длинными шестами спихивать, и такъ бросать въ тѣ ямы и засыпать съ довольствомъ землею, причемъ людямъ стоять не противъ вѣтру, дабы пары отъ падалища къ нимъ наносимы не были, но по вѣтру, чтобъ такіе пары отъ нихъ отходили".

Новымъ указамъ 25 сентября 1757 г. абаканская контора сообщаетъ, на основаніи указа изъ Сибирской губернской канцеляріи, что „пало въ томъ городѣ Тобольскѣ въ 1756 году іюля съ 10 сентября по 1 число у ямщиковъ, какъ у живущихъ въ городѣ Тобольскѣ, такъ вѣдомства онаго въ уѣздахъ, деревняхъ рогатаго скота 1827 г., лошадей 136, въ городѣ Тюмени съ... (число стерто) октября по послѣднее число того рогатаго скота 2209, лошадей 16."

Часты также указы о береженіи лѣсовъ. [1]. Такъ 30 декабря 1746 г. Краснояр. воевод. канц. посылаетъ приказчику указъ „каждомѣсячно письменно о соболиныхъ лѣсахъ репортовать, что состоятъ въ добромъ порядкѣ и жженаго нигдѣ не имѣется", такъ какъ въ рапортѣ коммиссара въ Нелымскую канцелярію сообщается, что сгорѣло въ лѣтнее время соболиныхъ лѣсовъ на Туринскомъ волоку около Пентухи озера немалое число, а„ сколько мѣрою саженъ или верстъ по перемѣру" сгорѣло—неизвѣстно, „горѣло того лѣсу въ длину на 15 верстъ". 17 ноября 1751 г. Краснояр. воевод. канц. посылаетъ саянскому прикащику подтвержденіе: „гдѣ имѣется соболиной ловъ, накрѣпко запретить, чтобы лѣсовъ жечь отнюдь не дерзали".

[1] О нежженіи лѣсовъ шла рѣчь въ сенатскихъ указахъ 28 февраля 1744 г. и 6 октября 1754 г., см. Андріевичъ, Ор. с., III, 265.

Новый указъ о томъ же мы имѣемъ отъ 31 мая 1755 г. Абаканская контора, на основаніи указа изъ Краснояр. воевод. канц., пишетъ прикащику: если „отъ слабаго смотрѣнія учинятся хотя малые въ лѣсахъ пожары, и о томъ увѣдано будетъ, и за то тѣхъ мѣстъ съ присутствующими и другими управительми наижесточайше поступлено будетъ".

18 октября 1757 г. Абаканская контора посылаетъ новый указъ о береженіи соболиныхъ лѣсовъ: „къ тому жъ гдѣ кому по нуждѣ въ лѣсахъ на наслегахъ случится огонь развести, то бъ при отъѣздѣ оной погашали такъ чисто, чтобъ ни единой искры не осталось, подъ опасеніемъ въ томъ за несмотрѣніе и небереженіе по указу тягчайшаго наказанія". Особенную осторожность при разведеніи костровъ въ лѣсу должны соблюдать курьеры.

Какъ видно изъ этихъ указовъ, администрація боролась съ лѣсными пожарами главнымъ образомъ потому, что они вели къ уменьшенію пушного звѣря: только какъ поставщицу соболиныхъ и другихъ мѣховъ, а также драгоцѣнныхъ металловъ Сибири цѣнило правительство. [1].

Любопытенъ указъ абаканской конторы 22 января 1756 г., дающій понятіе о хищническихъ пріемахъ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ края населеніемъ: „накрѣпко подтвердить, чтобъ красноярскіе обыватели, ходя по лѣсамъ, годнаго въ хоромное и всякое строеніе лѣсу, а особливо матерого кедровника напрасно и безпустно для малыхъ своихъ бездѣльныхъ корыстей, кромѣ сущихъ законныхъ надобностей и нуждъ, отнюдь напрасно не пустошили и не рубили, а потребные бы тѣхъ кедровъ орѣхи и шишки обирали, не подрубая не токмо всего древа, но ниже сучья и чтобъ кому при томъ быть случится, другъ за другомъ смотрѣли и до того не допущали".

Тяжелой повинностью являлось для служилыхъ людей и обывателей строеніе лодокъ [2] и плотовъ для казенныхъ

[1] Объ уменьшеніи пушного звѣря въ результатѣ выжиганія лѣсовъ см. Ядринцевъ, Сибирь какъ колонія, 2-е изданіе, С.-Петербургъ, 1892, стр. 163.

[2] См. Буцинскій, Ор. с., стр. 273 сл.

надобностей: красноярскія власти имѣли обыкновеніе поручать строить нужныя для нихъ лодки абакапскимъ и саянскимъ служилымъ людямъ и обывателямъ. Такъ, 18 февраля 1743 г. Краснояр. воевод. канцелярія посылаетъ саянскому прикащику приказъ сдѣлать для красноярскаго перевоза 3 исправныхъ лодки, по 3 сажени въ длину, и сдѣлавъ ихъ приплавить въ Красноярскъ немедленно по вскрытіи льда.

Указомъ, даннымъ въ маѣ 1743 г., Краснояр. воев. канц. сообщаетъ прикащику о полученномъ изъ Енисейской провинціальной канцеляріи распоряженіи построить для Камчатской экспедиціи [1] суда подрядомъ, если казенныхъ судовъ нѣтъ: если же подрядчиковъ не явится, то провіантъ отправить изъ Красноярска на плотахъ. Поэтому прикащикъ Степанъ Муруевъ долженъ позаботиться, чтобы обыватели построили дощеники, а потомъ плоты, а затѣмъ „отправить по вскрытіи Енисея рѣки по самой полой вешней водѣ,... чтобъ за неотправленіемъ твоимъ немедленно во отправленіи къ отпуску провіанту какой за вашимъ нерадѣніемъ остановки не учинилось, что взыскано будетъ на васъ, понеже на красноярской воеводской канцеляріи спрашивается къ отпуску оного провіанту строго“.

Изъ указа 16 мая 1747 г. мы узнаемъ, что саянскій приказчикъ получилъ приказъ сдѣлать три лодки и приплавить ихъ въ Красноярскъ, но лодки не были присланы къ сроку; поэтому Краснояр. воев. канц. предупреждаетъ прикащика: „ежели оныхъ лодокъ на вышеписанной срокъ прислано не будетъ, и въ перевозѣ учинится остановка, то тѣ лодки имѣютъ быть куплены у здѣшнихъ обывателей, а выданные за нихъ деньги имѣютъ быть взысканы съ тебя Икопникова“.

3 апрѣля 1750 г. Краснояр. воев. канц. приказываетъ сдѣлать служащимъ въ саянскомъ острогѣ казакамъ 7 малыхъ лодокъ для казеннаго перевоза черезъ Енисей въ Красноярскѣ вмѣсто сгнившей казенной большой лодки, „а буде все вдругъ сдѣлать не можно, то хотя одну, и другой не

[1]) О Камчатской экспедиціи см. Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, IV, 224.

ожидая, въ скорости присылать, дабы въ сборѣ за перевозъ денегъ упущенья не произошло".

10 апрѣля 1751 г. абаканская контора посылаетъ указъ о постройкѣ новыхъ четырехъ лодокъ къ перевозу на Енисеѣ въ Красноярскѣ.

Въ іюнѣ 1758 г. абаканская контора предъявляетъ новое требованіе о постройкѣ саянскими служилыми людьми 4 лодокъ, одной для Абаканска, „да для перевозу въ городѣ Красноярскѣ чрезъ рѣку Енисей разнаго чина людей, ѣдущихъ курьеромъ, 3 лодокъ".

2 мая 1760 г. абаканская контора вновь требуетъ доставить 2 лодки для Красноярскаго перевозу, „не такія, какъ въ прошломъ лѣтѣ были присланы, безъ набойки и къ перевозу не годныя".

12 мая 1764 г. абаканская контора посылаетъ ордеръ саянскому прикащику Титу Монастыршину съ приказаніемъ сдѣлать лодки съ набойками въ деревни Пчельной, длиною въ 3 сажени, шириною въ 2 аршина; работникамъ будутъ уплочены деньги.

О томъ, какое количество людей отвлекалось отъ службы строеніемъ лодокъ, даетъ понятіе указъ Краснояр. воевод. канц. отъ 13 іюля 1750 г. Генералъ майоръ Киндерманъ ордеромъ велѣлъ имѣть отъ непріятеля наикрѣпчайшую предосторожность, „а въ Краснояр. вѣдомствѣ имѣются пограничные остроги Саянскій да Абаканскій въ коихъ для той осторожности Краснояр. казаковъ состоитъ весьма малолюдство затѣмъ, что оные по сіе время находились для строенія подъ казенный провіантъ барокъ и при отправленіи онаго, а нынѣ оные отъ той работы свободны и живутъ въ домахъ своихъ".

Съ верхняго Енисея красноярскія власти получали и нужный имъ для разныхъ надобностей лѣсъ. Такъ, 16 апрѣля 1740 г. Краси. воев. канц. требуетъ отъ саянскаго прикащика доставки дровъ, „на поданное доношеніе казачьяго головы Леонтія Тараканова парядчика, Василья Замойкина, о приплавкѣ въ Красноярскъ по наступающей первой полой водѣ на топленіе красноярской канцеляріи на дрова лѣсу изъ остроговъ абаканскаго и саянскаго, а именно изъ аба-

канскаго на 100, изъ саянскаго на 70 саженъ, да на строеніе полкового двора лѣсу изъ абаканскаго 100, изъ саянскаго 70 досокъ, „мѣрою по 5 саженъ, въ отрубѣ по 6 вершковъ, да плаху по 15".

За сентябрь 1748 г. сохранилось доношеніе прикащика капрала Краснкова въ Краснояр. воевод. канц. о томъ, что послано въ Красноярскъ для отопленія два плота сосновыхъ дровъ, отправить „березовыхъ костровыхъ за дальностью разстоянія не по которой мѣрѣ невозможно".

24 апрѣля 1759 г. абаканская контора отдаетъ новый приказъ о присылкѣ лѣсу: „для воеводы князя Ивана Челымскаго, для сплаву ему до города Красноярска добыть на 2 плота самолучшаго лѣсу 30 лѣсинъ, да на строеніе и починку въ Абаканскѣ казеннаго строенія круглаго лѣсу 20, мѣрою 4 саженъ". Какъ видно отсюда, служилымъ людямъ приходилось добывать лѣсъ и для личныхъ надобностей воеводы.

Лѣсъ для нуждъ красноярскихъ властей поставлялся съ верховьевъ Енисея вплоть до конца 18 вѣка. Такъ, 17 февраля 1793 г. красноярскій комендантъ Кугаевскій посылаетъ дозорщику абаканской границы, сотнику Муруеву ордеръ о командировкѣ 15 казаковъ въ лѣсъ для заготовленія лѣсныхъ припасовъ на комендантскую канцелярію.

Изъ ордера 16 мая того же года видно, что казаки отказались рубить круглый лѣсъ, какъ трудный для сплава, и обязуются купить готовый домъ для комендантской канцеляріи.

Случалось, что на казенныя работы уходили всѣ дѣйствительно служащіе казаки; въ такомъ случаѣ караульная служба возлагалась на выписныхъ казаковъ и обывателей. Такъ въ указѣ изъ Краснояр. воевод. канц. отъ 5 іюля 1749 г. читаемъ: „велѣно для приводу отправленныхъ съ казеннымъ провіантомъ 30 лодокъ отъ Челымскаго устья обратно до іуской пристани на оныя лодки въ работу употребить оставшихъ за откомандировкою на тѣхъ же лодкахъ въ барнаульскіе заводы казаковъ дѣйствительно служащихъ, также отставныхъ солдатъ и казаковъ же изъ домовъ и съ пограничныхъ остроговъ всѣхъ... двухъ сотъ десяти человѣкъ не достанетъ, то изъ обывателей употребить (кои и высланы); а въ остроги къ прикащикомъ посылать ея Импер. Велич.

указы, велѣть имъ вмѣсто помянутыхъ казаковъ во осторожности отъ непріятелей въ отъѣзжіе и степные караулы употреблять выписныхъ казаковъ, сверхъ того ежели нужда востребуетъ и изъ протчихъ обывателей, ибо оные казаки для приводу казенныхъ лодокъ Чулымскаго устья до іуской пристани... въ работу посланы вмѣсто обывателей, а сія же предосторожность касается равно какъ казаковъ, такъ и обывателей къ общей пользѣ".

Повинность, о которой идетъ рѣчь въ цитированномъ документѣ,—обязанность взводить по рѣкѣ дощаники съ казеннымъ провіантомъ—также ложилась тяжелымъ бременемъ на населеніе. [1].

Указъ 5 іюля 1749 г. относится къ извѣстному намъ изъ другихъ источниковъ факту; а именно, въ 1748 и 1749 г. хлѣбъ былъ дорогъ въ Томскѣ по случаю плохого урожая, и поэтому для рабочаго населенія Барнаульскаго и Колывано-Воскресенскихъ заводовъ велѣно было покупать хлѣбъ (6000 четв.) въ Краснoярскѣ и свозить отъ Ачинскаго острога по Чулыму и Оби на плотахъ до Томска, а оттуда въ Колываль и Барнаулъ на дощапикахъ. [2].

Въ виду недостатка въ казакахъ, администрація требовала, чтобы вооружались и обыватели. [3]. Такъ, 4 августа 1750 г. Краснояр. воевод. канц. предписываетъ прикащику, чтобы всѣ обыватели для предосторожности отъ непріятеля подѣлали себѣ пики, а въ противномъ случаѣ съ нимъ поступлено будетъ по всей строгости закона.

Указомъ 5 іюня того же года Краснояр. воев. канц. предлагаетъ обывателямъ, если хотятъ, выписывать ружья черезъ воеводскую канцелярію.

Разобранные въ этой главѣ документы позволяютъ намъ составить себѣ представленіе объ администраціи минусинскаго края въ 18 вѣкѣ. Къ началу 18 столѣтія округъ былъ уже совершенно замиренъ, караульная служба 100—150 казаковъ превратилась благодаря этому въ простую форма.ль-

[1] См. Семевскій. Ор. с., 260.
[2] Головачевъ, Сибирь въ Екатерининской коммиссіи, 100.
[3] О вооруженіи обывателей см. Андріевичъ, II, 183—5.

ность, и они сплошь и рядомъ не проживали въ назначенныхъ имъ для отбыванія службы мѣстахъ. Вслѣдствіе этого и назначавшіеся изъ рядовыхъ казаковъ прикащики, въ вѣдѣніи которыхъ находились и крестьяне близъ лежащихъ деревень, относились къ своимъ обязанностямъ крайне халатно. Приказы воеводской власти въ остроги проникнуты духомъ мелочной опеки и тщательной регламентаціи: всякая десть бумаги на учетѣ, точно опредѣляется число копенъ сѣна, которое нужно поставить для казачьихъ командъ. Объ исполненіи своихъ обязанностей по отношенію къ подначальнымъ казакамъ уѣздная власть думала мало: послѣдніе подолгу не получаютъ жалованья, питаются въ дорогѣ Христовымъ именемъ, жалуются, что имъ ѣсть нечего. Плохо обстоитъ дѣло и съ вооруженіемъ казаковъ, какъ это видно изъ донесеній прикащиковъ, укрѣпленія форпостовъ также не были приведены въ боевую готовность, а, наоборотъ, находились въ крайне запущенномъ состояніи.

Тяжелымъ бременемъ ложились на служилыхъ людей налагавшіяся на нихъ изъ воеводской канцеляріи повинности по строенію лодокъ и пр.

Узкій масштабъ жизни, при рѣдкой населенности края и отсутствіи крупныхъ населенныхъ центровъ, служитъ объясненіемъ того, что дошедшія до насъ извѣстія объ управленіи округа такъ бѣдны содержаніемъ.

III.

Ясачные инородцы Минусинскаго края въ 18 вѣкѣ.

Послѣ того какъ киргизы въ началѣ 18 вѣка покинули берега Енисея, ихъ мѣсто было занято двинувшимися съ разныхъ сторонъ инородческими племенами. Главнымъ матеріаломъ для характеристики ихъ быта и отношеній къ русскимъ служатъ намъ свидѣтельства ученыхъ иностранцевъ, посѣтившихъ въ 18-мъ вѣкѣ Минусинскій край, Гмелина и Палласа. [1].

Гмелинъ въ сентябрѣ 1739 года направился изъ Красноярска на западъ и черезъ мѣстности нынѣшняго ачинскаго уѣзда, (въ то время, находившіяся въ вѣдѣніи города Томска, проѣхалъ на лѣвобережную часть Енисея. Вначалѣ онъ ѣхалъ по дорогѣ изъ Красноярска на Томскъ, но у рѣки Соксы, впадающей въ Сережъ, притокъ Чулыма, свернулъ на югъ, на дорогу проложенную къ рудникамъ Красноярскаго вѣдомства. Дорога эта вела черезъ рѣку Ужуръ и озеро того же названія къ Черному, а затѣмъ и Бѣлому Юсу. До сихъ поръ Гмелинъ встрѣчался съ татарами томскаго вѣдомства, по ту сторону Бѣлаго Юса онъ наткнулся уже на множество юртъ качинскихъ татаръ краснояpскаго вѣдомства.

---

[1] Сообщаемыя Гмелиномъ и Палласомъ, а также Пестеровымъ, драгоцѣнныя свѣдѣнія о минусинскихъ инородцахъ были использованы частью только Карломъ Риттеромъ въ его «Землевѣдѣніи Азіи», т. III, стр. 497 сл.

Томскіе татары, по словамъ Гмелина, не разводятъ вовсе овецъ, и объясняютъ это тѣмъ, что собаки разрываютъ всѣхъ овецъ; у качинскихъ татаръ Гмелинъ нашелъ, напротивъ, большое количество овецъ. Отъ мѣста сліянія Бѣлаго и Чернаго Юса, Гмелинъ направился мимо озеръ Тустукуль и Билю Куль, рѣчки Тонмъ и Карышъ, къ впадающей въ притокъ Абакана, Уйбатъ, рѣчекъ Бирѣ. Въ бассейнѣ перечисленныхъ выше рѣкъ жили качинцы. Гмелинъ упоминаетъ о двухъ качинскихъ улусахъ, Багдинскомъ и Ястынскомъ [1].

Послѣ переправы черезъ Уйбатъ и его притоки, Бею и Инню, Гмелинъ очутился уже въ вѣдомствѣ города Кузнецка, среди сагайскихъ татаръ. Какъ отмѣчаетъ Гмелинъ, послѣдніе держали козъ, въ отличіе отъ качинскихъ.

За притоками Абакана Сыромъ, Аскызомъ и Есью, у рѣки Теи кочевали Бельтирскіе татары. Бельтирамъ, однимъ изъ всѣхъ татаръ кузнецкаго округа, приходится уплачивать дань калмыкамъ, частью желѣзомъ, частью юфтью. Дань эта очень тяжела. Въ 1738 году сагайцы захватили калмыцкихъ сборщиковъ, и увели въ плѣнъ въ Абакапскъ. Тамъ ихъ продержали нѣкоторое время, а затѣмъ, вѣроятно по приказу свыше, отпустили. [2].

Какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, Бельтирскіе татары платили калмыцкому владѣтелю, Галданъ Черену, по соболю съ человѣка, да сборщикамъ его, что тѣ успѣвали выжать. Такъ сборщикъ на 1742 годъ, Кутукъ Катакуловъ сверхъ ясаку взялъ силою, на себя, 10 соболей и 8 лошадей; онъ мучилъ Бельтиръ на всякій ладъ. Въ 1743 и 1744 годахъ пріѣзжалъ Мамантъ Катакуловъ; этотъ въ два года взялъ 22 коня и 20 соболей, тоже шибко мучилъ татаръ. Кромѣ сего, они оба порознь съ разныхъ лицъ взяли много разнаго добра и лошадей, чѣмъ внесли раззореніе въ татарскія семьи. Русскому правительству 48 ясашныхъ этой во-

Е. Яковлевъ въ «Этнографическомъ обзорѣ населенія южнаго Енисея» почти совершенно оставилъ въ сторонѣ эти свидѣтельства, Палласа онъ только цитируетъ мимоходомъ.

[1] Gmelin, Reise durch Sibirien, III, 272—291.

[2] Op. c., 330.

лости платили по 4 сорока по 11 соболей ежегодно, что составляетъ по 3½ соболя на человѣка [1].

Оказывается, что дань русскимъ была много тяжелѣе ясаку, выплачиваемаго калмыкамъ.

Между рѣками Абаканомъ и Енисеемъ, у рѣчки Калы, Гмелинъ наткнулся на Кайбальскихъ татаръ. Объ обитателяхъ лѣваго берега р. Енисея Гмелинъ не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній, называя ихъ просто татарами, упоминаетъ лишь Бейкотонскій улусъ въ землѣ кайбаловъ, къ сѣверу отъ Луказскаго завода.

Гмелинъ даетъ общую характеристику татаръ Красноярскаго вѣдомства, [2]) которую мы здѣсь и приводимъ.

Наружность татаръ, по его словамъ, должна показаться пріятной европейцу.

Глаза ихъ сидятъ въ головѣ не глубоко, ихъ лица не плоски и не широки, носы также не плоски, однимъ словомъ, лицомъ они болѣе всего походятъ на европейцевъ. Большей частью татары отличаются плотнымъ тѣлосложеніемъ. Среди нихъ не легко найти малорослыхъ, а также слишкомъ толстыхъ, чаще всего встрѣчаются худощавые. Они бодры и проворны, дѣловиты, веселы, обходительны, порядочные болтуны, но все же честны и искренны. Въ торговлѣ, правда, приходится быть съ ними осторожными; они считаютъ искусной продѣлкой, если имъ удается кого либо обмануть, и говорятъ, что никто не долженъ покупать товара, въ которомъ онъ не знаетъ толку; если же покупатель находитъ, что знаетъ въ немъ толкъ, то у него есть глаза, какъ и у продавца, покупатель самъ виноватъ, если дается въ обманъ. Еще не было слышно, чтобы татары занимались грабежомъ на большихъ дорогахъ, чтобы они крали другъ у друга или у русскихъ, или чтобы они кому либо намѣренно причиняли вредъ. Нельзя сказать, чтобы развратъ или пьянство имѣли среди татаръ большое распространеніе, но они не вполнѣ свободны отъ этихъ пороковъ, Гме-

---

[1]] Андріевичъ, Исторія Сибири, III, 150.

[2]) Op. cit. 344—7 Эта характеристика не относится къ какому либо отдѣльному племени, а вообще ко всѣмъ красноярскимъ татарамъ.

лину самому довелось видѣть татарина, пораженнаго сифилисомъ. Они владѣютъ большимъ количествомъ скота, а особенно лошадей, и приготовляютъ водку изъ конскаго молока. Когда же у нихъ большой запасъ этого напитка, имъ трудно удержатся отъ злоупотребленія имъ. При посѣщеніи татарами русскихъ городовъ или деревень, они заходятъ иногда въ шинки, или же пьютъ у знакомыхъ имъ русскихъ вино и пиво въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ состояніи вынести. Но всетаки нельзя сказать, чтобы они сильно предались пьянству. Татары охотно курятъ табакъ, начиная съ десяти или двѣнадцати лѣтъ отъ роду. Китайскій табакъ они считаютъ самымъ пріятнымъ, черкасскій курятъ только бѣдняки, причемъ перемѣшиваютъ его съ тонкими опилками березовой коры, частью изъ бережливости, часто съ целью ослабить крѣпость табака. Къ мертвымъ они храняtъ чувство благовѣйнаго уваженія, въ особенности же почитаютъ предковъ. Хотя имъ извѣстно, что изъ гробницъ ихъ предковъ выкопано уже много сокровищъ, но всетаки неизвѣстно, чтобы хоть одному пришла охота обогатиться такимъ путемъ, хотя у нихъ есть полная возможность это сдѣлать, такъ какъ живутъ они подлѣ этихъ гробницъ. Богатые татары берутъ отъ двухъ до четырехъ женъ, бѣднякамъ же приходится довольствоваться одной. Чистота у нихъ не въ почетѣ, отъ чего значительно проигрываетъ ихъ наружность; женщины, даже красивыя, очень походятъ на нашихъ грязныхъ служанокъ, мужчины—на батраковъ. Татары—чистые язычники, ни магометанамъ, ни монголамъ не удалось обратить ихъ въ свою вѣру. Христіанская религія не имѣетъ къ нимъ до сихъ поръ доступа, хотя не разъ дѣлались попытки обращенія татаръ въ православіе. Они указываютъ на гробницы своихъ предковъ и говорятъ, что уже фактъ ограбленія гробницъ указываетъ въ достаточной степени на то, какіе среди ихъ предковъ были почтенные и достаточные люди и въ какой степени желанія ихъ исполнялись въ земной жизни; и всѣмъ этимъ предки обязаны своей вѣрѣ, за которую и слѣдуетъ держаться ихъ потомкамъ.

А теперь татары уже не держатся такъ крѣпко за старые нравы и обычаи; если бы они отказались совершенно отъ вѣры предковъ, то ихъ благосостояніе пошатнулось бы окончательно.

Перейдемъ теперь къ разбору данныхъ о ясашныхъ иноземцахъ, которыя можно извлечь изъ архива Саянскаго острога. Изъ указа Саянскому прикащику Ивану Ермолаеву, данному красноярскимъ воеводой Семеномъ Баклановскимъ въ мартѣ 1733 года, видно, что изъ Тобольской губернской канцеляріи еще въ 1732 году было „велѣно обрѣтающихся въ енисейскомъ уѣздѣ при ясашныхъ волостяхъ разныхъ чиновъ жителей, кромѣ духовныхъ персонъ дѣйствительно служащихъ, которые имѣются при новопостроенныхъ церквахъ для священнаго служенія, и которые живутъ на ясашныхъ земляхъ самовольно безъ указу, выслать ихъ на прежнія жилища, а дворы ихъ и прочіе заводы разломать и впредь въ оныя волости для жилья и ни для чего не впущать и тѣмъ ясашнымъ иноземцамъ отнюдь обидъ и налогъ и утѣсненія, въ промыслахъ ихъ помѣшательства не чинить“. А такъ какъ „по тому указу.. что учинено... не отвѣтствовано и сего 1732 г. іюля 13 дня.... по приговору тобольской губернской канцеляріи велѣно... которые люди поселились въ ясашныхъ городахъ и въ волостяхъ и въ прочихъ ясашныхъ мѣстахъ по присланнымъ съ Москвы блаженныя и вѣчно достойныя памяти Ихъ Императорскихъ Величествъ грамотамъ по указу изъ Тобольской губернской канцеляріи тѣхъ изъ оныхъ волостей до указу съ тѣхъ мѣстъ не ссылать, а съ грамотъ и съ указовъ и со всѣхъ тѣхъ дѣлъ списавъ точныя копіи за своею рукою прислать въ Тобольскую губернскую канцелярію... немедленно.

А которые крестьяне и ямщики и прочихъ всякихъ чиновъ люди отставные дьячки и пономари и послѣ изъ оставшихся жены и дѣти ихъ, кромѣ настоящихъ поповъ и дьяконовъ и пономарей, которые дѣйствительно опредѣлены для священнаго служенія при остяцкихъ церквахъ, поселились и живутъ въ ясашныхъ земляхъ самовольно безъ указу или по закладнымъ и поступнымъ записямъ и по письмамъ отъ ясашныхъ иноземцевъ, тѣхъ всѣхъ не выключая никого, высылать на прежнія ихъ жилища, ни взирая ни на какія ихъ крѣпости, а дворы ихъ и прочіе заводы сломать“. Въ заключеніе воевода подтверждаетъ: „которые поселились около Саянскаго острогу въ ясашныхъ волостяхъ, отчего онымъ ясашнымъ иноземцамъ немалое разореніе... и тебѣ бы Ермолаеву

тѣхъ посельщиковъ выслать ихъ на старыя жилища, а дворы ихъ и прочіе заводы сломать“ и донести.[1])

Изъ указа за августъ 1734 г. мы узнаемъ что, хотя прикащикъ Иванъ Ермолаевъ издержалъ 103 пуда казеннаго провіанта, изъ Саянска „провіантъ отправленъ будетъ въ абаканскій острогъ для опасности отъ приходу непріятельскихъ людей, понеже въ абаканскомъ острогѣ казеннаго провіанта имѣется самое малое число, и оной выдается аманатомъ на кормъ, также и на пивное вареніе кайбальскимъ ясашнымъ иноземцамъ за приносъ ясака“. И въ Минусинскомъ краѣ русскіе брали съ инородцевъ аманатовъ, „поить“ иноземцевъ чтобы пріохотить ихъ вносить исправно ясакъ, лежало на обязанности сибирскихъ воеводъ (см. введеніе). Еще 15 іюня 1736 г. воевода Баклановскій приказываетъ прикащику Ивану Краснокову: „выдать тебѣ изъ казенной житницы казеннаго провіанту муки ржаной шесть четвертей въ абаканскій острогъ на кормъ аманатамъ и на вареніе пива, на печенье пива за приносъ ясаку кайбальскимъ иноземцамъ“.

[1]) Запрещая своимъ подданнымъ селиться на земляхъ ясашныхъ инородцевъ, правительство оберегало интересы казны, страдавшіе отъ недобора ясака, поступленія котораго неизмѣнно падали въ результатѣ эксплуатаціи природныхъ богатствъ русскими. Такъ еще въ 1619 г., когда Артемію Бабинову была пожалована земля ниже устья рѣки Рѣжъ и по рѣкѣ Ницѣ въ Туринскомъ уѣздѣ, инородцы Туринскаго острога подали царю жалобу, что Бабиновъ съ товарищами завладѣлъ ихъ вотчиною: „звѣри, лоси, соболи и лисицы бьютъ, а въ рѣкахъ бобровъ выбиваютъ рыбу ловятъ, хмѣль дерутъ, и **имъ государева ясака нынѣ и впредь добывать стало негдѣ** и они въ конецъ погибли“. По этой жалобѣ въ 1620 году царь велѣлъ верхотурскому воеводѣ Милославскому сыскать, что если инородцы давно владѣютъ тою землею, которую захватилъ Бабиновъ, то отдать ее прежнимъ владѣльцамъ. Инородцы были удовлетворены. Буцинскій, Заселеніе Сибири, Харьковъ 1889, стр. 37—38.

Въ 1639 и въ 1640 г. инородцы Тентюковой, Ермолаевой, Колмыковой, Колубаевой, Зензяровой и Илчибаевой волостей отправили государю двѣ челобитныхъ, въ которыхъ писали: „ съ того времени, какъ въ 1600 г. поставленъ Туринскій острогъ, мы жили въ покоѣ до 1622 года, но въ 1623 году въ нашихъ вотчинахъ по Ницѣ построена Чубарова слобода въ 1632 году Ирбитская, и русскіе крестьянъ тѣхъ слободъ поселились

Въ указѣ 17 марта 1734 г. о надѣленіи бывшаго подъячаго Пароентьева угодьями въ вѣдомствѣ Саянскаго острога, надѣленіе это обусловливается такъ: „ежели та земля не въ ясачныхъ урочищахъ и не будетъ помѣшательства ясачнымъ иноземцамъ".

Въ указѣ Красноярскаго воеводы, капитана Тимирязева, 13 апрѣля 1745 г. упоминается о доношеніи „о называніи кайбальской землицы ясачнымъ иноземцемъ Серженякомъ разночинца Леонтія Прокопьева сына Несегова воромъ, якобы воровски у нихъ въ рѣчкахъ раззорилъ бобровыя гнѣзда въ Шушѣ... и поселился де въ ихъ урочищахъ, въ деревнѣ Шуперской, воровски указъ добылъ". Рѣчь идетъ, конечно, объ указѣ на право жительства въ ясачныхъ волостяхъ, для чего требовалось особое разрѣшеніе.

Воевода требуетъ выслать обоихъ, обвинителя и обвиняемаго въ Красноярскъ.

дворами своими на нашихъ юртовскихъ земляхъ, пашенныя мѣста и сѣнные покосы у насъ отняли, лѣшихъ собакъ выбили, въ нашихъ угодьяхъ промышляютъ бобровъ, лисицу и соболей, ловятъ въ рѣкахъ рыбу въ нашихъ лѣсахъ ставятъ ослопы насильствомъ; въ слѣдствіе этого мы обнищали **и въ ясакѣ всякій годъ недоборъ.**" Туринскіе воеводы приняли ихъ сторону и отъ себя писали въ Москву, чтобы русскіе крестьяне этихъ слободъ были сведены. Правительство же приказало, чтобы русскіе крестьяне владѣли только пашнями, а въ угодья, лѣса и бобровые гоны, которые находятся въ вотчинахъ инородцевъ, не вступались, чтобъ лѣса не выжигали и звѣрей не прогоняли огнемъ, а въ противномъ случаѣ велѣно воеводамъ бить ихъ кнутомъ. Буцинскій, стр. 329—332. Буцинскій находитъ это требованіи правительства „страннымъ, свидѣтельствующимъ, впрочемъ, объ особенныхъ его заботахъ относительно инородцевъ" (?). Между тѣмъ, поведеніе правительства въ этомъ случаѣ вполнѣ понятно: Сибирь имѣла для него значеніе въ первое время исключительно, какъ поставщица драгоцѣнной пушнины, собираемой съ инородцевъ; по этому и мѣры, предпринимавшіяся властью для охраны инородческихъ угодій отъ хищническаго хозяйства русскихъ насельниковъ—воспрещеніе русскимъ жительства въ ясашныхъ волостяхъ, пропускъ въ нихъ русскихъ торговцевъ лишь по окончаніи сбора ясаку (см. ниже)—равно какъ и приказы „поить и кормить" исправно вносящихъ ясакъ инородцевъ—свидѣтельствуютъ лишь объ особенныхъ заботахъ о пополненіи государевой казны, а отнюдь о не о заботахъ о благосостояніи инородцевъ.

Отсюда слѣдуетъ, что земли по рѣкѣ Шушѣ, притоку Тубы, были заняты кайбалами.

Въ указѣ 9 марта 1749 г. сообщается, что „въ прошлыхъ годахъ тобольскіе подгородные татары пашенныя и непашенныя свои земли и сѣнные покосы разныхъ чиновъ русскимъ людямъ въ продажу и въ закладъ употребляли, почему оныя земли и понынѣ имѣются у тѣхъ русскихъ людей въ вѣчномъ владѣніи въ противность указамъ“ и соборному уложенію. „Накрѣпко запрещено, чтобъ всякаго чина люди въ силу выше писаннаго уложенія у татаръ ни какихъ земель не покупали и не мѣняли, и въ закладъ, и въ дачу, и въ наемъ не имали, а ежели кто дерзнетъ оныя татарскія земли покупать и другими вышеписанными случаи для владѣнія себѣ брать, и у тѣхъ людей оныя татарскія земли описаны будутъ на ея Имп. Вел., да сверхъ того ихъ же за имѣніе у себя тѣхъ татарскихъ земель... учинепъ будетъ штрафъ безъ послабленія, а чтобъ оныхъ земель татара отнюдь никому не продавали и никакими образы не укрѣпляли, также и у крѣпостныхъ дѣлъ крѣпостей и закладныхъ и протчихъ къ укрѣпленію ихъ надлежащихъ писемъ не писали, подъ опасеніемъ

Русскіе люди, поселявшіеся въ ясашныхъ волостяхъ, безпощадно истребляли пушного звѣря, приберегавшагося фискомъ исключительно для себя, поэтому инородцы не могли вносить сполна причитавшагося съ нихъ ясака, отъ чего чинился недоборъ государевой казны. Совершенно правильная точка зрѣнія у Ядринцева Сибирскіе инородцы, СПБ., 1891 г.: «Инородецъ является» «податной,» ясачной душой». Эта податная, ясачная душа должна быть ограждена, сохранена, иначе самый доходъ падетъ и не будетъ извлекаться. Вотъ впервые утилитарные мотивы явившейся гуманности, пощады и защиты инородца отъ обидъ и злоупотребленій воеводъ и частныхъ лицъ» [стр. 203].

Ср. также Ядринцевъ Сибирь какъ колонія 167.

Впрочемъ, уже частое повтореніе подобныхъ указовъ свидѣтельствуетъ о томъ что распоряженія правительства оставались благими пожеланіями и что русскіе продолжали наносить ущербъ исключительнымъ правамъ инородцевъ на пушного звѣря.

Ср. помѣщенный въ «Памятникахъ Сибирской исторіи,“ I, стр. 75 указъ отъ 31 мая 1700 г. о недозволеніи крестьянамъ Тобольскаго уѣзда причинять разореніе башкирцамъ.

за то жестокаго по указамъ штрафа и наказанія".

Въ указѣ 31 мая 1751 г. упоминается качинской землицы ясашный сборщикъ Дардаевъ.

Въ указѣ 13 августа 1753 г. Абаканская контора указываетъ на то, что у обывателей и ясашныхъ татаръ скотъ ходитъ на волѣ безъ присмотра, и предписываетъ, чтобы скотъ ходилъ табунами за присмотромъ, въ виду опасности отъ непріятельскихъ набѣговъ. При этомъ упоминаются выборные Качинской землицы: Найчекъ Райковъ, Бочень Бетуликовъ, Поросепъ Сурасовъ, Васька Коскеровъ, и Койбальской: Кускашъ Бетликовъ и Чихонъ Серденековъ.

12 октября 1753 г. Абаканская контора дѣлаетъ распоряженіе о непропускѣ кузнецкихъ татаръ въ Красноярскія тайги, по рѣкамъ Оѣ, по Ужѣ, и по Кебежу для промыслу, а „выслать для тѣхъ промысловъ въ собственныя ихъ урочища, а ежели во оныя Красноярскія урочища невидимо пройдутъ, то ихъ ловить и не чиня имъ никакихъ напрасныхъ обидъ, присылать въ здѣшнюю контору...., а опромышленное ихъ обрать, при томъ же прислать." Красноярское вѣдомство оберегало свои земли отъ ясатчиковъ другихъ вѣдомствъ, только татары подчиненныхъ ему землицъ имѣли право промышлять на земляхъ Красноярскаго округа. Это и понятно, такъ какъ татары посторонняго вѣдомства, промышляя на чужихъ земляхъ, только сокращали запасъ пушного звѣря, необходимаго татарамъ Красноярскаго округа для исправнаго взноса ясаку.

Объ аналогичномъ указѣ отъ 1 февраля 1756 г. (?) изъ абаканской управительской конторы ясачнымъ качинской и койбальской землицъ упоминаетъ Кузнецовъ Красноярскій [1].

1 декабря 1755 г. абаканская контора отправляетъ ордеръ о взысканіи съ ясашнаго Ларіона Морева, съ жены его Авдотьи Прокопьевой и съ дѣтей ихъ Тимофея, Никифора и Ефима за небытіе ихъ въ 1753-мъ году у исповѣди и святого причастія, „ въ силу ея Императорскаго Величества изъ Красноярской воеводской канцеляріи указу" съ каждаго по

[1] Архивъ Аскызской степной думы, Томскъ, 1892, стр. 1.

пяти, итого двадцать пять копеекъ, „въ самой крайней скорости, конечно, съ полученья сего того же часа“.

Изъ приказа Абаканской конторы 17 сентября 1757 г. мы узнаемъ, что морского галернаго флота лейтенантъ Коростелевъ требовалъ „о запрещеніи въѣздомъ и промышленіемъ звѣриной ловли по рѣчкѣ Салбѣ,—которая теченіе имѣетъ изъ горъ, именуемыхъ Кортуса въ Убею рѣку,—находящимся въ вѣдомствѣ здѣшнемъ всякаго чина и званія людемъ, кромѣ ясашнаго Чемиидая Теряева и его Чемиидаевыхъ дѣтей, дабы де прінсканному по оной рѣчкѣ томскимъ разночинцемъ Дмитріемъ Васильевымъ Серпуховитиновымъ обще съ вышеписаннымъ Чемиидаемъ Теряевымъ, да съ насынкомъ его, кайбальской землицы ясашнымъ Какбылакомъ Абыбаевымъ высочайшему Ея Императорскаго Величества великоважному секретному интересу въ тѣхъ мѣстахъ не могло учиниться тайнаго расхищенья. И о содержаніи оного ясашного Теряева и со всѣмъ домомъ его за его Ея Импер. Величеству вѣрнѣйшія ревностныя услуги, чрезъ котораго де нынѣ оказалось, чего до сего времени въ россійскомъ Ея Императ. Величества государствѣ и на свѣтѣ того не происходило, въ милости и о объявленіи состоящимъ подъ вѣдѣніемъ абаканской конторы всѣмъ жителямъ, чтобъ ему Теряеву и со всѣмъ домомъ его никому обидъ и налогъ не чинить, и о неотлученіи, какъ его Теряева, такъ и дѣтей его никуда, дабы де на него и протчіе его братья ясашные ко взысканію къ пользѣ государственной всякихъ вещей ревность возымѣли“. Нужно полагать, Теряевъ открылъ рудныя залежи, такъ какъ Коростелевъ былъ командированъ для развѣдки рудныхъ мѣсторожденій (см. ниже, глава V).

22 января 1760 г. Абаканская контора требуетъ отъ саянскаго прикащика высылки двухъ ясашныхъ, „кайбальской землицы на ясашномъ Инькѣ Кельбинѣ имѣется взятыхъ денегъ одинъ рубль 50 копеекъ, за которые обѣщалъ отдать кобылу 4 лѣтъ“, а на другомъ 2 рубля 50 копеекъ. 16 іюня того же года въ Абаканской конторѣ кайбальской землицы ясашнаго Терыбера Ульдеева жена Куразбей на разночинца Григорья Горбунова словесно просила въ отнятіи у нея „сильно“ кобылы буланой съ сѣдломъ окованнымъ,

съ кѣчимомъ [1] и войлокомъ, уздою и стременами китайскими, и красной сумы. „Того ради по полученіи сего тебѣ Опанину съ вышереченного Горбунова означенную лошадь и прочее взыскать и отдать показанной ясашнаго Тулберова женѣ все безъ остатка, безъ всякаго удержанья“, пишетъ контора Саянскому прикащику.

Въ цитированномъ уже выше (гл. II) приказѣ командированного для осмотра Саянскаго острога поручика Козьмина отъ 10 августа 1765 г. говорится: „въ нынѣшнемъ августѣ мѣсяцѣ въ слѣдованіе мое отъ караула абаканскаго къ здѣшнему саянскому острогу.... довольно усмотрѣно вѣдомства города Красноярска вѣрноподданые Ея Импер. Величества ясашные разныхъ родовъ иноземцы, а особливо кайбальской волости, кочуютъ со своимъ скотомъ въ разныхъ мѣстахъ нѣкоторые внутри границы, а иные и на границѣ, токмо всекрайне сожалѣтельно объ оныхъ, что безъ всякаго закрытія, а сверхъ того, какъ отъ здѣшняго саянскаго острогу къ карауду абаканскому, такъ и отъ караулу къ саянскому къ предусмотрѣнію воровскихъ непріятельскихъ сакмъ и перелазовъ не производится, въ чемъ состоитъ немалое упущеніе указнымъ Ея Императорскаго Величества повелѣніямъ, къ тому же по таковой слабости иногда (чего не дай Боже слышать) непріятель приближится къ россійской границѣ и учинитъ нечаянное прежде на вѣрноподданныхъ иноземцевъ нападеніе, а наконецъ можетъ свободно пробраться и внутрь россійскихъ мѣстъ безъ всякой опасности и въ томъ будетъ весьма счастливымъ себя почитать, напротивъ чего въ внутреннихъ россійскихъ мѣстахъ произойти можетъ великая опасность“. Поэтому прикащикъ получаетъ приказъ „посылать тебѣ по одному человѣку казаковъ хотя до первыхъ юртъ, гдѣ кочуютъ вѣрно подданные, и объявя во оныхъ башлыкамъ, чтобы они приказали отъ мѣста до мѣста черезъ свои кочевья о предусмотрѣнныхъ сакмахъ и благополучіи давать знать и изъ послѣдняго мѣста тотъ рапортъ доходить могъ бы до карауловъ,... чрезъ что вся граница будетъ извѣстна: кочующимъ же татарамъ близъ самой границы при-

[1] Кѣчимъ—чепракъ.

казать башлыкамъ, чтобъ скотскими своими табунами разъѣздной дороги вредить не могли, и тѣхъ табуновъ за оную не пускали, а содержали внутри границы, не близъ той дороги, при томъ же чтобъ они и сами великими или малыми партіями за тое дорогу безъ вѣдома командующихъ не ѣздили, дабы во время предусмотрѣнія тѣхъ сакмъ разъѣздные сумнительства имѣть не могли.“ Русская администрація, какъ видимъ, не упускаетъ случая подчеркнуть, что она заботится о безопасности ясашныхъ иноземцевъ.

28 августа 1767 г. Абакапскій управитель посылаетъ секретный указъ находящимся въ Саянскѣ въ карауле казакамъ: „по причинѣ учинившагося близъ саянскаго острогу на заимкѣ Самойловой отъ воровскихъ непріятельскихъ людей нападенія... со всѣми жителями отпоръ чинить и быть безотлучно въ Саянскѣ,.... какъ саянской острогъ состоитъ близи самой границы“. Управитель приказываетъ защищать крѣпость, „не жалѣя живота своего до послѣдней капли крови, за то, конечно, по услугѣ безъ награжденія не останется и все исполнить по долгу, памятуя принятую должность, тайно, не разглашая никому ни мало, подъ тяжкимъ штрафомъ, къ тому паче и надъ ясачными смотрѣть, чтобъ они какого иногда противнаго государству случаю здѣлать не отважились.“ Русскія власти, все таки, не были увѣрены въ полной покорности инородцевъ и принимали всякія предосторожности, чтобы держать ихъ въ подчиненіи.

У Кузнецова—Красноярскаго [1] упоминается объ указахъ: 13 іюня 1767 года ясачнымъ князцамъ, о сборѣ ясаку, 19 декабря 1767 г.—кайбальской землицы князцамъ, эсауламъ и лучшимъ людямъ, чѣмъ они, кромѣ денегъ, впредь, за полный въ казну, Ея И. В. платежъ ясака, въ награжденіе себѣ изъ казны получать желаютъ. 30 марта 1770 г. посланъ указъ Койбальской землицы Арши улуса князцу Чижакову о подаркахъ князцамъ за исправный взносъ ясаку въ казну, 30 ноября того же года—ему же о награжденіи

[1] Ibid. Кузнецовъ—Красноярскій не приводитъ текста указовъ, а передаетъ только въ нѣсколькихъ словахъ ихъ содержаніе.

князцовъ за исправный взносъ ясаку подарками, кому что въ диковинку—табакомъ, бисеромъ и протчими штучками.

Какъ сообщаетъ Палласъ, въ его время ясачные инородцы Красноярскаго вѣдомства распадались на шесть землицъ: Качинскую, Койбальскую, Яринскую, Капскую, Камасинскую и Удинскую. Во всѣхъ этихъ землицахъ насчитывалось 2994 обложенныхъ ясакомъ головъ. [1].

Ясакъ еще во время Палласа долженъ былъ уплачиваться соболями, причемъ онъ вносился уже не каждымъ инородцемъ отдѣльно, а сразу цѣлыми родами. Для всѣхъ племенъ красноярскаго округа ясакъ былъ опредѣленъ въ 5162½ соболя, но, въ дѣйствительности, большая часть ясака уплачивалась другого рода мѣхами или шкурами, а то деньгами, при чемъ цѣна соболя принималась равной рублю. [2].

До начала 70-хъ годовъ ясачные инородцы нынѣшняго минусинскаго округа находились въ вѣдѣніи абаканской управительской конторы, затѣмъ ясачные князцы стали получать указы непосредственно изъ Красноярской воеводской канцеляріи. Съ 1784 года, послѣ распространенія на Сибирь учрежденія о губерніяхъ 1775 года, ясачные перешли въ вѣдѣніе красноярскаго нижняго земскаго суда. [3].

Какъ мы уже знаемъ, Палласъ дважды посѣтилъ минусинскій округъ, въ концѣ сентября и началѣ октября 1771 и августѣ и сентябрѣ 1772 г.

Въ области качинскихъ татаръ онъ попалъ прежде всего въ Коковскій улусъ на берегу Бѣлаго Юса, названный такъ по имени жившихъ тамъ четырехъ братьевъ. [4]. Палласъ упоминаетъ еще одинъ улусъ Шебберде, у озера Билю Куля [5] Качинскіе татары, по словамъ Палласа, занимаютъ лучшую часть красноярскаго округа,—всю область между Бѣлымъ Юсомъ и Енисеемъ, вплоть до Уйбата и Абакана.

[1] Pallas, III, 13.

[2] Pallas, III, 12.

[3] Кузнецовъ—Красноярскій, Ор. с.,—О распространеніи на Сибирь положенія о губерніяхъ см. Андріевичъ, Ор. с., IV 9, 19.

[4] Pallas, II, 2, 678.

[5] Pallas, II, 2, 686.

Они дѣлятся на шесть волостей или аймаковъ, а именно: Шулошскій, Татарскій, Рубанскій, Тубинскій и Ястынскій аймаки. [1]. Воинственные тубинцы, значитъ, слились въ 18 вѣкѣ съ качинцами, „ястынцы ясашные“ были показаны у Ремезова по рѣкѣ Канѣ, у Канскаго острога.

Во главѣ каждой изъ этихъ волостей, по словамъ Палласа, стоитъ князецъ, который получаетъ утвержденіе изъ Красноярской канцеляріи, и, какъ это имѣетъ мѣсто у всѣхъ татарскихъ племенъ, самъ и взимаетъ ясакъ, разбираетъ мелкіе споры, но отъ казны содержанія не получаетъ и платитъ самъ за себя ясакъ. Собственно качинцевъ насчитывалось 1186 обложенныхъ ясакомъ головъ, и они платили въ качествѣ ясака 2196 рублей. Въ ихъ предѣлахъ проживало еще четыре другихъ племени, которыя составляли вмѣстѣ 222 головы [2]. Ясакъ качинцы вносятъ пушнымъ звѣремъ, или же уплачиваютъ его цѣну деньгами: при взносѣ ясака русскіе подносятъ имъ спиртные напитки, при чемъ рѣдко обходится безъ кровавыхъ столкновеній при попойкѣ. Палласъ нашелъ качинцевъ самымъ нечистоплотнымъ, непріязненнымъ и вѣроломнымъ изъ всѣхъ инородческихъ племенъ, которыя ему пришлось видѣть. По его словамъ, не стоитъ даже приводить примѣры ихъ продѣлокъ. Они не щадятъ даже другъ друга. Всего разнузданнѣе они въ пьяномъ видѣ, а въ послѣднее время стали особенно дерзкими, вслѣдствіе поблажекъ со стороны русскихъ, такъ что иногда рѣшаются даже вступать въ столкновенія съ русскими казаками.—Имущество качинцевъ состоитъ въ скотѣ; онъ зимой пасется на прекрасныхъ степяхъ возвышенностей, на которыхъ они живутъ, лѣтомъ же въ прохладныхъ и пріятныхъ долинахъ. Они держатъ лошадей, рогатый скотъ и овецъ [3].

---

[1] Шолошинъ и Тубинскій роды и въ настоящее время входятъ въ составъ абаканской инородческой управы.

[2] Pallas, III, 104.

[3] Инородцы сохраняли право выбирать себѣ князцовъ вплоть до 19 вѣка. Степановъ пишетъ, что татарскія волости состояли подъ начальствомъ избираемыхъ старшинъ или князцовъ. Еще въ его время татары управлялись по ихъ обычному праву, въ общихъ же судахъ судились лишь по преступленіямъ уголовнымъ. «Симъ то постановленіемъ избавляются они отъ притязаній и волокитъ со стороны земской полиціи

Въ слѣдующихъ словахъ Палласъ очень удачно схватываетъ зависимость между формой хозяйства и религіозными вѣрованіями: „такъ какъ качинцы, большей частью, богаты скотомъ, то они не занимаются земледѣліемъ и не обращаются въ христіанство". [1]. Качинцы оставались еще язычниками; Палласъ подробно описываетъ ихъ обряды [2].

Нѣкоторые качинцы засѣваютъ все же сибирскую гречиху и ячмень, чтобы обезпечить себя кашей. [3]. Сибирская гречиха растетъ на поляхъ въ дикомъ видѣ, въ особенности по правому берегу Енисея, ее собираютъ въ дикомъ видѣ бельтиры и койбалы; качинцы сѣютъ ее сами или же жнутъ, ея сколько имъ нужно, на поляхъ своихъ русскихъ знакомыхъ. [4]. За нѣсколько лѣтъ до прибытія Палласа среди татаръ показался сифилисъ. [5]. И здѣсь мы встрѣчаемся съ пензмѣнными послѣдствіями соприкосновенія инородцевъ съ представителями высшей цивилизаціи,—водкой и сифилисомъ.

Качинскія юрты Палласъ отмѣчаетъ еще на рѣкѣ Коксѣ, гдѣ татариномъ Шеминомъ былъ построенъ домъ и кожевенный заводъ [6], и на Уйбатѣ. [7].

Рѣка Уйбатъ является границей между землей, которую считаютъ своей качинскіе татары, подвѣдомственные городу Красноярску, и землей сагайскихъ татаръ, уплачивающихъ данъ въ Кузнецкъ. Такъ какъ въ степяхъ по обѣимъ сторонамъ Уйбата, защищаемыхъ горами, стоитъ зимой сравнительно высокая температура, то самые богатые изъ качинцевъ часто перекочевываютъ туда со своими стадами, и считаютъ эту мѣстность своимъ лучшимъ зимнимъ пастбищемъ. Сагайцы кочуютъ по правому берегу Уйбата и впа-

—

и присутственныхъ мѣстъ», прибавляетъ Степановъ (Енисейская губернія, Часть II, 19—20).

[1]) Pallas, III, 400.
[2]) Pallas, II, 2, 682.
[3]) Pallas, III, 400.
[4]) Pallas, III, 351.
[5]) Pallas, III, 403.
[6]) Pallas, III, 341.
[7]) Pallas, III, 342.

дающимъ въ него съ юга рѣчкамъ, качинскіе же татары стоятъ на лѣвой его сторонѣ [1].

Нестеровъ, въ 70-хъ годахъ обозрѣвавшій абаканскую границу, сообщаетъ о качинцахъ слѣдующее. [2]. Орды качинскія кочуютъ вверхъ по рѣкѣ Камыштѣ, и отъ устья этой рѣчки переходятъ въ степи по лѣвой сторонѣ Абакана, до его впаденія въ Енисей; кочуютъ они также по притокамъ Абакана и къ сѣверу отъ его устья вплоть до Юса. Крещены лишь немногіе качинцы, читать и писать по русски умѣютъ уже многіе. Качинцы держатъ очень много лошадей, у нѣкоторыхъ имѣется отъ 30 до 40 табуновъ. Лошади эти малорослы, покупателей на нихъ находится мало, поэтому онѣ и продаются дешево. Кромѣ того, у качинцевъ много рогатаго скота и овецъ; нѣкоторые продаютъ сразу отъ 50 до 100 быковъ. Рогатый скотъ является для нихъ единственнымъ источникомъ дохода, такъ какъ они не занимаются ни звѣроловствомъ, ни земледѣліемъ. Съ батраками качинцы обращаются сносно, даютъ имъ такую же одежду, какую носятъ сами, и не заставляютъ ихъ ни въ чемъ тер-

[1]) Pallas. III, 342.—Граница между сагайскими и качинскими инородцами слѣдующимъ образомъ опредѣляется по преданію и свидѣтельству 90 лѣтнихъ стариковъ въ приговорѣ 4 іюля 1859, вынесенномъ на общемъ собраніи родовыхъ старостъ Сагайской Думы,—въ полномъ соотвѣтствіи со словами Палласа: «по лѣвую сторону рѣки Уйбата земля занята перешедшими изъ Красноярскаго уѣзда съ рѣчки Качи прежде именовавшимися по имени той рѣчки качинскими, а нынѣ абаканскими инородцами, изъ которыхъ одни начали кочевать по рѣчкѣ Коксѣ, другіе по Биджѣ, а иные къ устью рѣки Абакана и вверхъ Абакана по рѣкѣ Уйбату: а нѣкоторые стали кочевать по рѣкѣ Тубѣ, отъ которой и приняли названіе тубинскихъ; впослѣдствіи нѣкоторые качинскіе инородцы стали переходить за устье рѣки Уйбата на владѣемую Сагайскими инородцами землю и селиться между ними по Абакану, даже до рѣчки Камышты и выше ея, а тубинскіе инородцы стали перекочевывать вверхъ по правую сторону рѣки Уйбата, и занятую ими въ Сагайскомъ владѣніи землю стали именовать своею, а нашихъ коренныхъ жителей этой мѣстности стали вытѣснять» Приведено у Григорьева. Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ инородцевъ минусинскаго края, Извѣстія Русскаго Географическаго Общества, Томъ XLII, 1906, стр. 440.

[2]) Remarques sur quelques peuples de la frontière chinoise. Magazin Asiatique, 1825 годъ, стр. 164 сл.

нѣтъ нужду. Съ русскими живутъ очень дружно. Прежде они продавали русскимъ много скота, и получали за него плату въ опредѣленные сроки, не требуя росписки, но потомъ имъ пришлось стать осторожнѣе. Они всегда готовы оказать помощь въ бѣдѣ земляку или русскому, если считаютъ его за честнаго человѣка.

Земля качинцевъ раздѣляется на нѣсколько родовъ. Мужчина не можетъ жениться на дѣвушкѣ своего же рода, такъ какъ всѣ члены рода считаются братьями и сестрами другъ другу. [1].

Мужья находятся въ полномъ подчиненіи у женъ, онѣ бьютъ ихъ за каждый проступокъ, особенно за пьянство или же за вѣтренность, и наказываютъ ихъ всѣмъ, что только попадется подъ руку. Мужъ не смѣетъ сопротивляться женѣ, потому что она можетъ уйти къ другому. Если женѣ понравится какая либо, даже дорогая вещь, то мужъ непремѣнно долженъ ее купить.

Пестеровъ подтверждаетъ, что качинцы сильно предаются пьянству. Все же онъ находитъ, что качинцы вмѣстѣ съ койбалами и сагайцами заслуживаютъ наибольшей похвалы изъ всѣхъ татарскихъ ордъ за свои хорошія качества, особенно за гостепріимство. Въ характеристикѣ нравственныхъ свойствъ качинцевъ Пестеровъ рѣзко противорѣчитъ Палласу.

Путешественники, предъявляющіе подоружную, получаютъ въ добавокъ къ лошадямъ еще все имъ нужное безъ всякой платы, такъ какъ качинцы привыкли покорно исполнять распоряженія правительства.

Любопытныя свѣдѣнія по исторіи качинскихъ татаръ собралъ во время своего путешествія по минусинскому округу съ апрѣля по сентябрь 1847 г. Кастренъ [2]. По его словамъ, подтверждаемомъ современными граматами (см. введеніе), ка-

---

[1] Объ экзогаміи см. напримѣръ Шурцъ, Исторія первобытной культуры, С.П.Б., 1910, стр. 140 сл., А. Богдановъ и И. Степановъ, курсъ политической экономіи, т. I, С.П.Б., 1910, стр. 57.

[2] См. Alexander Castrén Reiseberichte aus den Jahren 1845—1849. J. Petersburg, 1856, стр. 297—379.

О значеніи его работъ для изученія Минусинскаго края. См. Конъ, Историческій очеркъ минусинскаго мѣстнаго музея, стр. 14, также Савенковъ, ор. с., 81 сл.

чинскіе татары во время завоеванія Сибири оказывали поддержку русскимъ казакамъ въ ихъ борьбѣ съ киргизами, и послѣ вытѣсненія послѣднихъ утвердились въ качинской степи, между Юсомъ и Абаканомъ. Уже во время пребыванія на р. Качѣ качинцы приняли къ себѣ и ассимилировали аринов. Послѣ же того, какъ онѣ утвердились въ Минусинскомъ краѣ, ихъ племя увеличилось вслѣдствіе присоединенія нѣсколькихъ киргизскихъ семействъ и другихъ родовъ, а именно: Тинъ, Джастекъ, Джаренъ, Джилтагъ, Сукурларъ и Тубаларъ или тубинцевъ. [1]. Качинцами былъ принятъ въ свою среду и извѣстный подъ именемъ тубинцевъ самоѣдскій родъ, образовавшій во время Кастрена такъ называемый тубинскій улусъ, въ составъ котораго входило и нѣсколько киргизскихъ семействъ. [2].

По рѣкѣ Ербѣ Палласъ нашелъ нѣсколько убогихъ татарскихъ юртъ такъ называемаго Кайдынскаго аймака. Это племя, очень немногочисленное, стоитъ вмѣстѣ съ тинскимъ [3] и яринскимъ [4] племенами подъ властью одного башлыка; всѣ три племени крещены. Изъ этихъ трехъ племенъ, объединенныхъ подъ именемъ яринцевъ, часть поселилась уже много лѣтъ тому назадъ вокругъ рѣкъ Теси и Ербы, среди качинскихъ татаръ. Собственно яринскій аймакъ насчитываетъ до 30 луковъ, ихъ старѣйшина или князецъ живетъ на Уйбатѣ; Тинское племя или Букъ—Тинъ—Аймакъ состоитъ изъ 29 луковъ, его князецъ живетъ на рѣкѣ Комѣ, впадающей въ Енисей съ правой стороны, противъ деревни Трифоновой, ниже Абаканска; наконецъ; Кайдынское (Казанъ—Кайдынъ—Аймакъ) состоитъ всего изъ 16 луковъ и живетъ большей частью въ горахъ по рѣкѣ Кизиру, составляющей въ соединеніи съ Казыромъ и Амыломъ рѣку Тубу.

---

[1]) Castren, op. cit, 320, 321, 344, 379.

[2]) Op. cit, 351.

[3]] Тинскій родъ существуетъ и понынѣ, онъ входитъ въ составъ абаканской инородческой управы, См. Паткановъ, Статистическія данныя, показывающія племенной составъ населенія Сибири, языкъ и роды инородцевъ, т. I, С.П.Б., 1912, стр. 74, т. II, С.П.Б., 1911, стр. 378 сл.

[4]] Еще Гмелинъ, op. c., III, 325, упоминаетъ «о яринскомъ колдунѣ, живущемъ вверхъ по Сыдѣ». О «яренскихъ татарахъ», перекочевавшихъ изъ подъ Красноярска «вверхъ Енисея рѣки», упоминается и въ че-

Эти татары, вмѣстѣ съ койбалами, отправляются въ лежащія по этимъ рѣкамъ и Оѣ горы для охоты за соболемъ, прочія татарскія племена допускаются ими туда лишь на извѣстныхъ условіяхъ. [1].

Въ сагайской землѣ Палласъ въ 1772 г. нашелъ уже недавно построенную церковь, [2] къ которой причислены крещеные сагайцы, въ селѣ Усть-Аскызскомъ, при впаденіи Аскыза въ Абаканъ. Тутъ Палласъ не нашелъ никакихъ построекъ, кромѣ жилищъ священника и начальника (башлыка) сагайцевъ, по имени Амзора, крестившагося уже давно. Аскызскій священникъ подчиненъ Абаканскому, хотя сагайцы находятся въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ. Крещеныхъ сагайцевъ, во время Палласа, было уже достаточное число; они, вмѣстѣ съ тѣмъ изъ своихъ сородичей, которые еще оставались язычниками, поддержали постройку церкви и вносили свою долю на содержаніе причта. Многіе стали уже заниматься земледѣліемъ, но перейти къ осѣдлому образу жизни сагайцамъ трудно въ виду сильно развитаго скотоводства. Лѣтомъ они поднимаются со своими стадами вдоль Аскыза, Базы, Пенн, Сыра и Уйбата на плоскогорье, а весной спускаются обратно на прекрасныя безснѣжныя степи вдоль Абакана. Сагайцевъ насчитывается не болѣе 150 душъ мужского пола, ясакъ съ нихъ положенъ въ три рубля съ лука. По чертамъ лица и тѣлосложенію сагайцы сильно отличаются отъ качинскихъ татаръ, но представлятъ большое сходство съ бельтирами и прочими населяющими кузнецкихъ

лобитіи ясаула каченской землицы Кулчакова отъ 1720 года, см. главу I Очевидно это потомки ариновъ, жившихъ въ 17-мъ вѣкѣ около Красноярска, о которыхъ говоритъ Фишеръ.—Преданіе ариновъ о борьбѣ съ русскими, въ результатѣ которой ихъ племя было почти совершенно истреблено, см. у Castren' a, op. cit, 321 примѣчаніе.—Кастренъ нашелъ во время своего путешествія еще одинъ улусъ ариновъ численностью въ 80 чел., входившій подъ именемъ Ара въ вѣдомство качинскаго степного суда. Jbid, 344, ср. также A. Castren. Etnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, S. Petersburg, 1857, стр. 87.

[1] Pallas, III, 339.

[2] Кузнецовъ Красноярскій (Ор. с., 20—21) приводитъ два документа относительно постройки этой церкви. 10 іюня 1770 г. заказчикъ

нецкій хребетъ татарами. Самые богатые изъ сагайцевъ имѣютъ отъ 80 до 100 лошадей, столько же коровъ и нѣсколько сотъ овецъ. Бѣдные же имѣютъ отъ 10 до 20 штукъ крупнаго скота, этого количества вполнѣ достаточно у кочевыхъ народовъ для пропитанія семь среднихъ размѣровъ. Земледѣліемъ сагайцы занимаются лишь для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, кромѣ того они выкапываютъ всевозможныя коренія и растенія. [1].

Согласно преданіямъ сагайцевъ, записанымъ Катановымъ, [2] они пришли на берега Абакана съ юго-запада, изъ Кузнецкаго округа.

По словамъ Нестерова, [3] многіе изъ сагайцевъ крещены; они держатъ большое количество скота, скотъ у нихъ сильный и здоровый; такъ какъ они пріучаютъ лошадей бѣгать рысью и галопомъ, и продаютъ ихъ за 30—50 рублей, рогатый скотъ сагайцы также хорошо выкармливаютъ и тор-

(благочинный) красноярскаго духовнаго правленія протоіерей Алексѣй Михайловскій донесъ Варлааму, епископу Тобольскому и Сибирскому, что, «красноярскаго вѣдомства койбальской землицы, кузнецкаго вѣдоаства сагайской, Бельтирской, Верхо-томской и Мраской землицъ новокрещенные... желаютъ построить въ сагайской землицѣ при рѣчкѣ Аскысѣ своимъ коштомъ вновь во имя Перв. апостол. Петра и Павла деревянную церковь, къ чему и тамошняя Красноярская воеводская канцелярія съ красноярскимъ духовнымъ правленіемъ согласна.» 20 октября Варлаамъ благославляетъ протоіерею «въ показанной сагайской землицѣ... деревянную церковь на удобномъ и не водоемномъ, и отъ пожарныхъ случаевъ безопасномъ мѣстѣ по чиноположенію церковному соборне обложить.» Грамотой отъ 20 февраля 1771 года Варлаамъ благославляетъ уже Михайловскаго «церковь посланнымъ при семъ св. Антиминсомъ по чиноположенію соборне освятить, и по освященіи велѣть въ ней священнослуженія отправлять,» такъ какъ уже «въ прошломъ 771 году... церковь въ совершенное строеніемъ окончаніе приведена, и всѣми принадлежащими ко благолѣпію церковному потребностьми удовольствована, и ко освященію имѣется въ готовности».

[1] Pallas, III, 347-9.— О земледѣліи у минусинскихъ инородцевъ въ 18 вѣкѣ см. Ядринцевъ, Сибирскіе инородцы, С.-П.Б., 1891, стр 130—131.

[2] Преданія присаянскихъ племенъ о прежнихъ дѣлахъ и людяхъ, С.-Петербургъ, 1909, 270 сл.

[3] Op. c., 163.

гуютъ имъ. Кромѣ того сагайцы занимаются звѣроловствомъ, соболя у нихъ довольно плохіе.

Въ 1772 году Палласъ посѣтилъ и бельтировъ, кочевавшихъ, какъ и во времена Гмелина, по верхнему Абакану. Всего въ 8 верстахъ отъ села Усть-Аскызскаго находилось зимнее жилище башлыка, которому были подчинены какъ бельтиры, такъ и бирюсинцы, по имени Епгина. Бельтировъ въ то время числилось приблизительно полтораста обложенныхъ ясакомъ душъ мужского пола, уплачивавшихъ всего вмѣстѣ 300 рублей. Они, какъ и сагайцы, состоятъ въ кузнецкомъ вѣдомствѣ, и вполнѣ сходны съ послѣдними по чертамъ лица, тѣлосложенію и испорченному татарскому языку. Многіе изъ нихъ владѣютъ большимъ количествомъ скота и овецъ, большая часть занимается также немного земледѣліемъ Такъ какъ бельтиры отличаются благосостояніемъ, то среди нихъ нѣтъ обращенныхъ въ христіанство, замѣчаетъ Палласъ, и они по прежнему остаются язычниками. [1].

По всему теченію рѣки Абакана, отъ впаденія его въ Енисей до высокихъ горъ, въ которыхъ беретъ начало рѣчка Таштыпъ, снѣгъ держится зимою очень рѣдко, такъ что крупный и мелкій скотъ постоянно находитъ себѣ пищу безъ всякаго затрудненія. Бельтиры и Сагайцы, занимавшіеся земледѣліемъ, засѣвали свои пашни обычно на южной или правой сторонѣ рѣки Абакана, хотя тамъ, собственно говоря, начиналась уже земля койбальскихъ татаръ Красноярскаго вѣдомства [2].

Изъ бельтирскихъ преданій, записанныхъ Н. Ѳ. Катановымъ [3] видно, что предки бельтировъ занимались исключительно звѣроловствомъ, и не имѣли ни царя, ни начальства. Когда же они стали подданными Бѣлаго Царя, то дань въ видѣ звѣриныхъ шкуръ доставляли въ Аба—тура, т. е. городъ Кузнецкъ. Томской губерніи. Тогда они бродили по горамъ и горнымъ рѣчкамъ смежныхъ мѣстъ губерній Томской и Енисейской и питались мясомъ звѣрей.—Передъ спускомъ въ долину Абакана бельтиры жили главнымъ обра-

[1] Pallas, III, 354—5.
[2] Pallas, op. cit, III, 354.
[3] Op. c., 267—8.

зомъ по рѣчкѣ Матуру и занимались звѣриной ловлею, а отчасти и разведеніемъ лошадей.—Древніе бельтиры—звѣроловы, кромѣ звѣринаго маса, ѣли только горныя растенія—саранцъ и кандыкъ, съ обыкновенною мясною пищей и приготовленіемъ ея, съ заправкою въ нее крупы, познакомили ихъ Качинцы, которые пріѣзжали къ бельтирамъ съ мелочными товарами. Торговля эта для качинцевъ въ тѣ времена была весьма прибыльная, такъ какъ за наперстокъ и иголку можно было брать кобылу съ жеребенкомъ.

По словамъ Нестерова, [1] бельтиры держатъ много лошадей, быковъ, овецъ. Лѣтомъ они кочуютъ по лѣвому берегу Абакана, зимой селятся на островахъ по Абакану, гдѣ у нихъ сдѣланы запасы сѣна. По рѣчкамъ Арбату, Моноку и Сосу они занимаются земледѣліемъ, вмѣстѣ съ пограничными казаками. Начали бельтиры заниматься земледѣліемъ не болѣе 15 лѣтъ тому назадъ, отчего положеніе ихъ значительно улучшилось, раньше они питались исключительно кореньями сарапы и кандыка, которые теперь служатъ имъ только лакомствомъ. Бельтиры, какъ и сосѣдніе кочевники, страшно боятся оспы, отъ которой убѣгаютъ въ горы. Заболѣвшаго оспой оставляютъ умирать съ голоду безъ всякой помощи. Если русскія или татарскія дѣти заболѣваютъ оспой, бельтиры не принимаютъ никого изъ зараженныхъ мѣстъ и изгоняютъ угрозами и даже силой всякаго, кто только вздумаетъ у нихъ остаться. [2].

За рѣкой Есью, у рѣки Теи Палласъ наткнулся на Кобинскихъ татаръ. Тамъ онъ нашелъ старѣйшинъ или князцовъ трехъ татарскихъ племенъ, Кобинскаго, Каргинскаго и Каинскаго, находившихся въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ. Племя кобинцевъ состоитъ изъ 53 луковъ; каргинское—изъ 40, всѣ они, вмѣстѣ съ проживающими въ горахъ Каинскими и Шорскими [3] татарами, носятъ названіе бирюсинцевъ. Кобинцы и

[1] Op. c., стр. 159 сл.

[2] Теперь бельтирскій родъ входитъ въ составъ сагайской инородной управы, см. Е. Яковлевъ, Этнографическій обзоръ населенія южнаго Енисея, стр. 12.

[3] Изъ бельтирскаго преданія, записаннаго Н. Ѳ. Катановымъ. (Преданія присаянскихъ племенъ о прежнихъ дѣлахъ и людяхъ, С.П.Б., 1909,

каргинцы въ началѣ также жили въ горахъ и добывали себѣ скудное пропитаніе охотой, но съ тѣхъ поръ, какъ они перешли на равнины по Теѣ и Абакану, ихъ положеніе нѣсколько улучшилось, вслѣдствіе распространенія среди нихъ скотоводства. По языку, образу жизни и нравамъ они вполнѣ походятъ на бельтировъ[1]. Порѣкѣ Таштыпу Палласъ нашелъ каинскихъ и шорскихъ татаръ, среди первыхъ насчитывалось 25 обложенныхъ ясакомъ головъ, шорскихъ же татаръ, жившихъ ближе къ рѣкѣ Мрасѣ, до 50. Такъ какъ эти татары не занимаются земледѣліемъ и очень бѣдны скотомъ, то они питаются, главнымъ образомъ, всякаго рода дикими кореньями, а также тѣмъ, что имъ доставляетъ охота. Эти татары въ своихъ недоступныхъ урочищахъ остаются еще язычниками. Къ зимѣ они спускаются со скотомъ, котораго у нихъ очень мало, къ Таштыпу, въ мѣста, гдѣ снѣгу не слишкомъ много. Такъ какъ въ занимаемой этими татарами мѣстности соболей мало, то они ходятъ за соболемъ для добычи ясаку въ урочища по ту сторону Енисея, на земли Красноярскаго вѣдомства. Но койбалы, которые считаютъ эту территорію своей, не даютъ имъ разставлять силки на соболя, часто отнимаютъ у нихъ охотничьи снаряды и съ ущербомъ прогоняютъ ихъ обратно [2]). Эти—то племена очевидно и имѣются въ виду въ приведенномъ нами выше приказѣ Абаканской конторы о непропускѣ инородцевъ кузнецкаго вѣдомства на красноярскія земли.

По словамъ Нестерова [3]) двѣ орды Каргинцевъ, орда Кебинцовъ, куазовъ и шорцевъ кочуютъ въ Кузнецкомъ округѣ по берегамъ Таштыпа и Тюйи. У каргинцевъ очень

стр. 208—9), видно, что инородческія колѣна соръ (шорцы) и шаясъ, для защиты отъ саянскихъ татаръ, угонявшихъ у нихъ скотъ, примкнули къ бельтирамъ, поселились по рѣчкѣ Монокъ, и вмѣстѣ съ ними стали платить дань въ Кузнецкъ. Дань эта состояла, какъ и у бельтировъ, въ мѣхахъ соболей и другихъ звѣрей, и вносилась сначала начальникамъ отдѣльныхъ родовъ, которые отвозили ее потомъ въ Кузнецкъ.— О каргинцахъ ibid, 271—2. О шорскихъ татарахъ см. Radloff, Aus Sibirien I, 213—4.

[1]) Pallas, III, 362.

[2]) Pallas, III, 367.

[3]) Op. cit, 161.

много рогатаго скота, другого скота у нихъ очень мало. Они перекочевали сюда въ 40-хъ годахъ 18 вѣка съ рѣки Мрасы и другихъ мѣстностей Кузнецкаго округа, въ то время они находились въ бѣдственномъ положеніи. Ихъ благосостояніе значительно поднялось съ тѣхъ поръ, какъ они принялись за земледѣліе и стали косить сѣно, такъ какъ плодородная почва вполнѣ вознаграждаетъ ихъ за труды. Куазы и Шорцы бѣдны, поэтому воруютъ у своихъ богатыхъ сосѣдей и у казаковъ лошадей, жеребятъ, коровъ, для употребленія въ пищу, въ особенности, когда у нихъ истощается запасъ сараны и кандыка (объ этомъ смотри ниже рапортъ капрала Шахматова отъ 9 января 1791 года). Эти племена часто терпятъ голодъ, тѣмъ не менѣе богатые обращаются съ батраками дерзко и грубо, даютъ имъ вмѣсто пищи и одежды мясо и кожу павшихъ животныхъ. Очень немногіе изъ нихъ приняли христіанство. Эти орды охотятся вверхъ по Абакану и его притокамъ, нѣкоторые отправляются за соболями на Енисей у впаденія въ него Уса. Они ловятъ соболей, рысей, выдръ, россомахъ, бобровъ, бѣлокъ, кабановъ, лосей. Соболя у нихъ великолѣпные.

Въ степи между низовьями Абакана и Енисеемъ кочевали койбалы, состоявшіе въ Красноярскомъ вѣдомствѣ. Между Енисеемъ и Абаканомъ проживали слѣдующія племена: Тарачакъ изъ 32 головъ, Большой Байгатолъ—36 головъ. Карпаръ 32 головы, Юргенъ соединенный съ аймакомъ Бугудзе, почти 30 головъ. Къ востоку отъ Енисея также жили слѣдующія племена койбаловъ: Аршупово—23 головы, Сысково—15, Аскатово—8, Кольское—16, Ангарово—31, Тубинцы [1]) вмѣстѣ съ Моторами—25, Абугачево—16, Арчинское—25, Малой Байгатолъ—42 и Большой Байгатолъ—65 обложенныхъ ясакомъ головъ мужского пола. Койбалы почти всѣ крещены и оффиціально, по крайней мѣрѣ, отказались отъ

---

[1]) Какъ явствуетъ отсюда, тубинцы распылились, одни присоединились къ качинцамъ, другіе къ койбаламъ.

Въ одномъ качинскомъ преданіи, записанномъ 1 іюля 1890 г., о тубинцахъ разсказывается слѣдующее: на рѣкѣ Тубѣ русскій чиновникъ срубилъ избу на подобіе мельницы и казнилъ въ ней непослушныхъ въ такомъ количествѣ, что кровь текла рѣкою. Испугавшись этого многіе тубинцы бѣжали и стали бродягами (Катановъ, о. с., 279]. Ср. выше, введеніе

языческихъ обычаевъ. Они не очень богаты скотомъ, но все же живутъ довольно зажиточно, такъ какъ занимаются успѣшно охотой, а кромѣ того немного и земледѣліемъ. Богатые койбалы занимаютъ степи по Абакану и Енисею, пригодныя для скотоводства, предоставляя своимъ бѣднымъ сородичамъ жить въ урочищахъ по ту сторону Енисея, и заниматься звѣроловствомъ, требующимъ много труда [1].

Свою пашню койбалы научились распахивать русскимъ плугомъ, называемымъ ими сабаномъ, они засѣваютъ земли больше чѣмъ нужно для удовлетворенія ихъ потребностей, и часть своихъ избытковъ продаютъ другимъ инородцамъ. Для охоты за соболемъ и прочимъ пушнымъ звѣремъ они разсѣиваются осенью партіями, главнымъ образомъ, по урочищамъ, лежащимъ по ту сторону Енисея, у устьевъ Он, Тубы, а также по лѣвому берегу Енисея, по вытекающимъ изъ горъ рѣкамъ, какъ напримѣръ: по Джою. По маленькимъ мѣстнымъ горнымъ рѣчкамъ хорошо ловятся боберъ и выдра, охоту за которыми, равно какъ и за соболемъ, койбалы считаютъ своей прерогативой. Первая охота, въ особенности за олепемъ и лосемъ, начинается въ исходѣ августа, въ декабрѣ и январѣ идетъ ловля соболей, бобровъ, выдръ, рысей и другихъ цѣнныхъ животныхъ, а если въ мартѣ держится еще снѣгъ, идетъ охота на лыжахъ за лосемъ, оленемъ и другой красной дичью. Пушнина скупается, большей частью, кузнецкими скупщиками, а лосиныя и оленьи кожи поступаютъ въ казну въ качествѣ ясака, недостающій ясакъ возмѣщается деньгами. [2].

Моторовъ оставалось во время Палласа не больше десяти человѣкъ, выжившихъ послѣ двукратной эпидеміи оспы,

---

объ истребленіи тубинцевъ русскими. Въ этомъ преданіи и слышится, вѣроятно, отголосокъ послѣдняго событія.

Согласно качинскому преданію, записанному 8 іюня 1890 г., колѣно туба пришло къ качинцамъ съ р. Тубы; вышло же оно оттуда послѣ прихода русскихъ и стало селиться по рѣкѣ Уйбату, лѣвому притоку Абакану (Катановъ, о. с., 281].

[1]) Pallas, III, 376—378, 390.

[2]] Теперь койбалы входятъ въ составъ частью сагайской, частью абаканской инородныхъ управъ, См. Яковлевъ, Ор. с., 12—13.

до этого среди нихъ насчитывалось, по меньшей мѣрѣ, 30 обложенныхъ ясакомъ головъ. Сначала моторы жили за Саянскимъ хребтомъ, затѣмъ они были удалены отъ границы и поселены у устья Тубы, противъ Абакана. Моторы бѣдны, имѣютъ мало скота, занимаются, большей частью, охотой или же идутъ въ работники къ русскимъ и богатымъ качинцамъ, земледѣліемъ не занимаются вовсе. Вотъ уже больше тридцати лѣтъ, какъ они крещены [1]).

Нестеровъ [2]) нашелъ моторовъ у Шадатскаго караула. По его словамъ, маторы питаются сараной, кандыкомъ и кореньями, земледѣліемъ не занимаются. муку покупаютъ у русскихъ. На охоту за пушнымъ звѣремъ они отправляются въ лодкахъ изъ коры по рѣкѣ Амылу и его притокамъ. Коровъ и лошадей у моторовъ мало, они живутъ крайне бѣдно.

По словамъ Кастрена, [3]) до 200 человѣкъ моторовъ переселилось въ китайскіе предѣлы при размежеваніи русско-китайской границы, по всей вѣроятности, они слились съ сойотами. По преданію, которое Кастренъ слышалъ на р. Амылѣ, [4]) тамъ съ давнихъ поръ имѣли пребываніе многочисленныя семейства моторовъ, которые занимались звѣроловствомъ и рыболовствомъ.

Казна придавала большое значеніе сбору съ инородцевъ минусинскаго края въ качествѣ ясака лосиныхъ и оленьихъ шкуръ.

Въ мартѣ 1750 г. Краснояр. воевод. канц. посылаетъ саянскому прикащику указъ „оказывать всякое вспоможеніе и вообще надлежащее удовольствіе“ довѣренному содержателя лосиной фабрики Гребенщикова, кучеру города Енисейска Самойлову, посланному въ Енисейскую провинціи по городамъ и дистриктамъ для сбору и принятія изъ казны, а также и покупки лосиныхъ и оленьихъ кожъ. Обыватели подъ опасеніемъ жестокаго штрафа не имѣютъ права ни про-

---

[1]) Pallas, Op. cit, III, 376—8.

[2]) Op. c.

[3]) Op. c., 251.

[4]) Op c, 337—Кастренъ нашелъ на Тубѣ еще 8 моторовъ, остатки многочисленнаго прежде племени. Op. c., 331.

давать кожъ другимъ, „партикулярнымъ“ людямъ, помимо Самойлова, ни употреблять кожъ въ дѣло для своихъ нуждъ.

Отъ 29 февраля 1756 года сохранился рапортъ саянскаго прикащика Петра Салманова въ Абаканскую контору. Изъ абаканской конторы было „велѣно здѣшнихъ обывателей ни обходя ни единаго двора и человѣка обязать крѣпкими подписками, дабы они лосиныхъ и оленьихъ и протчихъ того роду кожъ на сторону ни тайно, ни явно продавать не дерзали и изъ оныхъ ни какихъ мастерствъ, что то штановъ, камзоловъ, рукавицъ, перчатокъ, кафтановъ, и протчаго того подобнаго не производили, а ежели въ уловѣ и кожи будутъ, тобъ оныя не по своимъ прихотямъ, но самою настоящею цѣною, чтобъ со обоихъ сторонъ было безобидно и не тягостно, продавали находящемуся въ городѣ Красноярскѣ лосиной фабрики содержателя Гребенщикова прикащику его безъ всякой утайки и закрытія“. Салмановъ взялъ съ обывателей въ этомъ подписку, которую и отправилъ при рапортѣ въ абаканскую контору.

19 августа 1760 г. абаканская контора посылаетъ указъ о сдачѣ лосиныхъ кожъ находящемуся въ Красноярскѣ енисейскому посадскому Шапошникову, прикащику содержателя лосиной фабрики московскаго первой гильдіи купца Высоцкаго, „а ежели кто будетъ помимо онаго Шапошникова оныя кожи продавать другимъ кому „или на свои расходы употреблять,... поступлено будетъ безъ всякаго послабленія“.

Стремленіе казны сосредоточить обработку лосиныхъ и оленьихъ кожъ въ рукахъ содержателей лосиныхъ фабрикъ объясняется тѣмъ, что кожи эти употреблялись на нужды кавалеріи; при пріемѣ этихъ кожъ въ казну отъ минусинскихъ инородцевъ штука оцѣнивалась отъ 60 копеекъ до 1 рубля 20 копеекъ. [1].

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ документовъ Саянскаго архива, лосиныя фабрики заводились частными лицами, которые благодаря содѣйствію администраціи монополизировали покупку и обработку кожъ. Но въ виду того значенія, которое имѣла выдѣлка кожъ для нуждъ арміи, въ февралѣ

[1] Pallas, III, 12.

1763 года была учреждена казенная лосиная фабрика на которую приказано доставлять изъ Сибири ясачныя лосиныя и оленьи кожи „безъ упущенія времени“. Число этихъ кожъ съ каждымъ годомъ доставлялось все въ меньшемъ количествѣ, такъ, напримѣръ, въ 1765 году доставлено 4524 кожи, а въ 1766 г. только 3296, да на пересылку ихъ выданы двойныя прогонныя деньги и доставлены онѣ вмѣстѣ съ мягкою рухлядью. Коммисаръ, привезшій деньги, заявилъ, „что въ пути по городамъ великое происходитъ задержаніе“. Уменьшеніе доставки упомянутыхъ кожъ кригс—коммисаръ объяснилъ тѣмъ, что, вѣроятно, при взиманіи ясака берутся вмѣсто кожъ деньги, а кожи продаются партикулярнымъ людямъ по вольной цѣнѣ. Опасаясь, что съ дальнѣйшимъ уменьшеніемъ числа присылаемыхъ кожъ фабрика не въ состояніи будетъ снабжать армію кожаными вещами, кригс—коммисаръ просилъ сенатъ воспретить продажу лосиныхъ кожъ на сторону и приказать привозить ихъ на ямскихъ подводахъ, а не съ мягкой рухлядью. Это представленіе и вызвало указъ сената отъ 19 октября 1766 г., [1] которымъ Тобольскому губернатору предписано лосиныя и оленьи кожи собирать натурою, а не деньгами.

27 ноября 1767 г. [2] послѣдовалъ указъ о закрытіи казенной лосиной фабрики, въ виду приносимыхъ ею убытковъ.

Императрица приказываетъ фабрику „сбыть съ казенныхъ рукъ скорѣе... Когда же сія фабрика будетъ не въ казенныхъ рукахъ, тогда, я чаю, достаточно и кожъ будетъ... Монополіумъ, прежде къ сей казенной фабрикѣ присоединенный, былъ вреденъ народу. Не надлежитъ никому запрещать имѣть подобную фабрику, но напротивъ того сибирскому, архангелогородскому и новгородскому губернаторамъ написать,.. чтобъ поощряли желающихъ устраивать эти фабрики“.

Послѣ закрытія казенной фабрики замѣна кожъ деньгами при уплатѣ ясака была предоставлена усмотрѣнію плательщиковъ.

---

[1]) Полное собраніе законовъ, № 12803, приведено у Андріевича, Op. c., IV, 230—231.

[2]) Полное собраніе законовъ, N 13018, приведено у Андріевича, Op. c., IV, 189 и 231.

Кой какія свѣдѣнія о лосиныхъ кожахъ сообщаетъ и Кузнецовъ—Красноярскій. [1].

Ясачные князцы Койбальской земли, какъ мы уже знаемъ изъ Палласа, должны были поставлять въ казну въ ясакъ лосиныя и оленьи кожи. Красноярская воеводская канцелярія подтверждаетъ имъ, чтобы въ казну отдавались лишь лосиныя и оленьи кожи „самыхъ лучшихъ доброть“ (указъ 22 мая 1766 года), въ постороннія руки продавать лосиныя и оленьи кожи князцы не имѣли права (указъ 3 февраля 1770) г. Для покупки этихъ кожъ въ казну былъ опредѣленъ, въ городѣ Красноярскѣ и его уѣздѣ, сынъ боярскій Терентьевъ указъ 1 ноября 1773 г.) О томъ же говорится въ указѣ 28 октября 1771 года князцамъ Яренской земли, о непродажѣ ни за какую цѣну въ частныя руки оставшихся послѣ платежа ясаку лосиныхъ и оленьихъ кожъ и о продажѣ ихъ подъ наижесточайшимъ штрафомъ въ казну.

31 марта 1797 года Красноярскій нижній земскій судъ посылаетъ указъ ясачному князцу койбальской землицы о внушеніи ясачнымъ татарамъ, чтобы они ясакъ платили звѣрьми, а не деньгами, такъ какъ деньгами они могутъ платить ясакъ только когда не бываетъ звѣря въ уловѣ. 3 апрѣля того же года посланъ указъ Койбальской землицы кольскаго улуса князцу Бабышпешеву, о платежѣ ясака лосиными и оленьими шкурами, а не деньгами, для употребленія ихъ на армію. Такой же указъ имѣется отъ 23 августа 1799 г.— Значитъ въ средѣ инородцевъ уже пускало корни денежное хозяйство, они находили болѣе выгоднымъ продавать кожи на сторону и получать за нихъ деньги, въ казну же платить разъ навсегда установленную сумму. Казна же этимъ недовольна и требуетъ взноса ясака патурой, лосиныя и оленьи кожи надобны ей для нуждъ арміи. Этимъ и объясняется, что взносъ ясака патурой требуется только отъ койбаловъ, охотившихся за лосями и оленями (см. выше сообщеніе Палласа), качинцы же вносятъ ясакъ деньгами [2].

---

[1] Архивъ Аскызской степной думы, стр. 1—14.

[2] Для облегченія ясашныхъ, имъ еще въ 1727 года дозволено вносить ясакъ или деньгами или соболями и вообще рухлядью по оцѣнкѣ. По этому случаю иркутскій вице-губернаторъ Жолобовъ сталъ взимать

Изъ Аскызскаго архива можно извлечь объ инородцахъ еще слѣдующія данныя [2].

Въ 1774 году въ койбальскую землицу былъ посланъ отставной дворянинъ Пашивошниковъ для сочиненія метрическихъ вѣдомостей. О притѣсненіяхъ, чинимыхъ инородцамъ представителями русской администраціи въ краѣ, даетъ понятіе указъ 27 іюня 1775 года князцу Койдынской земли Казанку съ товарищи, о напрасныхъ обидахъ отъ управляющаго Абаканскимъ острогомъ Смурыгина.

Въ 1776 году къ ясашнымъ инородцамъ былъ командированъ изъ Енисейской провинціальной канцеляріи, для пользованія больныхъ, подлекарь Богдановъ.

Что обращеніе инородцевъ въ православіе имѣло большей частью внѣшній, чисто формальный характеръ, показываетъ указъ 26 апрѣля 1776 г. князцамъ ярепской землицы, требующій исполненія крещеными инородцами обрядовъ православной церкви. По другихъ результатовъ трудно было и ждать, принимая во вниманіе низкій нравственный уровень священнослужителей того времени, видѣвшихъ въ своей должности лишь доходную статью, объ этомъ свидѣтельствуетъ крайне любопытный указъ изъ красноярской воеводской канцеляріи койбальской землицы ясачнымъ князцамъ, 30 мая 1776 года, за подписью воеводы князя Пелымскаго. Какъ видно изъ этого указа, Койбальскіе ясачные князцы: Кочиновъ, Марыткаевъ, Тотаковъ и Чиченевъ донесли въ воеводскую канцелярію о слѣдующемъ происшествіи: нѣсколько лѣтъ тому назадъ койбальскіе ясачные Боргондонъ Колывановъ и Андрей Пенякинъ засватали дочерей: Колывановъ у койбальскаго ясачнаго Устая, а Пенякинъ у сагайца Кундзака, а такъ какъ обѣ стороны были крещены, то они поѣхали обвѣнчаться въ село Аскызское, но священникъ Косма Марковъ отказался ихъ вѣнчать, такъ что имъ и пришлось

ясакъ въ иркутской провинціи деньгами, сопровождая свои требованія вымогательствами. Тогда въ 1735 году послѣдовало распоряженіе ясакъ собирать, по прежнему, соболями. Затѣмъ уже въ 1739 году дозволено, въ случаѣ недостачи соболей и невозможности замѣнить ихъ другою рухлядью, брать деньгами по 3 руб. за соболя. Андріевичъ. Исторія Сибири, часть II, стр. 278.

[2] Кузнецовъ—Красноярскій, Ор. с.

уѣхать ни съ чѣмъ, „и послѣ де того неоднократно, пріѣзжая въ село Аскызское, упомянутаго священника объ вѣнчаніи просили жъ, но и по тѣмъ просьбамъ не обвѣнчалъ, а прóсилъ за вѣнчанія незаконныя цѣны, коимъ по неимѣнію денегъ и по ихъ скудности, много дать не изъ чего, и находились невѣнчаны,—Пенякинъ три года, у коего и жена померла, а Колываповъ и понынѣ живетъ невѣнчанный же.“ Въ февралѣ 1776 года Марковъ потребовалъ за крещеніе родившагося у ясачнаго Капчирги Марыткаева дочери 50 копѣекъ, „а безъ того крестить де не будетъ, но по неимѣнію при немъ Марыткаевѣ по скудости его денегъ, дать было нечего, съ чѣмъ и уѣхалъ обратно въ домъ свой, а по пріѣздѣ объявленный младенецъ не крещенный умеръ“. [1].

Мало того, по просьбѣ сагайскаго ясачнаго Шибирякова Марковъ вымогалъ съ койбальскаго князца Алтанжара Кинтѣева 112 рублей, которыя, будто бы, были издержаны Шибиряковымъ при сватовствѣ имъ дочери Кинтѣева, не пожелавшей выйти за него и обвѣнчавшейся съ другимъ. Марковъ „вышеявленныя деньги усильно взыскивалъ, угражпвая симъ, если де денегъ не заплатитъ, то де онъ, священникъ, отберетъ весь скотъ и пожитокъ, а наболѣе привлекалъ, чтобъ хоть обязался платить впередъ въ срочное время подпискою. А князецъ Кинтѣевъ, видя отъ священника Маркова наглое себѣ нападеніе и убоясь платежа, а, особливо, что по принужденію священника Маркова и обязательство на себя далъ, то почитая себя несостоятельнымъ, пріѣхавъ въ домъ свой, по близости юрты и избы своей 26-го апрѣля удавился“.

Поэтому ясачные князцы вынуждены были просить „о незамедлительномъ священникомъ Марковымъ свадебъ вѣнчаніи и о крещеніи младенцевъ за законноположенныя платы..., дабы впредь ясачные безъ вѣнчанія жить и дѣти ихъ некрещенныя помирать не могли“, о невзысканіи Марковымъ съ наслѣдниковъ Кинтѣева 112 рублей и запрещеніи Мар-

[1] Можно подумать, что читаешь сценку изъ современнаго быта. Ср., напримѣръ, Очерки сибирской жизни, въ № 3—4 «Сибирскихъ Вопросовъ» отъ 28 января 1912 г., стр. 43 сл. (священники—стяжатели). На стр. 46 приводится случай отказа со стороны священника окрестить ребенка за неуплату полностью требуемой имъ суммы.

кову впредь такъ поступать. Красноярская воеводская канцелярія опредѣлила потребовать отъ Красноярскаго заказного духовнаго правленія разслѣдованія дѣятельности Маркова, при посланномъ отъ воеводской канцеляріи депутатѣ, „надежномъ человѣкѣ изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ". Князцы же получили приказъ на мѣсто умершаго князца Киштѣева, „изъ лучшихъ ясачныхъ людей выбрать другого, и если онъ выбранъ будетъ изъ крещенныхъ, то въ вѣрности Е. И. В. службы въ Абаканской управительской конторѣ чрезъ сношеніе съ тамошнимъ священникомъ привести къ присягѣ, а буде не изъ крещенныхъ, то по ихъ татарскому обыкновенію къ шерти... и красноярской воеводской канцеляріи указы то-жъ и данную о сборѣ въ казну ясаку „шнуровую книгу отобрать и отдать тому вновь выбранному князцу съ роспиской, и до разслѣдованія дѣятельности Маркова съ наслѣдниковъ Киштѣева въ пользу Шибирякова взысканія не производить.—Какъ видно изъ этой исторіи, столь характерный для современной Сибири типъ священника—стяжателя имѣетъ прочные корни въ прошломъ Сибири.

Не разъ встрѣчаются и указы о взысканіи съ инородцевъ штрафныхъ денегъ за небытіе у исповѣди и Св. Причастія, подобные цитированному выше указу абаканской конторы 22 января 1760 г.

29 марта 1781 года посылается указъ ясачнымъ князцамъ Качинской землицы о вызовѣ желающихъ пригонять въ Иркутскъ скотъ на продажу и къ продовольствію тамошнихъ жителей.

Указомъ 31 октября 1783 года сообщается о присланномъ въ комендантскую канцелярію порохѣ, для продажи въ народное удовольствіе,—мушкетный по 9 р. 42 коп., ручной —по 10 руб. 22 коп. и винтовочный—по 11 р. 2 коп. за пудъ. 21 декабря 1784 года требуется отъ князца кольскаго улуса Койбальской землицы избрать толмача и прислать его въ красноярскій нижній земскій судъ. [1].

---

[1]) Такой же указъ посланъ 21 декабря 1794 г. князцамъ Койбальской землицы, о избраніи всѣмъ князцамъ и лучшимъ людямъ съ общаго согласія въ толмачи знающаго россійскій разговоръ и грамоту, и о присылкѣ его въ красноярскій нижній земскій судъ.

Больше всего встрѣчается указовъ князцамъ ясачныхъ землицъ—Качинской, Койбальской, Яренской и Камасинской —о недоимкахъ.—Къ сожалѣнію, Кузнецовъ Красноярскій приводитъ содержаніе только одного изъ этихъ указовъ—князцамъ Качинской землицы отъ 31 декабря 1784 г. Изъ этого указа видно, что въ Шилошиномъ улусѣ Качинской землицы въ 1783 и 1784 годахъ числилось 601 платящая душа, съ которыхъ надлежало взыскать въ каждый изъ этихъ годовъ по 1038 рублей 22³/₄ копейки, по заплачено было всего по 681 рубль 72¹/₂ копейки, такъ что въ недоимкѣ осталось 356 рублей 50¹/₄ копеекъ за 1783 годъ и столько же за 1784 годъ. [1]

За певзносъ недоимокъ среди инородцевъ расквартировывались солдаты; такъ въ указѣ 18 декабря 1791 г. князцу Кольскаго улуса Койбальской землицы о скорѣйшей уплатѣ податей въ казну въ положенный срокъ князцу ставится на видъ, что „въ противномъ случаѣ земскій судъ не упуститъ умножить на двойную порцію солдатъ“.

По указу 2 марта 1799 г. князцу койбальской землицы Марыткаеву требуется личная явка князцовъ, сдающихъ въ казначейство ясакъ.

Въ 1797 г. на койбаловъ былъ положенъ ясакъ по 13 копеекъ, а на 1798 г. по 26 копеекъ съ каждой души, въ 1799 году недоимка съ койбаловъ доходила до 207 рублей 2 копеекъ. [2]

Много параллелей въ архивѣ Аскызской думы имѣетъ и сохранившійся въ Саянскомъ архивѣ указъ красноярскаго коменданта дозорщику абаканской границы отъ 6 октября 1792 г: „Указомъ колыванское намѣстническое правленіе предписываетъ, чтобы... на основаніи данной отъ Ея Императорскаго Величества лейбъ—гвардіи Семеновскаго полку секундъ—майору Щербачеву инструкціи 5 пункта... россійскіе всякаго званья люди не могли въ ясашные улусы выѣзжать, по-

[1] Ор. с., 25—Недоимки при сборѣ ясака были обычнымъ явленіемъ, См. Буцинскій, Заселеніе Сибири. 312.

[2] Кузнецовъ Красноярскій, Ор. с.

ка не заплатятъ оные ясака... почему... предписывается... отнюдь прежде отдачи ясака ясашными въ жительство ихъ никого изъ рускихъ, особливожъ изъ купцовъ не пропущать". Такого же содержанія указъ посланъ былъ 15 октября того же года ясачному князцу Койбальской землицы. Казна признавала только за собой право стричь инородцевъ, частныя лица должны были довольствоваться тѣмъ, что останется на ихъ долю послѣ того, какъ казна возьметъ свое. Эти указы характеризуютъ и пріемы русскихъ торговцевъ: казна увѣрена, что если они проникнутъ къ ясашнымъ до уплаты ясаку, то оберутъ ихъ такъ, что послѣдніе не въ состояніи будутъ выполнить своихъ повинностей передъ государствомъ.

Такой политики правительство держалось еще въ 17 вѣка, съ первыхъ лѣтъ русскаго владычества въ Сибири. Еще въ 1607 году Березовскій воевода писалъ въ Москву, что бываетъ недоборъ въ ясакѣ, потому что торговые люди мѣняютъ свои товары на мягкую рухлядь прежде сбора съ самоѣдовъ государева ясака. Получивъ эту воеводскую отписку, правительство приказало, чтобы торговые и промышленые люди прежде не начинали торговлю, какъ будетъ собранъ съ инородцевъ ясакъ. [1].

Согласно наказу тарскимъ воеводамъ князю Барятинскому и Сытову, данному царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ 1631 году, воеводы должны были торговыхъ людей, проѣзжающихъ черезъ Тару, задерживать, переписывая ихъ товаръ, и пропускать въ ясачныя волости только по взносѣ ясачниками положеннаго ясака. [2].

12 сент. 1795 г. помѣченъ указъ ясачному князцу Койбальской землицы о томъ, чтобы „тюменскимъ бухарцамъ и прочимъ ясачнымъ, такъ равно и крестьянамъ въ долгъ, ни денегъ, ни вещей, въ противность узаконеніевъ не давали".

Цѣлымъ рядомъ указовъ 1795 года требуется отъ ясачныхъ князцовъ, чтобы они имѣли въ улусахъ на счетъ общества для веденія дѣлъ грамотныхъ писчиковъ.

---

[1] Буцинскій, Заселеніе Сибири, Харьковъ, 1889, стр. 186—7.
[2] Андріевичъ, Op c., II, 9.

Изъ указа 6 іюня 1798 г. ясачному князцу качинской землицы видно, что по просьбѣ князцовъ и лучшихъ людей качинской землицы, открывается волостной судъ на устьѣ рѣчки Коксы, т. е. нѣсколько повыше Абаканскаго острогу. По указу 7 августа того же года ясачному князцу койбальской землицы велѣно находящихся въ койбальскомъ судѣ сельскихъ засѣдателей отправить въ ихъ жилища, кто изъ котораго былъ выбранъ, да и впредь оныхъ ужъ не выбирать. Въ августѣ того же года отдается приказъ ясачному князцу койбальской землицы о неотлучкѣ ясачнымъ изъ своихъ жилищъ далѣе 30 верстъ безъ паспортовъ.

Не разъ встрѣчаются указы ясачнымъ князцамъ о зарываніи въ землю погибающаго отъ язвы скота (1790, 1793), о присылкѣ вѣдомостей о скотскомъ падежѣ (1791 г.)

1793 годомъ помѣчено нѣсколько указовъ князцамъ Койбальской и Яренской землицы, „о сочиненіи вѣдомостей, сколько людей померло и разнаго скота изгибло отъ вѣтроносной болѣзни, называемой язвы". [1].

Объ отношеніяхъ между инородцами и русскимъ населеніемъ даютъ понятіе любопытные документы, сохранившіеся въ саянскомъ архивѣ. Состоящій при Таштыпскомъ караулѣ за капрала казакъ Шахматовъ сообщаетъ въ своемъ рапортѣ отъ 9 января 1791 года слѣдующее. Отставной казакъ Петръ Еремѣевъ принесъ ему жалобу на ясашнаго татарина Каргинской волости кузнецкаго вѣдомства Ильгома Котомаева, который укралъ у него ночью со двора буланого мерина и увелъ этой же ночью къ себѣ на рѣку Тійою (Тею), въ разстояніи 20 верстъ отъ Таштыпа, въ юрту къ своему отцу „съ намѣреніемъ тѣмъ, чтобъ того мерина въ удобное время убить до смерти и употребить въ пищу". Еремѣевъ поѣхалъ догонять воровъ съ 4 казаками „И по пріѣздѣ на оную (рѣчку) просилъ онъ Еремѣевъ верхотомской волости башлыка по прозванію Семенека и каргинской волости жъ князца Василья Карталакова, которыми ...Ильгомъ спрашиванъ былъ... и въ напервой дѣлалъ запирательство, а потомъ и принесъ

[1] Кузнецовъ Красноярскій, Ор. с.

повинную, что точно та лошадь имъ была „въ почи покрадена и отведена отъ юрты версты съ двѣ въ высокую гору“,гдѣ лошадь и нашли потомъ. Кромѣ того Ильгомъ показывалъ, „что лошадь покрадена... умышленно единственно для пищи обще съ татариномъ Кадьякомъ Кочуковымъ, которой не доѣзжая до Таштыпу съ версту... дожидался его“. Отецъ Ильгома, „Котомай, про тое покраденную лошадь былъ свѣдомъ, ...при отъѣздѣ его Ильга... отъ татарина Кочука было приказывано какъ ему Ильгу, а также и сыну его Кадьяку Кочукову, чтобъ будучи въ Таштыпѣ покрасть, какъ наивозможно у казаковъ лошадь и привести въ юрты и употребить въ пищу“. Изъ этого же рапорта видно, что „у казака Никиты Юшкова въ прошломъ 787 году въ іюлѣ мѣсяцѣ былъ въ полѣ воровски въ почи поиманъ аркапомъ каргинской волости татариномъ Карагашемъ Афонасьевымъ жеребенокъ и по поимкѣ былъ рѣзанъ ножомъ въ горло, но не до смерти... Уѣзжавъ въ полѣ по той же почи тотъ же татаринъ Аеонасьевъ паки поималъ другого и, зарѣзавъ до смерти, мясо увезъ въ юрту въ домъ свой на рѣчку Курлуганъ“. При донесеніи приложенъ допросъ Ильгома, въ концѣ котораго поставлена тамга.

Изъ допроса видно, что „онъ Ильга въ наперво заперся, а потомъ по приказанію того князца нѣсколько разъ былъ ударенъ плетью, то и принужденъ былъ объявить объ ономъ ....напредь же сего онъ Ильга какъ лошадей, такъ и рогатаго скота ни у кого не крадывалъ и ни за кѣмъ того не знаетъ“.—Кража лошадей для употребленія ихъ мяса въ пищу свидѣтельствуетъ о бѣдности живущихъ по притокамъ Абакана кузнецкихъ татаръ, объ этомъ говоритъ и Палласъ (см. выше). Обворованные казаки не получили удовлетворенія, хотя инородцы давно уже занимались воровствомъ скота, что видно изъ „рапорта покраденнымъ у таштыпскихъ казаковъ съ 1780 по 1790 годъ въ разныя времена лошадей и рогатаго скота“.

У казака	Сидора Лалетина	1 коня	2 коровы
	Ивана Юшкова	1 малого коня	
	Мих. Потылицына	2 коня	1 (корова)
	Ивана Юшкова	— —	3 коровы

Тимофея Шахматова	2 коня 1 (кобылу)	1 быка.
Семена Карагатова	2 бурыхъ к. 2 каурыхъ к. 2 к. раз. ш.	9 скотинъ.
Козьмина	1 сив коб.	2 скотины.
Тимофея Зырянова	2 рыж. коб.	1 корова.
Петра Смольянинова	3 мерина 1 бул. конь 1 кобыла	
Гаврилы Потылицына	2 коня 2 кобылы	
Степана Козьмина	3 коня 1 пѣг. коб.	
Гаврилы Еремѣева	1 коня	2 скотины.
Павла Шахматова	3 коня	2 скотины.
Гаврилы Юшкова	3 кобылы 2 мерина	
Никиты Юшкова	2 кобылы 2 мерина 2 жеребенка	
Ивана Каргаполова	2 кобылы 1 коня	2 скотины.
Итого	45 лошадей.	25 скотинъ.

Какъ видно, итогъ весьма почтенный.

Эти документы служатъ прекраснымъ комментаріемъ къ приведеннымъ выше словамъ Пестерева о кражахъ казацкихъ лошадей каргинскими татарами. [1]).

Изъ ордера 20 октября 1792 г. дозорщику абаканской границы сотнику Муруеву мы знакомимся съ жалобой ясашнаго каргинской волости Чибечика Кокошникова кузнецкому окружному земскому исправнику Кветницкому. Кокошниковъ взялъ у живущаго въ этой мѣстности отставного пятидесятника Ивана Антонова ружье для охоты за бѣлкой за десять рублей, при чемъ далъ Антонову 4 рубля задатку. Кокошниковъ

[1]) О конокрадствѣ у современныхъ инородцевъ, см. Григорьевъ. Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ инородцевъ минусинскаго края стр., 423 примѣчаніе: «для конокрада является довольно хорошимъ барышемъ даже кожа убитаго животнаго, а иногда и его мясо».

„которымъ ружьемъ хотя ....и стрѣлялъ, однако, какъ оно оказалось, что въ цѣль не попадаетъ, то для исправленія оного и поѣхалъ въ деревню Мопуцку (Монокъ) къ кузнецу Алексѣю Лалетину, которой ему исправилъ..... за восемьдесятъ копеекъ". Въ это время къ Лалетину зашелъ житель той же деревни казакъ Иванъ Егоровъ сынъ Макаровъ, который отвернулъ отъ ружья замокъ и потребовалъ у Кокошникова двадцать копеекъ долгу, „коимъ числомъ долженъ онъ и подлинно, однако, тогда у него денегъ при себѣ не случилось, и по неимѣнію у него въ тогдашнее время ружья, лишился онъ Кокошниковъ звѣринаго промыслу и на платежъ въ казну ясака бралъ деньги у постороннихъ ясашныхъ". Дозорщикъ долженъ ружье Кокошникову отдать, „а за самовольное отнятіе ружья его Макарова при собраніи команды жестоко наказать палачьемъ, да и впредь до таковыхъ неустройствъ и непорядковъ состоящихъ въ вѣдѣніи твоемъ казаковъ не допущать". Подъ текстомъ ордера имѣется отмѣтка „27 ноября 1792 г. по повелѣнію правительства казаку Макарову повелѣнное наказаніе исполнено"

Красноярскій комендантъ во время своей поѣздки по абаканской границѣ арестовалъ двухъ ясашныхъ татаръ за знакомъ Шабинъ—Дабаги, и передалъ ихъ абаканскому дозорщику Муруеву, приказавъ держать ихъ крѣпко, „дабы не могли сдѣлать утечки". Оба татарина были кузнецкаго вѣдомства, одинъ Каргинской волости Кокошникъ Табаевъ, другой Ширской волости Зубанъ Капридековъ. Пирошковъ давалъ о нихъ отзывы въ Иркутскъ, и генералъ-губернаторъ Пиль разрѣшилъ выпустить татаръ, потребовавъ росписку, что они явятся, когда на границу прибудетъ Пирошковъ. При ордерѣ (29 сентября 1792 года) приводятся тамги татаръ [1].

Для опредѣленія общей численности инородцевъ минунусинскаго края, входившихъ въ красноярское и кузнецкое вѣдомства, въ концѣ 18 вѣка мы воспользуемся вышеприведенными данными, сообщаемыми Палласомъ. Онъ приводитъ

[1] О тамгахъ (родовыхъ знакахъ) инородцевъ минусинскаго края см. И. Т. Савенковъ. О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искуства на Енисеѣ, стр. 340 сл., 362 сл. и таблицы II, III, V.

число обложенныхъ ясакомъ головъ каждаго племени, т. е. число мужского населенія отъ 18 до 50 лѣтъ. Всего, по его даннымъ, въ минусинскомъ округѣ числилось 2301 обязанныхъ платежомъ ясака душъ. [1]. Присоединивъ сюда малолѣтнихъ и стариковъ и принявъ число женщинъ равнымъ числу мужчинъ, мы опредѣлимъ количество инородческаго населенія края въ 70 хъ годахъ 18 вѣка цифрой не менѣе 6000 душъ.—Племена, жившія въ горахъ, занимались звѣроловствомъ, ихъ благосостояніе состояло на очень низкомъ уровнѣ; скотоводческія племена, кочевавшія со своими стадами по тучнымъ пастбищамъ Енисея и Абакана, отличались значительно большимъ достаткомъ, нѣкоторыя семьи достигали большого богатства. Подъ вліяніемъ общенія съ русскими многія племена уже въ то время начали заниматься земледѣліемъ, какъ бѣдныя звѣроловческія племена каргинцевъ, такъ и сагайцы, бельтиры и койбалы, главнымъ занятіемъ которыхъ было скотоводство. Любопытно, что среди наиболѣе богатаго, чисто скотоводческаго племени Качинцовъ земледѣліе не привилось почти вовсе, такъ какъ скотоводческое хозяйство съ избыткомъ удовлетворяло ихъ потребности. [2].

Инородческія племена минусинскаго округа не выходили еще изъ стадіи родового быта. Натуральное хозяйство среди нихъ начало уже уступать мѣсто денежному; они продаютъ русскимъ скупщикамъ пушнину, скотъ, про койбаловъ Палласъ пишетъ, что они торговали съ другими племенами также и хлѣбомъ. О переходѣ къ денежному хозяйству свидѣтельствуетъ и обычай уплаты ясака не пушниной, а деньгами.

[1] Изъ нихъ въ Красноярскомъ вѣдомствѣ: 1185 Качинцевъ (самое многочисленное племя) и 222 другихъ инородцевъ, кочевавшихъ въ ихъ предѣлахъ; 30 Яринцевъ, 29 Тинцевъ, 19 Кайдынцевъ, 368 Кайбаловъ и 30 Моторовъ; въ Кузнецкомъ 150 Сагайцевъ, 150 Бельтировъ, 53 Кобинцевъ, 40 Каргинцевъ, 25 Кайнцевъ, 30 Шорцевъ. См. выше, passim.— Ясакомъ облагались инородцы мужского пола только съ 18 и до 50—лѣтняго возраста, старые же и увѣчные были освобождены отъ всякихъ повинностей. См. Буцинскій, Заселеніе сибири, стр. 312.

Ср. С. Паткановъ. О приростѣ инородческаго населенія Сибири. С.П.Б., 1911, стр. 70 сл.

[2] И въ настоящее время среди инородцевъ минусинскаго края

съ которымъ иногда борется администрація; очевидно, инородцы находили болѣе выгоднымъ продавать пушнину русскимъ скупщикамъ и полученными деньгами расплачиваться съ казной.

За 30 лѣтъ, протекшихъ отъ путешествія Гмелина до посѣщенія минусинскаго края Палласомъ, большинство инородческихъ племенъ успѣло оффиціально обратиться въ христіанство но очень любопытно то обстоятельство. что крестились какъ разъ бѣднѣйшія звѣроловческія племена и менѣе зажиточные скотоводы, пользовавшіеся же наибольшимъ благосостояніемъ качинцы оставались язычниками. Это легко объясняется, если мы примемъ во вниманіе, что съ обращеніемъ въ христіанство всегда были сопряжены матеріальныя выгоды, побуждавшія инородцевъ измѣнять вѣрѣ отцовъ. [3]. О какомъ либо сознательномъ усвоеніи обращенными новой религіи немогло быть, конечно, и рѣчи. [4].

земледѣліе сильнѣе развито у племенъ, въ жизни которыхъ скотоводство не играетъ большой роли. «Хотя качинцы и занимаются земледѣліемъ, но по размѣрамъ и по своему распространенію среди инородцевъ оно достигло лишь веемма ничтожныхъ результатовъ и не вышло еще изъ предѣловъ зачаточнаго состоянія». Главнымъ же занятіемъ качинцевъ является скотоводство. (Григорьевъ. Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ инородцевъ минусинскаго края, стр. 415) Совершенно другое явленіе замѣчается у сагайцевъ. «Скотоводство сагайскихъ инородцевъ, едва замѣтно превосходитъ скотоводство русскаго населенія, меньше абаканскаго свыше, нежели въ два раза; хлѣбопашество между сагайцами гороздо распространеннѣе и по величинѣ гораздо больше, нежели между абаканцами» (качинцы находятся въ вѣдѣніи абаканской инородной управы) Ibid, стр- 415—6.

[3] См. выше.—Ср. также слова Буцинскаго, Op. c,, стр. 309: «конечно, не самая христіанская религія побуждала ихъ оставлять идолопоклонство, а прежде всего матеріальныя выгоды, сопряженныя съ принятіемъ христіанства». О льготахъ, предоставлявшихся новокрещенымъ инородаамъ минусинскаго округа въ 19-мъ вѣкѣ см. П. Е. Кулаковъ, Къ новѣйшей исторіи минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ, въ книгѣ А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова, Минусинскіе и Ачинскіе инородцы, Красноярскъ, 1898, стр. 46 сл.

[4] О томъ, какимъ поверхностнымъ оставалось обращеніе инородцевъ въ христіанство еще въ 19 вакѣ, см. Кулаковъ, Op. c., стр. 54 сл.

Инородцы сохраняли за собой исключительное, правда, неоднократно нарушавшееся русскими пасельниками, право на добычу пушного звѣря въ своихъ лѣсахъ и урочищахъ; ихъ права ограждало и правительство, стоявшее на стражѣ своихъ фискальныхъ интересовъ. Оно ограничивалось требованіемъ исправной уплаты инородцами причитающагося съ нихъ ясака и не вмѣшивалось въ ихъ внутреннюю жизнь, предоставляя имъ управляться выборными старѣйшинами (князцами, башлыками) и жить по ихъ обычаямъ [1].

Сборъ ясаку былъ предоставленъ инородческимъ старшинамъ, которые сами затѣмъ вносили его въ казну. Такъ какъ ясакъ не взимался русскими служилыми людьми, то мы ничего и не слышимъ о грабежахъ и поборахъ съ инородцевъ, чинимыхъ русскими сборщиками ясаку, что было обычнымъ явленіемъ въ Сибири, особенно въ первыя десятилѣтія послѣ ея завоеванія [2].

Вступить съ русскими пасельниками во враждебныя отношенія инородцамъ еще не приходилось въ виду незначительнаго количества русскихъ поселеній въ краѣ. Ихъ отношенія съ русскими ограничивались торговыми сдѣлками. Любопытное сообщеніе Шестерева, что качинцы, наученные горькимъ опытомъ, перестали продавать русскимъ скотъ въ кредитъ безъ росписокъ, даетъ понятіе о коммерческихъ пріемахъ нашихъ „рыцарей первоначальнаго накопленія“ того времени.

Послѣдніе остались вѣрны своей исторической миссіи и въ другихъ отношеніяхъ, въ насажденіи пьянства [3] и сифилиса среди инородцевъ. [4].

[1] О томъ что правительство предоставляло инородцамъ судиться въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ по ихъ обычному праву см. Буцинскій. Ор. с., 305 сл., также Головачевъ Ор. с., 66—7.

[2] См. напр. Буцинскій ор. с., 320 сл.

[3] О пьянствѣ инородцевъ въ 19 вѣкѣ см. Кулаковъ, Ор. с., 58 сл.

[4] Новѣйшія статистическія данныя о минусинскихъ инородцахъ, обработанныя на основаніи всеобщей переписи 1897 года, см. у Патканова. Статистическія данныя, показывающія племенной составъ населенія Сибири, языкъ и роды инородцевъ, томъ I, сводныя таблицы и краткіе выводы, С.-Петербургъ, 1912, стр. 70—75, томъ II, Тобольская, Томская и Енисейская губернія, С.-Петербургъ 1911, стр. 358—387.

Любопытно приведенное выше свидѣтельство Нестерева о томъ, что многіе качинцы умѣютъ уже читать и писать по русски, особенно если принять во вниманіе низкій уровень грамотности среди русскаго населенія Сибири въ то время [1].

Болѣе бѣдныя инородческія племена, какъ, напримѣръ койбалы, поставляли батраковъ для русскихъ насельниковъ и богачей изъ сосѣднихъ инородческихъ племенъ. И изъ среды инородцевъ многіе держали батраковъ, какъ это извѣстно про качинцевъ и про бильтировъ. Примѣненіе наемнаго труда указываетъ уже на существованіе нѣкоторой экономической дифференціаціи среди кочевниковъ, населявшихъ минусинскій край.

Коснемся еще вопроса объ отношеніяхъ русскихъ къ сойотамъ, на основаніи имѣющихся у насъ матеріаловъ. Этотъ вопросъ тѣмъ интереснѣе, что за послѣднее время нѣкоторые писатели, а именно Родевичъ [2] и Васильевъ [3] пытались оспорить фактъ подданства сойотовъ китайцамъ въ 18 вѣкѣ, утверждать что сойоты платили дань русскимъ они все же не рѣшились, за полнымъ отсутствіемъ данныхъ [4]. Между тѣмъ, имѣющіяся у насъ архивныя данныя, равно

[1] Съ этимъ нужно сопоставить относящееся уже къ первой половинѣ 19 вѣка свидѣтельство Степанова (Op. c., Часть II стр. 29): «татары степи сагайско... чувствуя необходимость въ грамотѣ и счетѣ, ибо подвергаются безпрестаннымъ обманамъ отъ закупщиковъ ихъ промышленности, просили учредить между ними училище на правѣ приходскаго и получили разрѣшеніе. Въ немъ письмоводитель степного управленія будетъ учить молодыхъ татаръ по русски читать и писать, номераціи и выкладкѣ на счетахъ». Это тѣмъ любопытнѣе, что во всей Енисейской губерніи при Степановѣ было три училища, два уѣздныхъ, въ Красноярскѣ и Енисейскѣ и одно казацкое въ Красноярскѣ ibid, 28—29), въ Минусинскомъ же округѣ ни одного.— О низкомъ уровнѣ грамотности въ Сибири въ 18 вѣкѣ см. Ядринцевъ, Сибирь какъ колонія, гл. X, Головачевъ, Op. c., 120 сл.

[2] Очеркъ Урянхайскаго края, С.-ПБ., 1910.

[3] Урянхайскій пограничный вопросъ, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1912, апрѣль.

[4] Оба автора въ своихъ работахъ стараются доказать исконность правъ Россіи на Урянхайскій край, и тѣмъ оправдать его присоединеніе къ Россіи, за необходимость котораго они ратуютъ.

какъ и согласныя свидѣтельства путешественниковъ—Палласа и Нестерова—оставшіяся неизвѣстными обоимъ авторамъ, неопровержимо доказываютъ не только то, что сойоты считали себя китайскими подданными, но что ихъ считали таковыми и русскія власти. Приведемъ сначала крайне любопытный указъ Красноярской воеводской канцеляріи въ саянскій острогъ отъ 12 іюня 1751 года. „Посланъ Красноярскій казакъ Федоръ Терскій и съ нимъ казаковъ же трое человѣкъ въ соецкую волость за требованіемъ ушедшихъ кузнецкаго вѣдомства съ Мрасы рѣки перебѣщиковъ ясашныхъ татаръ двух семьи, въ коихъ счисляется мужеска и женска пола десять человѣкъ, а понеже по симъ имянного Ее Императорскаго Величества указу изъ Россіи заграницу золота и серебра вывозить подъ смертною казнью запрещено, того ради при отправленіи его Терского объ оном ему объявлено, а понеже во время бытія тамо его въ чужой землѣ пропитанія кромѣ покупки получить уже неоткуда, а съ собою на все время завесть для дальняго и труднаго разстоянія не возможно, того ради велѣно для покупки тамо себѣ пищи взять ему, также и бывшимъ при немъ тремъ человѣкамъ казаковъ товару купленнаго съ платежомъ указныхъ пошлинъ на таможенную руку, котораго по симъ публикованныхъ Ее Императорскаго Величества указовъ за границу къ вывозу не запрещено по препорціи отъ своего содержанія, на которой въ бытность тамо пищу и протчее вымѣнивать, себѣ только то, что оттуда вывозить не запрещено, оного отнюдь не вывозить и тамо не вымѣнивать, а чтобъ какъ онъ Терской со служилыми, такъ и при нихъ взятой и о вымѣнѣ и покупку на китайскую руку товаръ, чрезъ пограничные караулы былъ пропущенъ, также и по возвращеніи перебѣщики въ Абаканску подъ... караулъ приняты были вскорости, о томъ къ пограничному дозорщику кузнецкому сыну боярскому Мельникову въ саянской и абаканской остроги послать, а ему Терскому дать Ея Императорскаго Величества указы, коими велѣть при отправленіи его за границу накрѣпко осмотрѣть, нѣтъ ли при немъ какихъ заповѣдныхъ товаровъ, и что заповѣдныхъ явится, оные отъ него отобрать“ [1].

[1] Торговля съ Китаемъ такъ называемой мягкой рухлядью была монополіей казны, и пушнина считалась «заповѣднымъ товаромъ», см.

Изъ текста этого указа слѣдуетъ, что соецкая земля, по признанію русской власти въ 18-мъ вѣкѣ, лежала „за границей“ русскихъ владѣній на югѣ Сибири; ясачные, перекочевавшіе въ „соецкую волость„ съ рѣки Мрасы, считались „перебѣщиками“, посланный къ соетамъ казакъ не имѣлъ право вывозить туда „заповѣдныхъ товаровъ“, такъ какъ соецкая земля входила въ составъ Китая.

Это подтверждается и указомъ саянскому прикащику изъ абаканской конторы отъ 24 іюля 1752, въ которомъ сообщается, что въ мунгальскую соецкую волость отправленъ для нѣкотораго дѣла пограничный дозорщикъ, кузнецкій сынъ боярскій Алексѣй Мельниковъ, съ принадлежащимъ конвоемъ. „Соецкая“ земля здѣсь называется мунгальской, такъ какъ она входитъ въ составъ подвластной Китаю Монголіи. Согласно съ этимъ и Палласъ [1] пишетъ, что сойоты живутъ „въ саянскихъ горахъ по ту сторону русской границы“.

Теперь переходимъ къ показаніямъ Нестерева, [2] изслѣдовавшаго въ 70-хъ годахъ русско-китайскую границу въ качествѣ пограничнаго коммиссара. Говоря о сойотахъ онъ всегда называетъ ихъ „Китайскими сойотами“. Онъ знаетъ, что рѣка Бомъ—Кемчикъ съ притоками принадлежитъ китайцамъ. Попавъ на Систи-кемъ, Нестеревъ встрѣтилъ китайскихъ сойотовъ, которые никогда не видали русскихъ (1777 годъ). Мунке, начальникъ сойотскаго племени Танджинъ, кочевавшаго на Систикемѣ, сталъ упрекать Нестерева въ незаконномъ переходѣ пограничной линіи, чего не сталъ оспаривать и самъ Нестеровъ. Ясакъ сойотскія племена уплачивали въ Улятай,, резиденцію Цзянъ—Цзюня (губернатора), На китайскихъ сойотахъ лежала и обязанность охраны пограничной линіи у Кемъ—Кемчикъ—Бома [3].

Андріевичъ, Ор. с., II, 261. Еще въ концѣ 17 вѣка воспрещено пропускать въ Китай соболей, черныхъ лисицъ и золотую монету, Ibid, II, 242.

[1] III, 373. Въ другомъ мѣстѣ [III, 366) Палласъ пишетъ: «По другую сторону покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ Шабинъ Дабага начинается китайская Монголія», но по ту сторону Саянъ живутъ не монголы, а сойоты, добывающіе себѣ пропитаніе звѣроловствомъ; они перекочевываютъ иногда черезъ рѣку Усъ на восточную сторону Енисея.

[2] Op. cit, passim; Риттеръ, Землевѣдѣніе Азіи, т. III, стр. 435 сл., 468 сл.

[3] Сойоты несли караульную службу на границѣ еще при Степановѣ, см. его Енисейская губернія, I, 150

Въ 1780 г. китайское правительство обратило вниманіе на бѣдственное положеніе сойотовъ вслѣдствіе голода; каждому сойоту императоръ пожаловалъ лошадь, корову, козу и овцу.

Точное направленіе пограничной линіи между знаками Шабинъ Дабага (№ 24), Кемъ—Кемчикомъ (№ 23) и Хонинъ—Дабаномъ (№ 22), дѣйствительно, не было извѣстно ни русскимъ, ни китайцамъ, но ни у тѣхъ ни у другихъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что граница проведена по саянскому хребту.

Китайскіе сойоты кочевали и по рѣкѣ Усу. Сойоты, кочевавшіе по удинской и абаканской пограничнымъ линіямъ, охотились и въ русскихъ владѣніяхъ, чтобы добыть себѣ пропитаніе и ясакъ. Многіе русскіе данники не знали пограничной линіи, поэтому часто переходили ее, нѣкоторые же, по невѣдѣнію, платили даже оброкъ китайскимъ сойотамъ за право охоты въ русскихъ же земляхъ! Въ русскихъ владѣніяхъ много соболей, бѣлокъ, рысей, дикихъ козъ, лосей, мараловъ и сѣверныхъ оленей, въ китайскихъ же земляхъ этихъ животныхъ не водится, тамъ нѣтъ такихъ горъ, какъ въ русскихъ владѣніяхъ [1]).

Свидѣтельство Пестерова неопровержимо доказываетъ, что въ 18 вѣкѣ китайцы считали сойотовъ своими подданными, сойоты также признавали себя данниками Китая и вносили китайскимъ властямъ ясакъ. Показаніями Пестерова опровергается слѣдовательно, мнѣніе Васильева, [2]) который приходитъ къ заключенію, „что китайцы не считали никогда Урянхайскій край своей землей. Только въ прошломъ (19-мъ) столѣтіи, спустя болѣе вѣка по разграниченіи, удостовѣрив-

[1]) Пестеровъ, ор. с., Кастренъ, Reiseberichte und Briefe, стр. 339—340, приводитъ записанное имъ въ саянскихъ горахъ сказаніе о сойотѣ Торосѣ, жившемъ двѣсти лѣтъ тому назадъ и платившемъ дань китайскому императору.

Какъ сообщаетъ Кастренъ, Ор. с., 358, имя сойотъ, или лучше саянъ, употребляющееся у сойотовъ въ качествѣ родового имени, употребляется минусинскими татарами, какъ общее обозначеніе для всѣхъ племенъ, кочующихъ въ Саянскихъ горахъ.

[2]) Ор. с., 97—8.

шись въ ошибочности проведенной нами границы, они рѣшились, повидимому, включить въ число своихъ владѣній Дархаты... Съ этого же времени и пошло, надо думать, постепенное и мирное подчиненіе Урянхая и взиманіе албана съ его обитателей" [1].

[1]) Вс. Родевичъ въ своей послѣдней работѣ «Урянхайскій край и его обитатели [Извѣстія русскаго географическаго общества, т. XLVIII, 1912) пишетъ, что «наше движеніе въ глубину Азіи есть движеніе правое», потому что «земля урянховъ была когда то русской». [стр. 170] Изъ факта обмѣна подарковъ между московскимъ правительствомъ и Алтыханомъ въ 17 вѣкѣ Родевичъ дѣлаетъ выводъ, что «подчиненный хану Урянхай сталъ такимъ образомъ русской окраиной» (стр. 147). Объ этомъ см. во введеніи.

Въ хранящемся въ минусинскомъ музеѣ заграничномъ атласѣ, изданномъ въ 1796 году, имѣются 2 карты Азіи, одна составленная въ 1730, другая въ 1744 году. На обѣихъ картахъ верховья Енисея вмѣстѣ съ рѣкой Кемчикомъ помѣщены въ предѣлахъ Китая, въ китайскихъ владѣніяхъ обозначенъ и Sogothi Pop. (очевидно Sojoti Populus) Въ Минусинекомъ краѣ на обѣихъ картахъ помѣчены саянскій и абаканскій остроги и деревня Белыкъ. Авторъ карты—J. M. Hasius. Къ сожалѣнію, въ атласѣ не сохранилось заглавнаго листа, такъ что неизвѣстно ни имя составителя, ни мѣсто напечатанія.

IV.

Колонизація минусинскаго края русскими въ 18-мъ вѣкѣ.

Какъ мы уже знаемъ, первыми поселеніями, основанными русскими въ Минусинскомъ краѣ въ 18 вѣкѣ [1] были заложенные непосредственно одинъ за другимъ Абаканскій и Саянскій остроги. Цѣлью, которую правительство преслѣдовало при основаніи этихъ укрѣпленій, было приведеніе въ покорность ясашныхъ инородцевъ и охраненіе границы отъ набѣговъ „воровскихъ непріятельскихъ людей". И, какъ это всегда было въ Сибири при завладѣніи ея русскими, подъ защитой этихъ остроговъ, занятыхъ казачьимъ гарнизономъ, стали мало по малу возникать селенія русскихъ крестьянъ. Первыя свѣдѣнія о нихъ мы находимъ у Гмелина, посѣтившаго Минусинскій край въ 1739 году. Какъ мы уже знаемъ (см. выше, гл. III,) Гмелинъ выѣхалъ изъ красноярска, и черезъ нынѣшній Ачинскій уѣздъ пріѣхалъ въ земли ясашныхъ татаръ по лѣвому берегу Енисея, по дорогѣ ведущей къ рудникамъ красноярскаго вѣдомства. Русскихъ деревень онъ здѣсь не встрѣтилъ, за исключеніемъ рудниковъ

---

[1] О колонизаціи русскими минусинскаго въ 18-мъ вѣкѣ въ литературѣ господствуютъ совершенно невѣрныя представленія. Этотъ вопросъ освѣщенъ немного К. Риттеромъ (Землевѣдѣніе Азіи, т. III, стр.

497 сл.), на основаніи сообщеній Палласа, Гмелина и Нестерева; но, къ сожалѣнію, и извлеченные Карломъ Риттеромъ изъ сочиненій путешественниковъ факты остались совершенно неизвѣстными позднѣйшимъ авторамъ, касавшимся этого вопроса въ своихъ работахъ. Такъ, напримѣръ, А. В. Адріановъ въ своихъ «Очеркахъ Минусинскаго края» (Томскъ. 1904) признаетъ, «что яснаго представленія о колонизаціи въ 18 ст. у насъ нѣтъ, за полной неразработанностью архивныхъ данныхъ, относящихся къ этому времени» (стр. 9, примѣч.), но, тѣмъ не менѣе, сообщаетъ объ этомъ совершенно невѣрныя свѣдѣнія. Такъ, онъ пишетъ (стр. 8), что «на территоріи минусинскаго края распространеніе русской власти шло тѣми же обычными путями, какъ и вообще въ Сибири, только здѣсь не основывались «остроги», какъ это практиковалось въ другихъ частяхъ, а учреждались казачьи посты, или какъ, они потомъ стали называться, форпосты, въ цѣляхъ охраны южныхъ границъ отъ инородческихъ набѣговъ. Такъ возникло около половины 17 вѣка казачьи посты—Шадацкій, Верхнекебежскій, Саянскій, Таштыпскій, Арбатскій, Монокскій, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ военные пункты, какъ, напримѣръ, д. Янова Изъ остроговъ былъ, впрочемъ, устроенъ одинъ .....Караульный острогъ» (стр. 8). Тутъ что ни слово, то ошибка. Объ основаніи въ началѣ 18 вѣка абаканскаго и саянскаго остроговъ писали еще Риттеръ (Ор. с., III, 530,526) и Андріевичъ [Исторія Сибири, Часть II, 79—80], а перечисленные выше казачьи форпосты возникли только послѣ постройки остроговъ, въ 18 вѣкѣ [см. выше, глава I] Затѣмъ Адріановъ пишетъ, что послѣ ухода киргизовъ «начала заселяться сѣверная часть уѣзда [Новоселовская вол.] выходцами изъ сосѣднихъ частей ачинскаго и красноярскаго уѣзда, но къ югу эта колонизація распространялась крайне туго, вслѣдствіе долгой и упорной борьбы въ 18 ст. [!] тубинцевъ съ казаками» [отр. 28] Между тѣмъ, мы хорошо знаемъ, что тубинцы, за исключеніемъ нѣсколькихъ родовъ, выселились изъ минусинскихъ степей вмѣстѣ съ киргизами; уже къ началу 18 вѣка, минусинскій край былъ совершенно замиренъ, и русскимъ казакамъ втеченіе 18 вѣка никакой борьбы ни съ кѣмъ не приходилось вести. Невѣрно поэтому и утвержденіе Адріанова, что «колонизація этого края началась лишь съ конца 18 столѣтія» [стр. 8] Неправильны и его слова, что «къ началу 19 столѣтія вся территорія уѣзда, за исключеніемъ Новоселовской волости, представлялась почти свободной отъ русскаго населенія», [стр. 28]. Обо всемъ этомъ см. въ настоящей главѣ. В. Григорьевъ въ своей книгѣ, Населеніе Канскаго, Красноярскаго, минусинскаго и ачинскаго округовъ Енисейской губерніи, Иркутскъ. 1892, сообщаетъ о заселеніи минусинскаго уѣзда болѣе точныя свѣдѣнія, правда, носящія очень общій характеръ [стр. 5 сл] Изъ книги Григорьева, вѣроятно, были взяты и А. В. Адріановымъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія о прошломъ края но вслѣдствіе неточной передачи словъ Григорьева, въ изложеніе Адріанова вкрался рядъ ошибокъ. У Латкина [Енисейская губернія] о заселеніи минусинскаго края почти ничего нѣтъ. Яковлевъ (Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея, стр. 122) также приводитъ невѣрныя свѣдѣнія о колонизаціи края; онъ говоритъ, что «еще въ VII в. возникли форпосты абаканскій, саянскій, кебежскій, ша-

Сырскаго [2], Базинскаго [3] и Маинскаго [4], затѣмъ, посѣтивъ Саянскій острогъ, Гмелинъ двинулся на сѣверъ по право-бережной части Енисея посѣтилъ Лугазскій [5] и Ирбинскій заводы [6]. Онъ упоминаетъ о селѣ *Шелаболинскомъ* на Шушѣ, притокѣ Тубы [7]. Затѣмъ Гмелинъ посѣтилъ Коксинскіе рудники [8] и Абаканскій острогъ [9]. Дальше Гмелинъ упоминаетъ о деревнѣ *Ербинской* (теперь Усть-Ерба) на лѣвомъ берегу Енисея, *Белыкѣ*—на противоположномъ его берегу, нѣсколькими верстами ниже, *Янковой* (теперь Яново) —на лѣвомъ берегу [10]. *Новоселово* Гмелинъ называетъ большимъ селеніемъ, годомъ раньше его путешествія тамъ была выстроена церковь и въ Новоселово былъ назначенъ особый прикащикъ. Крестьяне, однако, оказались имъ недовольны и добились его смѣщенія, такъ что опять оказались въ вѣдѣніи управителя Верхняго Караульнаго острога [11]. Дальше внизъ по Енисею, уже въ предѣлахъ нынѣшняго Красноярскаго уѣзда, Гмелинъ упоминаетъ о деревняхъ Даурской, Ермолаевѣ, Потаповѣ—селѣ изъ 16 дворовъ съ церковью, Есагашскомъ, Двинковѣ, Бирюсинской и Овсянкѣ—[12].

датскій, и острогъ Таштыпскій». Д. Клеменцъ, въ своей статьѣ «Населеніе Сибири», помѣщенной въ сборникѣ «Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды», С.ПБ., 1908. даетъ неправильное представленіе о колонизаціи русскими минусинскаго края; по его словамъ, «въ началѣ XVII вѣка русскіе были уже на верхнемъ Енисеѣ и заложили тамъ Абаканскій городокъ» (стр. 39).

[2]) Gmelin, Op. cit. III. 281.
[3]) Ibid. 282.
[4]) „ 292.
[5]) „ 301 сл.
[6]) „ 399 сл., о рудникахъ и заводахъ см. въ главѣ V.
[7]) „ 307—8.
[8]) „ 321.
[9]) „ 322 сл.
[10]) „ 339 сл. По словамъ Григорьева (Ор. с, стр. 5) село Яновское, Новоселовской волости, о времени основанія котораго яновцы не сохранили воспоминаній, было военнымъ пунтомъ
[11]) Ibid. 340.
[12]) „ 341—3.

Какъ видно отсюда, къ началу сороковыхъ годовъ 18 вѣка,. тридцать лѣтъ спустя послѣ построенія первыхъ остроговъ въ краѣ, нынѣшній Минусинскій округъ былъ заселенъ очень слабо. Въ сторонѣ отъ Енисея Гмелинъ знаетъ только село Шелаболино, прочія 4 упоминаемыя имъ въ минусинскомъ краѣ деревни расположены на берегу Енисея. Чѣмъ ниже Гмелинъ спускается по Енисею, тѣмъ чаще встрѣчаетъ онъ русскія села. Русская колонизація первое время шла отъ Красноярска вверхъ по Енисею. Сколько нибудь заселена была лишь сѣверная частъ округа, ниже абаканскаго острога; къ югу отъ абаканскаго острога Гмелинъ знаетъ лишь село Шелаболинское. Главнымъ же толчкомъ для колонизаціи южной части округа явилось горное дѣло (объ этомъ см. ниже, въ главѣ V).

Думать, что въ посѣщенныхъ Гмелиномъ мѣстахъ могли быть другія селенія, кромѣ упомянутыхъ имъ, мы не имѣемъ основанія: онъ очень точенъ и сообщаетъ даже о тѣхъ деревняхъ, которыхъ онъ не видалъ, если только онъ проѣзжалъ мимо нихъ [1].

Къ сожалѣнію, Гмелинъ приводитъ только названія деревень и не сообщаетъ никакихъ данныхъ о ихъ населеніи.

Изъ Саянскаго архива мы извлекаемъ свѣдѣнія о слѣдующихъ населенныхъ пунктахъ

Въ указѣ саянскому прикащику изъ красноярской воеводской канцеляріи отъ 23 іюля 1745 года упоминается впервые деревня *Шунерская*, ложащая въ 5 верстахъ отъ Саянскаго острога внизъ по Енисею: „сыскать тебѣ Красноярскаго вѣдомства деревни Шунерской жителя Ивана Кропивина, да новокрещеннаго Козьмы Шахова у его Анну Григорьеву дочь, а сыскавъ объявить ихъ въ красноярскую воеводскую канцелярію къ допросамъ немедленно къ приставу Потылицыну“.

Деревня *Шушъ* упоминается въ указѣ отъ 15 марта 1747 о высылкѣ въ Красноярскую воеводскую канцелярію

[1]) Ibid, 340.

Шунерскихъ и Шушскихъ жителей Песегова [1] „съ товарищи“: „для скорой высылки ихъ посланъ на своемъ коштѣ служилой Герасимъ Молочковъ, а для чего ты Артемьевъ вышеписанныхъ Песегова съ товарищи отъ посланнаго по нихъ изъ Абаканска служилаго Гудкова отнялъ и въ свое вѣдомство безъ отпусковъ принялъ, и нынѣ имѣешь о томъ для наложенія штрафа прислать въ красноярскую воеводскую канцелярію за рукою отвѣтъ“.

Въ указѣ 8 марта 1755 года изъ Абаканской конторы командующему Сарманову упоминается о пограничныхъ караулахъ Шабинъ Дабаги, *Таштыпъ* и Хоинъ Дабанѣ.

Указъ 23 іюля 1759 года о томъ, чтобы „учинить надлежащее удостовѣреніе о людяхъ съ просроченными паспортами, а паче о безпаспортныхъ„ былъ посланъ „вѣдомства абаканской конторы въ остроги караульной, саянской и въ деревню *Курагину*“, [2] первый разъ упоминающуюся здѣсь. Очевидно, село Курагино уже тогда представляло извѣстное значеніе, разъ туда посылаются указы, не посылавшіеся въ другія деревни.

Въ 1759 г. саянскій прикащикъ получаетъ помѣченный 5 іюня приказъ изъ абаканской конторы о высылкѣ „живущаго по близости (!) саянскаго острогу въ деревнѣ Ойской“ казака.

Въ томъ же году впервые упоминается и деревня Ире-

---

[1] Это, должно быть, тотъ самый Песеговъ, о которомъ шла рѣчь въ указѣ 13 апрѣля 1745 года, какъ о разорителѣ бобровыхъ гнѣздъ по рѣкѣ Шушѣ, см. выше, стр. 95 гл. III.

[2] О возникновеніи села Курагина Л. С. Личковъ приводитъ со словъ мѣстнаго крестьянина Девятова кой какія данныя. Новыя данныя по исторіи заселенія Сибири, Кіевъ, 1824, стр. 40 сл. Въ началѣ 18 вѣка родовымъ начальникомъ мѣстныхъ татаръ былъ Курага, крестившійся во время одной изъ своихъ поѣздокъ въ Енисейскъ (? Какъ мы знаемъ, татары минусинскіе еще съ 17 вѣка вносили дань въ Красноярскъ) По имени Кураги и получило названіе Курагино. Но Личковъ не пытался подвергнуть устное преданіе критикѣ на основаніи литературныхъ источниковъ, и потому сообщаетъ совершенно невѣрныя данныя, напр. говоритъ, что въ 1720 г. послѣднимъ русскимъ селеніемъ въ верхнемъ теченіи Енисея былъ Караульный острогъ.

лина: [1] прикащикъ Шуваевъ получаетъ отъ абаканскаго управителя пагоняй по жалобѣ жителя этой деревни (см. выше гл. II).

Въ сочиненіяхъ Палласа, посѣтившаго Минусинскій край дважды, въ 1771 и 1772 г., мы имѣемъ обильный матеріалъ для изученія вопроса о русской колонизаціи въ Минусинскомъ краѣ.

Въ 1771 году Палласъ, черезъ Томскъ и Ачинскъ, проѣхалъ къ Чулыму и Юсу; отъ сліянія Бѣлаго и Чернаго Юса онъ двинулся на югъ въ Абаканскъ, по Енисею. Отсюда онъ возвратился въ Красноярскъ, частью сухимъ путемъ, частью водой. Въ 1772 году, на возвратномъ пути изъ Сибири Палласъ употребилъ еще нѣсколько времени для второй поѣздки на югъ отъ Красноярска, черезъ Уйбатъ, Тею и Таштыпъ къ Абакану и Саянскому острогу.

При своей поѣздкѣ къ югу отъ Ачинска онъ нашелъ на берегу рѣки Чулыма Копьеву заимку (существуетъ и теперь), состоявшую изъ одного двора, хозяинъ котораго, родомъ изъ Томска, занимался выдѣлкой юфтяныхъ кожъ. Онъ былъ поселенъ здѣсь, чтобы держать почтовыхъ лошадей, на дорогѣ къ Ирбинскому заводу, и это занятіе, равно какъ обезпеченный сбытъ кожъ среди татаръ, обогатило его. [2].

Посѣтивъ карышскіе рудники, Палласъ направился къ рѣкѣ Ербѣ, а оттуда къ югу къ рѣкѣ Теси, у которой, въ 30 верстахъ отъ ея впаденія въ Енисей,—онъ нашелъ деревню *Тесинскую* (теперь сухая Тесь). Въ ней были поселены за восемь лѣтъ до его путешествія ссыльные, въ томъ числѣ татаринъ и чувашъ, и еще нѣсколько человѣкъ, которые обязаны работать на Карышскихъ рудникахъ, а также и въ другихъ мѣстахъ, по требованію администраціи [3]. Недалеко отъ истоковъ Пепи, приблизительно въ 35 верстахъ отъ рѣки *Сыра*, лежала русская деревушка *Синявина*, населенная нѣсколькими крестьянами Кузнецкаго вѣдомства [4].

([1] Въ настоящее время деревни подъ такимъ названіемъ въ минусинскомъ краѣ не имѣется. Не упоминается она и въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, Енисейская губернія», изданія 1864 и 1893 годовъ.

[2] Op. c., II, 2, 677.

[3] III, 339.

[4] III, 343

Палласъ упоминаетъ о дорогѣ, ведущей вверхъ по Аскызу къ рѣкѣ Томи, въ область впадающей туда рѣки Баликсы, на которой русскіе обитатели Енисея, ведущіе торговлю скотомъ съ Кузнецкомъ и алтайскими горными заводами, строятъ плоты и идутъ на нихъ внизъ по Томи [1]. О селѣ *Усть-Аскызскомъ* см. выше, гл. III.

Затѣмъ Палласъ посѣтилъ деревню *Таштыпскую*. Таштыпскій караулъ упоминается впервые въ саянскомъ архивѣ въ 1755 году, объ основаніи Таштыпской деревни Степановъ[2] пишетъ слѣдующее. „Нѣкоторые изъ нашихъ промышленниковъ и казаковъ, проникая съ бозопасностью въ концы южнаго края, ознакомились мало по малу не только съ торговлею мягкой рухляди, но и съ плодородною почвою земли. Въ это время десять казаковъ съ товарищами просили Тобольское воеводство позволить имъ заселить мѣста по берегамъ Абакана и Таштыпа, близъ пограничныхъ карауловъ, съ тѣмъ, чтобы содержать ихъ всегда въ исправности, какъ имъ, такъ и потомкамъ ихъ. Такимъ образомъ, основались сначала два казацкихъ поселенія, подъ именемъ карауловъ или постовъ: Таштыпъ крайній отъ запада на рѣкѣ Таштыпѣ, не доходя 5 верстъ до прежняго караула, и Арбаты на рѣкѣ Абаканѣ, при самомъ укрѣпленіи“ [3]. По словамъ Палласа, Таштыпъ является крайнимъ пунктомъ, занятымъ русскими въ пустынной части монгольской границы, отъ Оби до Енисея,

[1] Op. c., III, 353.

[2] Op. c., I, 139.

[3]) Въ хранящейся въ Минусинскомъ музеѣ рукописи Г. С. Макарова, **Казачьи селенія по системѣ рѣки Абакана—Таштыпъ, Монокъ и Арбаты** (№ 25 по кат. рукоп.) мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о возникновеніи Таштыпа и сосѣднихъ селъ, взятыя изъ мѣстныхъ архивовъ. На мѣстѣ этихъ селеній находились первоначально пограничные караулы Абаканскій, Арбатскій и Таштыпскій. Въ 4 верстахъ отъ нынѣшняго села Таштыпскаго, вверхъ по рѣкѣ, указываютъ гору, на которой находилась когда то сторожевая застава казаковъ. Гора эта круто обрывается къ юго-западу и съ вершины ея открывается обширный видъ на долину рѣки Таштыпа, вслѣдствіе чего она и была выбрана для мѣста расположенія караульнаго пикета. Самое названіе горы «Будка» свидѣтельствуетъ о ея прежнемъ назначеніи. Таштыпскій пограничный караулъ служилъ для наблюденія за проходомъ въ южныя части Томской губерніи, отъ куда могли вторгнуться по долинѣ рѣки Таштыпа обитавшія тамъ еще независимыя тогда племена инород-

которая еще не ограждена дѣйствительными укрѣпленіями. Деревня лежитъ у подножья высокаго хребта, гдѣ уже начинаются лѣса, покрывающіе всѣ болѣе высокія горы. На лѣвой сторонѣ рѣки Таштыпа лежитъ пять дворовъ Красноярскихъ казаковъ, согласившихся нѣсколько лѣтъ тому на-

цевъ. Пограничные же посты по рѣкѣ Абакану имѣли цѣлью охранять путь въ систему верхняго Енисея... Всѣ названные караулы занимались небольшими по численности отрядами казаковъ, высылавшимися изъ центральныхъ пунктовъ, и представляли изъ себя простыя зимовья, служившія пріютомъ караульнымъ казакамъ. Зимовья эти назывались караульными избами и имѣли видъ бревенчатыхъ зданій, обнесенныхъ заборомъ со множествомъ круглыхъ отверстій, въ которыя вставлялись пищали и производилась стрѣльба въ случаѣ нападенія непріятеля. При такихъ избахъ имѣлись и особыя помѣщенія для лошадей. Въ началѣ 19 столѣтія остатки караульной избы еще существовали. На просьбу казаковъ разрѣшить имъ заселить мѣста близъ Таштыпа послѣдовалъ указъ отъ тобольскаго губернатора, генералъ-поручика Чичерина, которымъ дозволялось казакамъ поселеніе домами съ ихъ семействами при занимаемыхъ ими караулахъ, но съ обязательствомъ со всѣмъ своимъ потомствомъ на вѣчное время и безъ замѣны другими казаками относить пограничную службу и отъ занимаемыхъ постовъ никуда вдаль не отлучаться, а исполнять свои обязанности неправно и аккуратно. За казаками при этомъ оставлялось право на полученіе отъ казны казачьяго денежнаго и хлѣбнаго жалованья. Въ силу этого указа казаки—Ворошиловъ, Зыряновъ, Кузьминъ, Юшковъ, Шахматовъ и Смоляниновъ заложили постоянное поселеніе при рѣки Таштыпѣ, въ 1768 году. Казаками же Ивановъ Байкаловымъ, Семеномъ Терсковымъ, Егоромъ Макаровымъ и Васильемъ Ермолаевымъ тогда же при устьѣ рѣчки Монока при первомъ Абаканскомъ караулѣ было положено основаніе постоянному населенному пункту, который по имени одного изъ основателей былъ названъ первоначально деревней Байкаловой, но вскоромъ времени получилъ названіе деревни Монокской. Около того же времени было положено основаніе Арбатамъ, которые въ 18 вѣкѣ носили названіе Абаканскаго форпоста. Первыми жителями въ немъ были казаки-Силкины, Медвѣдевы, Чанчиковы, Александровы, Теряевы и Шуваевы.

Надзоръ за правильнымъ и аккуратнымъ исполненіемъ казаками возложенныхъ на нихъ обязанностей по охранѣ границы принадлежалъ особымъ пограничнымъ дозорщикамъ, которые назначались для осмотра пограничныхъ постовъ.

Въ августѣ 1775 года Красноярская воеводская канцелярія предложила Абаканской управительской конторѣ отвести казакамъ, поселившимся при форпостѣ Таштыпскомъ и деревнѣ Монокъ, подъ усадьбу скотскій выгонъ, для хлѣбопашества и сѣнныхъ покосовъ необходимое количество земли изъ близъ лежащихъ свободныхъ мѣстъ. Въ томъ же году Абаканскій управитель подпоручикъ Семенъ Коликарезъ ѣздилъ въ Таш-

задъ, по своей инициативѣ, нести караульную службу, чтобы навсегда освободить свое потомство отъ рекрутскаго набора. Палласъ сообщаетъ, что до этого караульную службу въ Таштыпѣ несли татары, тогда какъ изъ Саянскаго архива мы знаемъ, что караульная служба въ Таштыпѣ лежала на обязанности красноярскихъ казаковъ [1].

Таштыпскіе казаки поселились въ мѣстности богатой дарами природы. Скотоводство, земледѣліе, звѣроловство приносятъ имъ обильные доходы. Права, посѣвы страдаютъ иногда отъ раннихъ инеевъ, а также отъ кобылки. Но, въ среднемъ жатва обильна; даже въ худшіе годы вознаграждаетъ земледѣльца за его труды. Для корма скота имѣются въ изобиліи прекрасные сѣнокосы; оставлять скотъ на всю зиму на подножномъ корму здѣсь нѣтъ возможности, такъ какъ снѣгу здѣсь въ горахъ больше, чѣмъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ ниже

тыпскій форпостъ и деревню Монокъ и произвелъ тамъ отводъ земли. Затѣмъ казамъ были выданы указы на право владѣнія данными имъ земельными угодьями.

Въ этихъ указахъ опредѣлялись и границы отмежеванной въ пользованіе казаковъ земли: казакамъ д. Монокской отводился кругъ земли въ разныхъ урочищахъ, который ограничивался теченіемъ рѣчекъ Монока и Сонаса и рѣки Абакана. Казаки же Таштыпскаго форпоста получили во владѣніе мѣстность, простиравшуюся на правой сторонѣ рѣки Таштыпа отъ Чернаго камня до вершинъ рѣчекъ Чилана и Бутракта и отъ послѣднихъ до рѣчки Сеи, а на лѣвой въ районѣ рѣчекъ Курлугаша и Имека и по сопредѣльнымъ съ ними склонамъ. (Указанная рукопись, стр. 4—17)

Въ напечатанномъ въ приложеніи къ сочиненію Бѣликова «Первые русскіе крестьяне насельники Томскаго края» Спискѣ населенныхъ мѣстъ колыванской области за 1782 годъ, составленномъ въ колыванскомъ областномъ правленіи, Таштыпскій и Абаканскій пограничный караулы значатся уже въ Кузнецкомъ уѣздѣ (Научные очерки Томскаго края, Томскъ, 1898, указанная статья, стр. 121).

При Степановѣ Таштыпское укрѣпленіе еще сохранилось, Арбатское же было уже на половину разрушено (Енисейская губернія, I, 140).

[1] См., напримѣръ, указъ 17 іюля 1755 года изъ Абаканской управительской конторы о томъ, чтобы къ командированнымъ въ команду абаканской управителя и пограничнаго дозорщика дворянина Мельникова къ пограничному знаку Шабинъ-Дабаги Красноярскихъ казаковъ 10 человѣкамъ прибавить...еще 15... того ради послать изъ Саянска 10 казаковъ» Палласъ, можетъ быть, имѣетъ виду первые годы послѣ заключенія Буреинскаго договора съ Китаемъ, когда караульная служба была дѣйствительно возложена на ясашныхъ инородцевъ см. гл. I.

по Абакану, а бродящіе вокругъ медвѣдя и волки представляютъ серьезную опасность для скота. Охота въ избыткѣ удовлетворяетъ потребности жителей во всякаго рода звѣрѣ, въ въ особенности въ оленяхъ [1].

Только соболи почти всѣ уже выловлены въ горахъ по сю сторону Енисея. Если мѣстные жители сами не пожелаютъ заняться охотой, то они имѣютъ полную возможность получить въ обмѣнъ за свои излишки хлѣба и крупа сколько угодно пушнины и дичи отъ бѣдныхъ сосѣднихъ татаръ, которые не занимаются земледѣліемъ и держатъ мало скота. „Вообще, прибавляетъ Палласъ, мѣстность по рѣкѣ Таштыпу должна была быть занятой большимъ количествомъ земледѣльческаго населѣнія; и дальше въ горахъ, по направленію къ Кузнецку находится достаточно мѣстъ, удобныхъ для устройства деревень; и если бы эти мѣста были заселены осѣдлыми казаками, то почти открытая въ настоящее время граница между Обью и Енисеемъ была бы хоть въ нѣкоторой степени, прикрыта и даже защищена“ [2].

Собственно Таштыпскій караулъ, занятый проживающими здѣсь казаками, лежитъ въ 3 верстахъ выше деревни, и состоитъ изъ караульнаго дома, огражденнаго деревянной стеной, въ которомъ смѣняются казаки. Туда можно пробраться только верхомъ, пѣшеходная тропинка извивается по крутизнамъ, идти по ней опасно.—Въ 32 верстахъ къ востоку отъ Таштыпа, на Абаканѣ лежитъ второй пограничный караулъ образующій вмѣстѣ съ Саянскимъ острогомъ и лежащими въ горахъ по ту сторону Енисея форпостами, родъ пограничной линіи для охраны русскихъ поселеній по Енисею. Казаки Абаканскаго и Таштыпскаго караула посѣщаютъ по очереди пограничный камень, поставленный въ этой мѣстности на высокой, лежащей снѣжной вершинѣ Шабинъ-Дабага къ востоку отъ Абакана. Дорога туда очень трудна, пролегаетъ по скаламъ и занимаетъ три дня, хотя по произведенному послѣднимъ лѣтомъ измѣренію до Шабинъ-Дабага отъ Таш-

---

[1] Op. c., III. 303—4.

[2] Op. c., III. 374.

тына всего 90 верстъ. Лошади возвращаются обыкновенно хромыми, изъ за каменистой дороги [1].

Къ востоку отъ только что упомянутаго пограничнаго камня находится еще одинъ, на Енисеѣ, у устья его притока Кемчика, но изъ за непроходимыхъ горныхъ дебрей, къ камню можно пробраться только на исходѣ зимы, по льду по Енисею, и поэтому камень посѣщается русскими рѣдко. Но если отправляемый ежегодно изъ Красноярска для осмотра постовъ и пограничныхъ знаковъ комиссаръ добирается и до Кемчикскаго знака, то онъ отправляется туда изъ лежащаго по ту сторону Енисея Нарысагойскаго караула (на рѣкѣ Нарысѣ, притокѣ Он), отстоящаго отъ Абаканскаго форпоста въ 163 верстахъ [2].

Отъ Таштыпа Палласъ поѣхалъ на сѣверо-востокъ къ деревнѣ *Байкаловой* (теперь Монокъ), на правомъ берегу Абакана. Это небольшая деревушка изъ трехъ дворовъ, основанная одновременно съ *Таштыпомъ* добровольцами изъ казачьей среды, взявшими на себя обязанность нести службу въ Абаканскомъ карауле (теперь Арбаты). По имени одного изъ этихъ казаковъ и названа деревня. Пограничный караулъ лежитъ въ 15 верстахъ отъ Байкаловой, по той же сторонѣ Абакана, недалеко отъ 2 впаденія въ Абаканъ двухъ рѣчекъ съ общимъ устьемъ и подъ общимъ именемъ Арбатъ [3].

Отъ Таштыпа къ Абаканскому караулу дорога идетъ у подножія высокихъ, лѣсистыхъ горъ [4].

---

[1] Ор. с., III, 365—6 Словцовъ (Историческое обозрѣніе Сибири, II, 103) говоритъ о двухъ знакахъ, поставленныхъ на самой вершинѣ Шабинъ-Дабага для размежеванія границъ. «Оба знака стояли на высокихъ двухсаженныхъ подножіяхъ, складенныхъ въ видѣ усѣченнаго конуса изъ плитъ песчаника. На одномъ подножіи возвышался деревянный крестъ въ $1\frac{1}{2}$ сажени, съ прописью православнаго символа вѣры, на другомъ столбѣ съ китайскою прописью религіознаго изрѣченія. Казачій голова съ Абаканскаго пограничнаго караула пріѣзжаетъ сюда, въ извѣстное время, для свиданія съ начальникомъ монгольской стражи и спрашиваютъ другъ друга о здоровьи относительныхъ государей». Также Степановъ, Енисейская губернія, I, 150. При немъ еще казаки регулярно выѣзжали на пограничные караулы Ibid, I, 148.

[2] III, 372.

[3] Ор. с., III. 366.

Деревня Байкалова обозначена на составленной Иваномъ Исленьевымъ въ 1777 году картѣ рѣки Иртыша. См. К. Риттеръ. Землевѣденіе Азіи, III, 502.

[4] III, 371.

Отъ Байкаловой Паллассъ черезъ Маинскій и Уйскій рудники прибылъ въ деревню *Каптыреву*. По тому времени Каптырева была порядочнымъ селомъ: въ ней насчитывалось 16 крестьянскихъ дворовъ, да еще 5 домовъ казаковъ, несшихъ службу на пограничныхъ караулахъ. Всѣ лежащія выше Абаканска деревни извлекаютъ большіе доходы изъ рыбной ловли и охоты, бѣдные койбалы охотно идутъ въ батраки къ русскимъ. Койбалы охотно позволяютъ также крестьянамъ ставить силки на косуль, кабаргу, горностаевъ, бѣлокъ и другихъ мелкихъ животныхъ, русскіе не должны лишь трогать бобровъ, выдръ, рысей и соболей, хотя они сплошь и рядомъ нарушаютъ тайкомъ это запрещеніе. Почва крайне плодородна, посѣвамъ угрожаютъ лишь ранніе инеи, которые выпадаютъ иногда въ августѣ и приносятъ больше всего вреда полямъ, лежащимъ ниже у рѣки или у ручьевъ, вредитъ посѣвамъ также сибирская гречиха. Послѣдней крестьяне не употребляютъ въ пищу, и уступаютъ ее качинцамъ, сколько тѣмъ нужно [1].

Изъ Каптыревой Паллассъ отправился вверхъ по Енисею, посѣтилъ деревню *Шунерскую*, въ 5 верстахъ отъ Саянскаго острога, состоящую изъ 8 дворовъ: среди ея жителей было трое братьевъ монгольскаго происхожденія [2]. Отъ Саянска (см. выше, гл. II), Паллассъ спустился еще верстъ десять вверхъ по Енисею, но дальше проникнуть не рѣшился, изъ-за рыскавшихъ повсюду кругомъ медвѣдей, и вернулся въ Каптыреву [3].

Изъ Каптыревой Паллассъ направился внизъ по Енисею, въ Красноярску. Въ лежащемъ на рукавѣ Енисея селѣ *Шушинскомъ* Паллассъ насчиталъ 26 зажиточныхъ крестьянскихъ дворовъ и 5 казачьихъ дворовъ [4].

Въ расположенной по обоимъ берегамъ Ои, недалеко отъ впаденія ея въ Енисей, деревнѣ *Усть-Ойской*, помимо крестьянъ жили и казаки, несшіе караульную службу на пограничныхъ форпостахъ къ востоку отъ Енисея. Казаки идутъ

---

[1] III, 383.
[2] III, 387.
[3] III, 388—9.
[4] III, 3[illegible].

отсюда вверхъ по Оѣ къ Ой-Кебежскому караулу Онъ расположенъ при слiянiи Ои и Кебежа, разстоянiе до него отъ Усть-Ойской по сдѣланному въ текущемъ году измѣренiю, 70 верстъ. Далѣе къ западу ближе къ Енисею при впаденiи въ Ою рѣчки Нарысы, въ 52 верстахъ отъ Ой-Кебежа и 193 верстахъ отъ Абаканска, лежитъ *Нарысагойскiй* караулъ. Въ востоку же отъ Ой-Кебета, на разстоянiи 28 верстъ, на притокѣ Тубы Амылѣ, при впаденiи въ него рѣчки Шадатъ, лежитъ *Шадатскiй* пограничный караулъ,—крайнiй къ востоку форпостъ на Красноярской границѣ: разстоянiе оттуда до перваго удинскаго форпоста не опредѣлено, такъ какъ они отдѣляются трудно доступными горами. На каждомъ изъ этихъ 3 форпостовъ несутъ службу 10 человѣкъ, нихъ обязанности лежитъ посѣщать пограничные камни. Казаки съ нарысагойскаго караула должны посѣщать пограничные камни у впаденiя Кемчука въ Енисей, а также *Хонинъ-Дабанъ*, лежащiй по ту сторону Уса, въ 57 верстахъ отъ Нарысагойскаго и 108 верстахъ отъ Кебежскаго караула. Отъ послѣдняго по названнаго пограничнаго камня приходился идти вверхъ по рѣкѣ Кебежу, а за тѣмъ черезъ высокiя горы къ рѣкѣ Тарадану (теперь Арадань), и внизъ по нему вплоть до Уса. Далѣе къ востоку, на Усѣ въ 70 верстахъ отъ Ой-Кебежа расположенъ еще одинъ пограничный камень, къ которому посылаютъ пикеты казаки изъ Ой-Кебежа и Шадата [1].

Выѣхавъ изъ деревни Усть-Ойской и миновавъ Тугазскiй заводъ Палласъ прибылъ 14 сентября 1772 года въ село Минусинское,[2]

[1] III, 390—392. Эти свидѣтельства Палласа о пограничныхъ знакахъ крайне цѣнны въ томъ отношенiи, что ими совершенно опровергаются попытки оспорить существованiе этихъ знаковъ, какiя мы встрѣчаемъ у Родевича [Очеркъ Урянхайскаго края, 1910) и Васильева [Ор. с., 98 сл.) Послѣдней считаемъ недостовѣрными и сомнительными всѣ промежуточные знаки между № № 17 и 24, т. е. между Гарганскимъ перевалом и Шабинъ-Дабага.

Въ 18 вѣкѣ пограничные знаки № № 22 и 23 находились тамъ же, гдѣ они находятся теперь, и ихъ посѣщенiе лежало на обязанности казаковъ.

При Степановѣ въ Кебежѣ и Шадатѣ укрѣпленiй не было (Ор. с., I. 145).

[2] Отсюда видно, что село Минусинское находилось на мѣстѣ нынѣшняго города Минусинска, а не села Малой-Минусы.

расположенное на рукавѣ Енисея—Тагарской протокѣ [1] и названное такъ по имени впадающей въ нее рѣчки Минусы. „Прежніе жители деревни были отправлены въ прошломъ году въ Колывань, вмѣстѣ со всѣми горнорабочими изъ Ирбинскаго завода, такъ какъ колыванское горное управленіе вернуло ирбинскій заводъ въ вѣдѣніе берггъ-коллегіи", говоритъ Палласъ. Отсюда слѣдуетъ, что первоначальными обитателями Минусинска были приписанные управленіемъ колыванскихъ заводовъ къ ирбинскому заводу крестьяне, которыхъ оно вернуло обратно, когда ирбинскій заводъ перешелъ въ вѣдѣніе другаго учрежденія и прекратилъ свое дѣйствіе. При посѣщеніи Минусы Палласомъ въ ней оставались только поселенные въ ней ссыльные; изъ нихъ также онъ никого не нашелъ дома, всѣ были заняты уборкой хлѣба на поляхъ, изъ за чего Палласъ не могъ найти и нужныхъ ему для продолженія путешествія лошадей.—Это первое дошедшее до насъ свидѣтельство о Минусинскѣ, подъ 1772 годомъ; Минусинское должно было быть основано до этого времени, но не ранѣе 40-хъ годовъ 18 столѣтія, когда началъ дѣйствовать ирбинскій заводъ [1].

О происхожденіи названія Минуса Кастренъ слышалъ отъ татаръ слѣдующее: [2] двое братьевъ изъ населявшаго край въ древнія времена народа (чуди) вступили въ споръ

[1] III. 306— К. Риттеръ (Op. c., III 530) толкуетъ неправильно это мѣсто изъ Палласа, онъ пишетъ, что съ переводомъ въ 1771 году ирбинскихъ горнозаводскихъ работниковъ въ Колывань, приписанные къ заводу ссыльные были переведены въ деревню Минусу для обработки земли. Изъ словъ Палласа этого отнюдь не слѣдуетъ. По словамъ Латкина (Енисейская губернія, стр. 436), «село Минуса было уже основано въ половинѣ прошлаго вѣка,» но онъ не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего утвержденія.

Адріанову (Очерки Минусинскаго края, стр. 55) осталось неизвѣстнымъ свидѣтельство Палласа, хотя на него было сдѣлано указаніе еще Риттеромъ; Адріановъ пишетъ: «у многихъ селеній минусинскаго уѣзда есть преданія о времени ихъ возникновенія, сохраняются воспоминанія о поводахъ къ ихъ образованію, о нихъ дѣлаютъ указанія, хотя бы и самыя краткія, тѣ или другіе изъ заѣзжихъ путешественниковъ, только нѣтъ этой памяти о бывшей Минусѣ, очевидно, ничѣмъ ея не заслужившей».

[2] Castren. Op. c., 300. прим.

другъ съ другомъ относительно нѣкоторыхъ земельныхъ участковъ, расположенныхъ возлѣ рѣки, и вскрикнули при этомъ min usa, minusa (минъ уса, минъ уса)! Но чудски это должно значить „моя доля“, и было бы тожественнымъ по значенію съ финскимъ minun osa.

Въ 10 верстахъ отъ Минусинскаго Палласъ нашелъ состоящую изъ трехъ дворовъ новыхъ поселенцевъ деревню *Ульянову*, или Майданн. Разстояніе по берегу рѣки до Ульяновой не такъ велико, но приходится дѣлать значительный обходъ мимо высокихъ, горъ круто спускающихся къ рѣкѣ [1].

По Тубѣ, кромѣ *Курагина*, было во время Палласа еще 6 другихъ деревень; *Пойлова*, *Шелаболино*, *Лисвягова*, *Мальцева* по правому берегу Тубы, *Капраново и Тубинскій городокъ* по лѣвому берегу ея. Ни одна изъ впадающихъ въ Енисей выше Абаканска, рѣкъ не заселена такъ сильно русскими, прибавляетъ Палласъ [2].

Мѣста, расположенныя по Енисею ниже Абаканска, Палласъ посѣтилъ еще въ 1771 году. Онъ нашелъ здѣсь деревни *Ербинскую* (теперь Усть-Ербу) и *Коненское* [3].

Въ деревнѣ *Яновой* было 8 дворовъ [4]. Въ Абаканскѣ и близъ лежащихъ деревняхъ было въ то время жителей мужского пола до 600 человѣкъ [5].

Уже за предѣлами нынѣшняго Минусинскаго уѣзда Палласъ упоминаетъ о селахъ *Игрышинолъ* и *Балахтинскомъ* по Чулыму. Балахтинское село тянется по Юсу на протяженіи нѣсколькихъ верстъ и дѣлится на нѣсколько недалеко другъ отъ друга лежащихъ деревушекъ, въ одной главной деревнѣ около 40 дворовъ [6].

Внизъ по Енисею до Красноярска Палласъ нашелъ деревни *Ошарово*, *Бирюсянскую* и *Овсянку*. О возникновеніи послѣдней, заселенной крѣпкими, состоятельными крестьянами, онъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія. Вся деревня, за исклю-

---

[1] III, 397.

[2] III, 397—8.

[3] II, 2, 687—8—Коненная, равно какъ и Тесинская, были заселены ссыльными, обязанными работать на рудникахъ, см. ниже гл. V.

[4] II, 2, 692.

[5] II, 2, 689.

[6] II, 2, 694.

ченіемъ нѣсколькихъ дворовъ, населена однимъ единственнымъ родомъ, который насчитываетъ 25 большихъ и зажиточныхъ семействъ въ одной этой деревнѣ, почти столько же семействъ этого рода разсѣяно по различнымъ другимъ деревнямъ, расположеннымъ вдоль Енисея. Юшковъ, родоначальникъ этого многочисленнаго поколѣнія, прибылъ изъ Россіи въ эту мѣстность, заселенную тогда киргизами, еще въ началѣ 17 столѣтія. У Юшкова было 7 сыновей, одинъизъ которыхъ былъ убитъ киргизами: остальные 6 продолжали родъ, ихъ потомство въ настоящее время образуетъ уже почти 50 семей. Потомки унаслѣдовали отъ предковъ прилежаніе и ловкость въ охотѣ и рыболовствѣ, и большинство изъ нихъ теперь богатые люди.

Лежащія по рѣкѣ Манѣ дикія и необитаемыя горы даютъ богатую добычу звѣроловамъ. Тамъ водится еще въ достаточной мѣрѣ соболей, рысей, россомахъ и мѣдвѣдей, мелкаго звѣря—красныхъ лисицъ и бѣлки—несчетное количество.—Кромѣ охоты и рыболовства, овсянскіе крестьяне занимаются еще земледѣліемъ и скотоводствомъ, земли по рѣкѣ Манѣ весьма пригодны для этого [1].

За 30-лѣтній промежутокъ, раздѣляющій путешествія Гмелина и Палласа, минусинскій край успѣлъ заселиться. Палласъ посѣтилъ приблизительно тѣ же мѣстности, что и Гмелинъ, и вмѣсто 5 деревень нашелъ тамъ уже 24, включая сюда и пограничные форпосты. Заселялась какъ сѣверная, такъ и южная часть края, колонизація шла не только по Енисею, но и по его притокамъ, Тубѣ и Абакану. Одни селенія, большей частью пограничныя, были основаны отбывавшими караульную службу казаками, другія обязаны своимъ возникновеніемъ вольной колонизаціи, третьи заселялись ссыльными, обязанными работать на заводахъ.

О селѣ Минусинскомъ мы имѣемъ еще нѣсколько документовъ, относящихся къ концу 18 вѣка. Въ минусинскомъ музеѣ хранятся копіи съ двухъ граматъ епископа Тобольскаго и Сибирскаго Варлаама Красноярскому заказчику

[1] II, 2, 967—8. Казаки Юшковы постоянно упоминаются въ саянскомъ архивѣ, см. главу II.

(благочинному) Алексѣю Михайловскому [1]. Изъ первой граматы отъ 24 декабря 1776 года мы узнаемъ, что красноярское духовное правленіе донесеніемъ отъ 25 іюня того же года сообщало, что жители слободы Поросчинской [2] выѣхали „для хлѣбопашества въ деревню Минусинскую“ и просили у владыки благословенной граматы на постройку въ деревнѣ Минусинской деревянной церкви „вмѣсто состоящей въ Поросчинской слободѣ только при двухъ дворахъ обветшалой спаской церкви“. Наведя соотвѣтственныя справки въ духовной консисторіи, епископъ благословилъ протоіерею Михайловскому „за вышеписанными резонами вновь въ деревнѣ Минусинской въ прежнее именованіе деревянную же церковь на удобномъ и не водополномъ и отъ пожарныхъ случаевъ безопасномъ мѣстѣ по чинополоненію церковному соборнѣ обложить, и по обложеніи велѣть строить по подобію прочихъ грекороссійскихъ церквей съ поспѣшеніемъ, и когда опая церковь въ совершенное строеніемъ окончаніе приведена, и всѣми принадлежащими къ благолѣпію церковному потребностями удовольствована будетъ, о освященіи оной просить особливымъ представленіемъ“.

Менѣе, чѣмъ въ годъ постройка церкви была закончена: 29 сентября 1780 епископъ Варлаамъ посылаетъ протоіерею Михайловскому новую грамату, изъ которой видно, что заказчикъ сообщилъ объ этомъ доношеніемъ 13 сентября и прослилъ граматы объ освященіи церкви и св. Антиминса. „Того ради благословляемъ вамъ, протоіерею Михайловскому, пишетъ епископъ, опую вновь построенную во имя Всемилостиваго Спаса церковь посланнымъ при семъ святымъ Антиминсомъ по чинополоненію церковному соборнѣ осв-

---

[1] Граматы эти помѣчены въ инвентарѣ библіотеки минусинскаго музея № 2459.—Съ епископомъ Варлаамомъ и протоіереемъ Михайловскимъ мы встрѣчались уже выше, въ главѣ III (постройка церкви въ Аскызѣ).

[2] Подъ «слободой Поросчинской» нужно разумѣть Надпорожную слободу, она упоминается въ «Памятникахъ Сибирской исторіи» еще подъ 1694 годомъ, см. выше гл. I.

Въ «росписи губерніямъ, провинціямъ и пр.,» помѣщенной въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, Къ пользѣ и увеселенію служащихъ», февраль 1757 г., о ней говорится: «Надпорожная слобода, при Енисеѣ, на рубежѣ съ енисейскимъ уѣздомъ, отъ Красноярека рѣкою 198, а отъ Енисейска рѣкою же 164 версты» (стр. 114).

тить. и по освященіи велѣть въ ней священнослуженіе отправлять".

Какъ видно изъ только что приведенныхъ документовъ, въ 70-хъ годахъ 18 вѣка село Минусинское. обязанное своимъ возникновеніемъ припискѣ крестьянъ къ Ирбинскому заводу, и вскорѣ лишившееся своихъ первыхъ насельниковъ, заселилось выходцами изъ Надпорожной слободы, лежавшей въ 600 верстахъкъ сѣверу на границѣ енисейскаго и красноярскаго уѣздовъ. Привлеченные слухами о климатѣ и плодородіи минусинскаго края, жители слободы рѣшились покинуть насиженныя мѣста и переселиться на югъ.

Отъ 1782 года до насъ дошли любопытные документы о цѣнахъ на хлѣбъ въ Минусинскомъ краѣ. Пограничн. дозорщикъ Красиковъ потребовалъ отъ крестьянскаго старосты Абаканскаго станка и десятниковъ села *Минусинскаго* и деревень *Шушенской*, *Шунерской* и *Каптыревой* сообщенія справочныхъ цѣнъ на хлѣбъ. „по чему между обывателями продажныя цѣны происходили".

Крестьянскіе выборные представили соотвѣтственныя справки.

Абаканскій острогъ и деревни январь февраль 1782 г.	Село Минусинское январь, февраль, мартъ 1782 г.	Деревня Шушенская январь, февраль, мартъ 1782 г.	Деревня Каптырева январь, февраль, мартъ 1782 г.
Мука ржаная пудъ . 13 к.	14 к.	15 к.	15 к.
Овесъ—четверикъ . 12 к.	14 к.	12 к.	12 к.
Мука пшеничн. пудъ 25 к.			
Ячмень четверикъ . 13 к.			
Сѣмя коноплян. пудъ 45 к.			
Въ концѣ справки стоитъ: «Въ небытность старосты по довѣрности его десятника Павла Кузнецова подписалъ просьбою его острожной сотни крестьян. Иванъ Корѣлинъ.	«Къ сей справкѣ прошеніемъ десятника Василья Малахова съ крестьянъ Степана Широкова, Ераснма Широкова же, Михаила СолдатоваЯковъ Солдатовъ руку приложили».		«Мешенинъ Гордей Коневъ руку приложилъ».

Цѣны на хлѣбъ въ Минусинскомъ краѣ, какъ онѣ ни кажутся низкими, все таки высоки по сравненію съ цѣнами въ другихъ мѣстахъ Сибири. По словамъ Головачева [1] „дешевизна хлѣба и вообще жизненныхъ продуктовъ въ Сибири 60-хъ и 70-хъ годовъ прошлаго вѣка была баснословна, по общему отзыву всѣхъ путешественниковъ. Во времена Лепехина въ Тюмени пудъ ржаной муки стоилъ 6—7 копеекъ, пшеничной—12, а 8 пудовъ овса—28—30 коп.“ Палласъ [2] радуется, что въ Боготолѣ, красноярскаго уѣзда, будетъ выстроена винокурня, которая окажется очень полезной и для крестьянъ красноярскихъ, имъ будетъ куда продавать свои богатыя жатвы, которыя по нуждѣ отдаются ими по дешевой цѣнѣ. недавно еще пудъ хлѣба стоилъ 3 или 4 копейки, штука рогатаго скота стоила рубль, хорошій конь 2—3 р., такъ какъ у крестьянъ не было сбыта для своихъ излишковъ.

Сходныя цифры сообщаетъ и Нестеровъ [3]. Крестьяне живущіе въ пограничныхъ караулахъ по Енисею, Окѣ [4] и Тубѣ, занимаются земледѣліемъ, пишетъ онъ. Когда онъ былъ тамъ, то самая лучшая рожь у казаковъ продавалась отъ 3 до 7 копеекъ пудъ, а пшеница отъ 10 до 15 копеекъ. По словамъ Нестерева, крестьяне и казаки держали много рогатаго скота и овецъ и продаютъ ихъ кузнецкимъ, томскимъ, красноярскимъ и енисейскимъ жителямъ. Хорошій быкъ стоитъ 4—5 рублей, овца 30—40 копеекъ, посредственная лошадь 6—8 рублей.

[1] Головачевъ, Сибирь въ Екатерининской коммиссіи, Москва, 1887, стр. 82—3.

[2] Ор. с., II, 666—8. Ср. приведенную у Андріевича (Историческій Очеркъ Сибири, т. IV, стр. 281 сл.) «вѣдомость, по какой цѣнѣ въ Иркутской губерніи въ нижеписанныхъ годахъ (1760—1765 г.) разнаго званія хлѣба каждый пудъ продавался». Цѣны показаны для слѣдующихъ городовъ: Иркутска, Илимска, Селенгинска, Нерчинска и Якутска. Въ трехъ послѣднихъ мѣстахъ цѣны на хлѣбъ довольно высокія, въ Иркутскѣ же и Илимскѣ ближе всего подходятъ къ цѣнамъ минусинскаго края, такъ въ Иркутскѣ за эти годы цѣны на пшеничную муку колебались въ предѣлахъ отъ 20 до 26½ копеекъ.

[3] Ор. с., 169 сл.

[4] Р. Ока впадаетъ слѣва въ Ангару, у Братскаго острога.

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ приведенныхъ выше цифрахъ, нужно перевести ихъ на современныя, для этого приходится увеличить ихъ въ пять разъ [1]).

О цѣнахъ на разные предметы въ южной Сибири въ 18 вѣкѣ даетъ намъ понятіе указъ красноярской воеводской канцеляріи саянскому прикащику Юшкову отъ іюня мѣсяца 1737 года о розыскѣ дворового человѣка Петра Васильева Огнева, бѣжавшаго съ мельницы казака Чапчикова и похитившаго при этомъ десять рублей деньгами и цѣлый рядъ предметовъ, цѣны которыхъ и приводятся: зипунъ суконный цвѣтомъ васильковый и комзолъ, цѣна имъ 6 руб. — коп

конь шерстью буланой . .	8	„	— „
винтовка винтовальная . .	5	„	— „
двои штаны да двѣ рубашки	1	„	— „
сѣдло деревянное . , . .	—	„	45 „
узда, потникъ, кечимъ . .	—	„	30 „
зипунъ бѣлый суконной попошенной	1	„	50 „

Въ Саянскомъ архивѣ имѣются еще слѣдующія данныя о русскихъ поселеніяхъ въ бассейнѣ верхняго Енисея въ 18-мъ вѣкѣ.

Въ 1785 году красноярскій комендантъ подполковникъ Бригаузенъ ордеромъ 22 мая предписываетъ дозорщику абаканской границы, сыну боярскому Иконникову, „собрать въ верхъ Енисея рѣки въ разныхъ деревняхъ солдацкихъ и казачьихъ дѣтей и представить въ Красноярскъ“. При этомъ приводится списокъ этихъ деревень (встрѣчающихся въ первый разъ отмѣчаются нами курсивомъ): *Амалинская*, Сырская, Кантырева, Арбатская, *Чеблахтинская*, Ойская, *Катцына*, *Онашинская*, Белыцкая, *Бирская*, Койская, Монуцкая, *Анисимова*, Ташпынская, Шуперская, Бирюсинская, *Щошина* [2]).

---

[1]) При Петрѣ Великомъ рубль стоилъ 9 нынѣшнихъ рублей, послѣ 1788 года—5 рублей. П. Милюковъ Очерки по исторіи русской культуры, часть I, 3-е изд., С.-Петербургъ 1898 г., стр. 166.

[2]) Деревня Амалинская, Катцына и Анисимова не встрѣчаются ни въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ Енисейской губерніи по свѣдѣніямъ 1859 года. Обработано Маакомъ. С.ПБ. 1864, г. «ни въ волостяхъ и населенныхъ мѣстахъ 1893 года. Енисейская губернія. Изданіе центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ С.-Петербургъ 1893 г.».

По свѣдѣніямъ, собраннымъ Личковымъ [1], къ концу 18 вѣка относится и возникновеніе деревни Комской.

Въ ордерѣ красноярскаго коменданта пограничному дозорщику отъ 10 августа 1791 г. упоминается о существованіи курагинской земской избы.

Ордеромъ 22 апрѣля 1792 г. Красноярской комендатъ Алексѣй Кугаевской предписываетъ дозорщику абаканской границы Муруеву взыскать съ 5 казаковъ прихода села Шушенскаго 40 копеекъ штрафу за небытіе у исповѣди и св. Причастія: въ д. Кантыревой съ 1— 5 копеекъ,
въ д. Жеблахтахъ за 2-е небытіе съ 2 по 10 „
Саянскій острогъ . . . . . 10 „
Съ 1-го за 2-е небытіе . . . . . 10 „
Съ жены его за 1-е небытіе . . . 5 „

По даннымъ Григорьева, [2] изъ насчитывавшихся въ минусинскомъ уѣздѣ 299 поселковъ 208 было основано болѣе 100 лѣтъ тому назадъ (значитъ въ 18 вѣкѣ) и 91 въ 19-мъ вѣкѣ. По его словамъ, уже въ то время минусинскій уѣздъ былъ заселенъ болѣе, чѣмъ прочіе: Канскій уѣздъ насчитывалъ всего 156 поселковъ, Красноярскій 126 и Ачинскій 103. Мы, на основаніи приведенныхъ выше данныхъ, можемъ установить существованіе въ 18 вѣкѣ немного болѣе 40 поселковъ въ минусинскомъ уѣздѣ, включая сюда остроги, заводы и рудники (о нихъ см. главу V).

Палласъ даетъ и общую характиристику русскаго населенія красноярскаго уѣзда того времени; такъ какъ значитель-

[1] Новыя данныя по исторіи заселенія Сибири, стр. 6.

[2] Ор. с., стр. 8. Григорьевъ пользовался данными, собранными «мѣстнымъ изслѣдованіемъ объ исторіи образованія селеній въ описываемыхъ округахъ губерніи... Эти данныя... не всегда отличаются желательной полнотой, а иногда имѣютъ и не достовѣрный характеръ» (стр. 4).

Онъ указываетъ при этомъ, «что значительная часть территоріи обслѣдованныхъ мѣстностей заселена была еще къ концу прошедшаго столѣтія, такъ какъ число населенныхъ пунктовъ съ тѣхъ поръ возросло лишь на 23%, при чемъ увеличеніе поселковъ по округамъ шло весьма неравномѣрно: заселеніе красноярскаго округа въ текущемъ столѣтіи почти нисколько не подвинулось впередъ, въ Ачинскомъ и Канскомъ оно сдѣлало сравнительно тоже небольшіе успѣхи, но за то въ Минусинскомъ число поселковъ увеличилось почти на цѣлую треть». (ibid, стр. 8).)

ную часть его составлялъ минусинскій край, то мы приведемъ ее здѣсь [1].

Красноярскъ въ то время былъ передаточнымъ пунктомъ для торговли русскихъ съ Китаемъ. Всѣ мѣстные продукты продавались въ Красноярскѣ по необыкновенно дешевой цѣнѣ; Палласъ увѣряетъ, даже, что ни въ одной части россійской имперіи продукты первой необходимости не продаются такъ дешево. При немъ въ Красноярскѣ пудъ ржаной муки продавался за 2—2½ и 3 копейки, пудъ пшеничной муки стоилъ отъ 4½ до 5 копеекъ, пудъ говядины отъ 15 до 25 копеекъ, быкъ продавался за 1½ рубля, корова—по рублю, хорошіе кони за 2—3 рубля и менѣе того, овцы по 30—40 копеекъ за штуку, и свиньи не много дороже. Но такъ какъ казна стала скоро предъявлять большой спросъ на зерно, частью для колывано-воскресенскихъ заводовъ, частью для пограничныхъ укрѣпленій на Иртышѣ, кромѣ того на Чулымѣ былъ заложенъ винокуренный заводъ, а въ Красноярскѣ казенный хлѣбозапасный магазинъ, то цѣны на хлѣбъ поднялись немного; цѣна ржи, все-таки, не превышала 5—6 копеекъ.

Одни эти низкія цѣны свидѣтельствуютъ уже о плодородіи красноярскаго округа. Правда, жители города Красноярска не могутъ предъявлять спроса на хлѣбъ, такъ какъ, большей частью, сами воздѣлываютъ землю и держатъ много скота; но хлѣбъ красноярскаго округа издавна сбывается уже въ бѣдныя хлѣбомъ мѣстности внизъ по Енисею [2] и въ Иркутскую провинцію, а такъ же въ Сургутъ и Нарымъ, а цѣны, тѣмъ не менѣе, не подымаются, въ такомъ изобиліи родитъ хлѣбъ земля. Здѣсь еще не было случая общаго неурожая и считаютъ вполнѣ естественнымъ, если яровая рожь родится самъ десять, озимая самъ восемь, а ячмень—самъ двѣнадцать. Пшеница родится самъ шесть только въ плохіе го-

[1] Op. c., III. 4 сл.

[2] Это подтверждается, между прочимъ, любопытнымъ «объявленіемъ» красноярской воеводской канцеляріи, приведеннымъ въ указѣ абаканской конторы отъ 24 іюля 1755 года: «не пожелаетъ ли кто въ Енисейскъ на казенный винокуренный заводъ на куреніе вина провіанта... муки ржаной 20 тысячъ, ячменю 5 тысячъ, овса или овсяной муки пять же тысячъ, солоду ржаного или ржи 10 тысячъ, хмѣлю 300 пудовъ поставить своимъ коштомъ на срокъ сего 755 г. сентября на 1 число». Предложеніе

ды, овесъ же рѣдко даетъ самъ двѣнадцать. Гречихи сѣютъ мало, при чемъ ею засѣваются уже истощенныя пашни, на которыхъ она даетъ двѣнадцати и пятнадцати кратные урожаи.

Плодородіе почвы дѣлаетъ излишнимъ употребленіе удобренія, которое, какъ дознались по опыту, только повредило бы жатвѣ. Тѣмъ не менѣе пашня, большей частью, сохраняетъ свое плодородіе въ теченіе 10, 15 и болѣе лѣтъ, если только ее на третій годъ оставляютъ подъ паромъ. Когда же плодородіе почвы начинаетъ убывать, крестьянинъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточно земли въ горахъ и въ степи чтобы распахать новый участокъ. Послѣднее дѣлается обыкновенно сразу же послѣ лѣтняго посѣва, дѣвственная почва впервые вспахивается въ началѣ іюня, а въ концѣ мѣсяца подвергается вторичной распашкѣ; такимъ образомъ, невоздѣланная земля (залогъ) дѣлается въ августѣ уже пригодной для озимыхъ посѣвовъ; или же на ней сѣютъ слѣдующей весной пшеницу; въ этомъ случаѣ поле приходится вспахать еще разъ. Озимой же пшеницы при Палласѣ не сѣяли еще въ Сибири вовсе.—Послѣ первой жатвы такую пашню (перелогъ) оставляютъ нераспаханной въ теченіе зимы, и засѣваютъ ее два года подъ рядъ только какимъ либо яровымъ хлѣбомъ. Только на четвертомъ году земля, послѣ двукратной вспашки, оставляется подъ паромъ въ теченіе лѣта, и засѣвается вновь только осенью или весною слѣдующаго года. Вообще мѣстныя почвы приносятъ жатву два года подрядъ, высокія сухія, и песчаныя—по крайней мѣрѣ черезъ годъ, и пригодны для всякаго рода хлѣбовъ, также для льна и гороха.

Красноярскій округъ простирается въ длину и ширину до 100 верстъ, въ немъ насчитывается не болѣе 15000 душъ мужского пола, включая инородцевъ [1]. Все же, красноярскій

охотникамъ изъ обывателей поставить въ казну такое значительное количество хлѣба указываетъ на значительное распространеніе земледѣлія въ верхней части Енисея уже въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка.—Казенные винокуренные заводы въ Сибири велѣно было строить указомъ отъ 7 ноября 1698. Андріевичъ, Исторія Сибири, II, 229.

[1] Палласъ (Op. c., III, 13) приводитъ и точныя цифры мужского населенія всего красноярскаго округа: 9228 записанныхъ въ подушной

округъ превосходилъ числомъ своихъ жителей лежащія далѣе къ востоку части Сибири. Какъ видимъ, число русскихъ насельниковъ края вомного разъ уже превосходило число туземцевъ. Напрасно только Палласъ приписываетъ заботамъ правительства главную роль въ дѣлѣ заселенія края, называя его „образцомъ государственной мудрости“, Григорьевъ, имѣвшій данныя о возникновеніи 776 поселковъ въ 4-хъ южныхъ уѣздахъ Енисейской губерніи, пишетъ: [1] „правительственныя переселенія, давъ губерніи, въ составѣ ея описываемыхъ 4-хъ округовъ, 101 поселокъ, т. е. приблизительно 13% общаго ихъ числа, несомнѣнно, поэтому въ дѣлѣ колонизаціи края играми значительно меньшую роль, нежели свободныя переселенія... Всѣ остальные населенные пункты основаны безъ всякаго участія правительства“.

Огородничествомъ сибирскій земледѣлецъ занимается мало.

окладъ крестьянъ, 807 переселенцевъ (Colonisten), 128 устроенныхъ въ качествѣ переселенцевъ сельскихъ, 2023 посадскихъ и цеховыхъ, и 2094 обложенныхъ ясакомъ татаръ. О казакахъ онъ совершенно не упоминаетъ въ данномъ мѣстѣ. Щегловъ Хронологическія данныя изъ исторіи Сибири, стр. 286 даетъ для населенія города Красноярска съ уѣздомъ въ 1760 году цифру въ 11,507 душъ мужескаго пола. Она почти совпадаетъ съ цифрами Палласа, если не считать инородческаго населенія. Приблизительная цифра инородцевъ минусинскаго округа была дана выше, въ главѣ III. [Къ сожалѣнію, тамъ вкралась досадная опечатка: вмѣсто 6000 нужно читать 9000]. Число русскихъ насельниковъ нынѣшняго минусинскаго округа опредѣлить трудно, за недостаткомъ данныхъ; мы знаемъ только что въ острогѣ Абаканскомъ и прилегающихъ деревняхъ, по словамъ Палласа было 600 человѣкъ жителей мужескаго пола (II, 689), число пограничныхъ казаковъ въ теченіе столѣтія колебалось отъ 186 до 142. Вѣроятно мы немного ошибемся, если опредѣлимъ число русскихъ насельниковъ минусинскаго края въ 70-хъ годахъ 18 вѣка цифрой не свыше 4000 душъ мужескаго пола, такъ какъ изъ приведенныхъ Палласомъ цифръ посадскіе и цеховые относятся главнымъ образомъ къ числу жителей города Красноярска, а значительная часть крестьянъ жила въ болѣе заселенной сѣверной части Красноярскаго округа, нынѣшнемъ ачинскомъ и красноярскомъ уѣздахъ. Всѣ эти цифры относятся только къ мужескому населенію, о количествѣ женщинъ у насъ нѣтъ данныхъ, можно сказать только одно, что ихъ должно было быть значительно меньше числа мужчинъ. Извѣстенъ недостатокъ женщинъ въ Сибири правительство всячески старалось устранить это. Ср., напр., Андріевичъ, Ор. с., IV, 105 сл.

[1] Ор. с., 8.—Ср. слова Ядринцева, что Сибирь была «продуктомъ вольно—народной колонизаціи» (Сибирь, какъ Колонія).

Всего губительнѣе для овощей обычные въ маѣ мѣсяцѣ заморозки, рѣже они страдаютъ отъ раннихъ осенних инеевъ; поэтому вполнѣ удается только разведение тыквъ и огурцовъ, дыни и арбузы растутъ значительно хуже. Жители красн. округа начали разводить довольно успѣшно и табакъ, такъ какъ онъ находитъ большой сбытъ среди инородцевъ. Но красноярцы не умѣютъ во время снимать и приготовлять его листья, и поэтому красноярскій табакъ, называемый обыкновенно зеленчакомъ изъ за его зеленаго цвѣта, продается самое большее за 25 копеекъ фунтъ, въ то время какъ за обыкновенный черкасскій табакъ платятъ 40 и больше копеекъ, а въ Удинскѣ перѣдко и 60.

Красноярскіе жители извлекаютъ большую выгоду также отъ продажи хмѣля, который въ большомъ количествѣ ростетъ въ дикомъ видѣ на островахъ по Енисею, въ особенности около Абаканска и выше по теченію рѣки. Осенью много народа отправляется за хмѣлемъ въ эти мѣстности, въ городъ приплавляютъ его на плотахъ, и продаютъ его тамъ отъ 50 копеекъ до рубля [1]). Большей частью хмѣль сплавляется съ большой выгодой для продавцовъ въ Енисейскъ, Иркутскъ и земли по рѣкѣ Тунгускѣ, гдѣ онъ не растетъ. Удачныя сдѣлки по продажѣ хлѣба и хмѣля служатъ обычно, для красноярскихъ жителей поводомъ къ попойкамъ и разгулу.

Изъ полезныхъ растеній красноярскаго округа Палласъ упоминаетъ еще о дико растущемъ ревенѣ (рапонтикѣ). По требованію медицинской коллегіи красноярская канцелярія собираетъ его при посредствѣ подрядчиковъ, берущихъ на себя доставку въ казну ревеня за условленную цѣну. Подрядчики поручаютъ мѣстнымъ крестьянамъ копать ревень въ разныхъ частяхъ хребта, въ особенности по рѣчкамъ Салбѣ и Сисиму къ востоку отъ Енисея. Лучшій ревень добывается въ Удинскѣ, и выкапывается въ горахъ по рѣкамъ Удѣ и Бирюсѣ. Такъ какъ у сибирскаго рапонтика корень, обыкновенно, гнилой, то для врачебныхъ цѣлей пригодны только цилиндрическія отвѣтвленія корня, и поэтому сибир-

[1]) Палласъ не говоритъ, за какое количество хмѣля дѣлали такую цѣну.

скій рапонтикъ по своему внѣшнему виду носитъ въ обыденной жизни названіе черенковаго ревеня. Зимой 1771 году изъ Красноярска было отправлено въ Тобольскъ для медицинской коллегіи 511 пудовъ 10 фунтовъ ревеню. При иномъ способѣ приготовленія можно было бы, по мнѣнію Палласа, получать несравненно лучшій и болѣе крѣпкій ревень [1]).

Ревень добывался въ минусинскомъ округѣ вплоть до конца 18-го вѣка, что видно изъ ордера красноярскаго коменданта Ипрашкова дозорщику абаканской границы сотнику Потылицыну отъ 1 мая 1792 г. „Въ разсужденіи нахожденія въ командѣ твоей казаковъ... немалаго количества, казакамъ приказать, дабы они въ нынѣшнее лѣтнее время произрастающаго на границѣ черенковаго ревеня накопали; фунтовъ до 2-хъ на пробацію прислать въ здѣшнюю канцелярію, а между тѣмъ приложить стараніе того ревеня накопать... хотя пудовъ до трехсотъ или болѣе“. Когда ревень будетъ накопанъ, дозорщикъ долженъ его высушить и выслать „для отсылки въ государственную медицинскую коллегію“.

Красноярскій округъ, продолжаетъ Палласъ [2]), богатъ лѣсами; требуется мало труда, чтобы доставить къ рѣкѣ прекрасный строевой лѣсъ съ горъ, лежащихъ у Енисея, и при плавить его на плотахъ въ городъ. За исключеніемъ клена, вяза и липы, въ красноярскомъ округѣ въ изобиліи произрастаютъ всѣ породы деревьевъ.—Напротивъ Абаканска на Енисеѣ часто стрѣчается Populus balsamifera.

Зимой Красноярскъ въ изобиліи снабжается дичью и

---

[1]) Торговля ревенемъ была объявлена правительственною монополіею, съ 1731 года и всѣмъ частнымъ лицамъ, имѣющимъ ревень приказано продать такой въ казну, по существующей цѣнѣ. Андріевичъ, Исторія Сибири, II, 276—7, также III, 119 сл. Когда оказалось, что растущій около Абаканска ревень годенъ для употребленія, хотя и уступаетъ нѣсколько китайскому, то для лучшей подготовки этого ревеня къ лекарственному употребленію, сенатъ, по докладу медицинской коллегіи, призналъ нужнымъ перевести изъ Кяхты аптекаря, сортировавшаго ревень (Андрея Брандта). Относительно развѣдокъ мѣстъ произрастанія китайскаго ревеня предложено иностранной коллегіи принять свои мѣры въ тѣхъ видахъ, чтобъ доставъ его сѣмена улучшить абаканскій ревень. Полное собраніе законовъ, № 13081, указъ 19 марта 1768 г., цитировано у Андріевича, op. c., IV, 190—191.

[2]) Op. c., III, 10 сл.

всякаго рода пушниной. Охота за звѣремъ, мѣха котораго оцѣниваются высоко, является, собственно говоря, привилегіей сибирскихъ инородцевъ, закрѣпленной за ними высочайшими указами, такъ какъ инородцы обязаны вносить ясакъ мѣхами пушныхъ звѣрей и звѣроловство является ихъ главнымъ занятіемъ. Тѣмъ не менѣе, многіе рускіе крестьяне также отдаютъ охотѣ свои зимніе досуги. Частью они разставляютъ тайкомъ сѣтки и капканы на всякаго рода дичь, и ловятъ по сосѣдству горностаевъ, бѣлокъ и другихъ животныхъ, или же берутъ отъ инородческихъ племенъ или русскихъ властей разрѣшеніе на охоту въ теченіе одной зимы. Въ первомъ случаѣ самовольные охотники достаточно часто подвергаются опасности быть замѣченными и накрытыми татарами, послѣдніе расправляются съ ними на мѣстѣ преступленія или передаютъ въ руки начальства; а оно, конечно, не упускаетъ случая взять, что можно, за проявляемую имъ снисходительность, какъ это обычно бываетъ въ Сибири.

Соболя при Палласѣ попадались въ красноярскомъ округѣ еще довольно часто. Одна разновидность соболя встрѣчалась, большею частью, на горахъ у чернаго Юса и на Чулымѣ, очень дурного качества, съ длинной шерстью, цвѣта близкаго къ сѣрому. Лучшіе соболя ловятся въ саянскихъ горахъ по ту сторону Енисея, особенно по рѣкѣ Оѣ и впадающимъ въ Тубу горнымъ рѣчкамъ; у нихъ шерсть короткая, чернаго цвѣта, слишкомъ часто пересыпанная бѣлыми или сѣрыми пятнами. Впрочемъ, въ красноярскомъ округѣ рѣдко попадаются особенно цѣнные соболя, на сторонѣ удинскихъ соболей преимущество въ отношеніи чернаго цвѣта и густоты шерсти. [1])

Волки почти совершенно истреблены въ красноярскомъ уѣздѣ, равно какъ и въ большей части Сибири. Лисицъ имѣется достаточно въ открытыхъ мѣстностяхъ, въ Красноярскъ доставляются черныя и черно-бурыя лисицы значительной цѣнности. Бобры и выдры водились при Палласѣ еще довольно часто по горнымъ рѣчкамъ къ востоку отъ Енисея, нос-

[1]) Въ настоящее время соболь добывается въ тѣхъ же районахъ минусинскаго уѣзда, см. А. Я. Тугариновъ, Соболь въ Енисейской губерніи, Красноярскъ, 1913, 11 сл, 15.

лѣднія часто продавались по 7 рублей штука и вывозились въ предѣлы Китая. Рѣже встрѣчаются рыси, и продаются приблизительно за тѣже деньги безъ пестрыхъ переднихъ лапъ, которыя продаются отдѣльно. Немного чаще попадаются россомахи, совершенно черныя продаются за 4 рубля. Барсуковъ имѣется достаточно; но такъ какъ ихъ мѣхъ мало цѣнится, то ихъ убиваютъ только при случаѣ, чтобы избавиться отъ ихъ непріятнаго сосѣдства или же воспользоваться ихъ жиромъ.

Бѣлка въ красноярскомъ уѣздѣ очень посредственная. Большое количество горностаевъ порядочныхъ размѣровъ ловится въ степяхъ къ сѣверу отъ Красноярска, а также по Абакану; одно время, когда еще можно было торговать ими съ Китаемъ [1]) за ихъ шкурки платили 25 копѣекъ за штуку, при Палласѣ же едва находились покупатели за 4-ю или 5-ю часть этой цѣны.

Огненно желтыя ласки, или кулонки, водятся въ достаточномъ количествѣ на покрытыхъ лѣсомъ горахъ, но ихъ не ловятъ; бывающіе же здѣсь проѣздомъ путешественники платятъ 5—6 копѣекъ и выше за штуку, если случайно какая либо попадетъ въ силки: китайцы цѣнятъ этотъ товаръ и платятъ за него хорошую цѣну, по этому ласки въ Иркутскѣ цѣнятся много выше, и въ Россіи вовсе не вывозятся.

Сохатый, олень, косуля и кабарга водятся въ большомъ количествѣ въ горахъ къ востоку отъ Енисея. Косули попадаются такъ часто, что вмѣстѣ съ мясомъ продаются по 10 копѣекъ; изъ этихъ шкуръ выдѣлываются дорожныя шубы. Кабарги попадаются такъ же часто. Самцы (казачки) стоятъ отъ 30 до 50 копѣекъ, за самокъ же съ мясомъ и кожей платятъ отъ 10 копѣекъ.

Рыбы ловится въ красноярскомъ округѣ не много, такъ какъ по количеству рыбы Енисей не можетъ идти въ сравненіе съ Обью, Иртышемъ и Томью. Впрочемъ, по словамъ Нестерева [2]), русскіе крестьяне ловятъ въ Енисеѣ выше саянскаго острога во многихъ мѣстахъ осетровъ и стерлядей. По его словамъ въ Енисеѣ равно, какъ во всѣхъ его при-

[1]) Указомъ 17 октября 1752 было подтверждено запрещеніе отпускать мягкую рухлядь за границу, Андріевичъ, Ор. с., III, 122.

[2]) Ор. с., 169.

токахъ выше Саянска, много бѣлорыбицы.

О жителяхъ Абаканска и его окрестностей Палласъ сообщаетъ еще слѣдующія свѣдѣнія [1]).

Главнымъ занятіемъ Русскихъ насельниковъ области верхняго Енисея было, помимо необходимаго для удовлетворенія ихъ потребностей въ питаніи земледѣлія, скотоводство и торговля скотомъ. Вслѣдствіе прекрасныхъ природныхъ условій, эти отрасли хозяйства требуютъ здѣсь мало заботы и труда, и народъ живетъ здѣсь въ высшей степени беззаботно. Высокимъ качествомъ отличается здѣсь рогатый скотъ, его гонятъ отсюда въ большомъ количествѣ не только въ Иркутскъ, черезъ Удинскъ, но также черезъ горы къ Кузнецку, къ Колыванскимъ горнымъ заводамъ, и къ Барабѣ, вплоть до Тобольска. Прогонъ скота происходитъ лѣтомъ, такъ какъ только въ это время года дороги находятся въ сносномъ состояніи. Первая половина пути къ Кузнецку, черезъ Саянскія степи очень удобна, тѣмъ тяжелѣе путь по горамъ, къ впадающимъ въ Томь рѣкамъ; тамъ скототорговцы строятъ плоты и сплавляютъ скотъ внизъ къ Кузнецку [2]). Кромѣ того, жители Абаканска извлекаютъ доходъ изъ обильно растущаго по островамъ хмѣля, который въ большомъ количествѣ сплавляется внизъ по Енисею въ Иркутскъ. Зима здѣсь, по сравненію съ Красноярской, по единогласнымъ увѣреніямъ всѣхъ жителей очень коротка и мягка, этотъ край самый теплый и мягкій въ Сибири. Проживающій здѣсь малороссъ, начавшій воздѣлывать табакъ и арбузы, сравниваетъ мѣстную зиму съ малороссійской, и надѣется даже насадить здѣсь плодоводство и пчеловодство [3]].

О торговлѣ русскихъ съ Китаемъ черезъ минусинскій край имѣются свѣдѣнія, относящіяся къ началу 18 вѣка. Такъ, въ 1701 году красноярскій воевода стольникъ Мусинъ-Пушкинъ получилъ отъ великаго государя грамоту о предложеніи киргизскимъ тайшамъ отпустить изъ ихъ земель

---

[1]] Op. c., II, 689—690.

[2]] Словцовъ (Op. c., II, 103) пишетъ: «по зависимости части абаканскаго края отъ Кузнецка вошло у промышленниковъ въ обыкновеніе гонять тамошній скотъ черезъ горы, по узкимъ тропикамъ, въ Кузнецкъ и въ колыванскіе заводы».

[3]] Огородничествомъ въ 18 вѣкѣ въ Сибири занимались и жители Барнаула, гдѣ довольно хорошо созрѣвали арбузы. Pallas, II, 365.

проживающихъ тамъ русскихъ торговыхъ людей и грековъ[1]). Греки и русскіе жили на р. Кобдо, при которой кочевалъ калмыцкій владѣлецъ Бушту Ханъ. „И августа въ разныхъ числахъ нынѣшняго 1701 году били челомъ намъ великому государю гости Василей да Алексѣй Филатьевы: человѣкъ де ихъ Бориско Прокопьевъ... съ товары живутъ съ гречаны съ Иванкомъ Андреевымъ, Пашкою Ивановымъ, да съ русскими съ Петрушкою Веденихтовымъ, съ Ивашкою Туркою у контайши многое время, а пожитковъ де ихъ съ нимъ Борискою и Гришкою, по отпускомъ и сверхъ отпусковъ во многихъ издержкахъ и во многое время въ убыткахъ съ 10.000 рублевъ и больше". [1]

Сибирскіе купцы и промышленники возбудили въ Китаѣ такое неудовольствіе своимъ беззастѣнчивымъ хищничествомъ, что въ январѣ 1706 года енисейскому воеводѣ, стольнику Глѣбову, было предписано не пропускать въ Китай купцовъ безъ приказныхъ грамотъ сибирскаго приказа, потому что „многіе изъ русскихъ людей ходили въ Китай для торгу, чѣмъ портятъ торгъ съ Китаемъ и многую чинятъ ссору" [2]).

О торговлѣ съ Китаемъ идетъ рѣчь и въ нѣсколькихъ документахъ саянскаго архива. Въ указѣ 4 декабря 1734 г. красноярскій воевода Баклановскій пишетъ саянскому прикащику Василевскому слѣдующее: „а ежели кто за каменемъ заграницу поѣдетъ съ какими товарами или безъ товаровъ, товары и таковыхъ ловить и присылать въ красноярскую канцелярію подъ крепкимъ карауломъ, а ежели кто съ какими товарами или безъ товаровъ заграницу поѣдетъ а тобою же люди пойманы не будутъ, а кромѣ тебя чрезъ кого въ красноярскую канцелярію о томъ будетъ вѣдомо, и за то съ тобою поступлено будетъ по указамъ Ея Имп. Вел. безо всякаго милосердія".

23 декабря 1749 г. красноярскій воевода Овдуловъ посылаетъ саянскому прикащику Краснокову слѣдующій указъ: „красноярскіе плательщики Данило Григорьевъ сынъ Садов-

[1] Памятники Сибирской исторіи, I, стр. 191 сл. Андріевичъ, Ор. с., II, 268, совершенно невѣрно излагаетъ содержаніе грамоты.

[2] Андріевичъ Ор. с., II, 256.

ской, Иванъ да Яковъ Пойловы уѣхали за границу въ мунгальское владѣніе съ товарами,.. и по нынѣ отъ туда еще не возвратились, уѣхали.... мимо саянскаго острогу въ камень называемые Щоки, котораго мѣста (возвращаясь) миновать не могутъ". Прикащикъ долженъ ѣхать въ Щоки и взять тамъ Садовскаго съ товарищи" подъ крѣпкій караулъ, „а товары и все, что при нихъ есть, описать и запечатать и со всѣмъ тѣмъ товаромъ выслать изъ всѣхъ въ Красноярскую воеводскую канцелярію". Въ этихъ указахъ рѣчь идетъ, вѣроятно, о торговцахъ уѣхавшихъ безъ приказныхъ грамотъ и не уплатившихъ пошлины, или же увезшихъ съ собой „заповѣдные товары" [1].

Какъ видимъ, плодородная почва и естественныя богатства минусинскаго края привлекали значительное число русскихъ насельниковъ еще въ 18 вѣкѣ.

Полное замиреніе края, явившееся результатомъ непрерывной и упорной борьбы съ киргизами и тубинцами въ 17 вѣкѣ, дало русскимъ поселенцамъ возможность использовать плодородіе почвы и богатства края [2]. Военной колонизаціи обязаны своимъ возникновеніемъ первые населенные пункты въ краѣ—Караульный острогъ, Абаканскъ, Саянскъ—тѣмъ несшіе пограничную службу казаки обзаводились хозяйствомъ и осѣдали въ назначенныхъ имъ для отбыванія караульной службы мѣстностяхъ (Таштыпъ, Мопокъ, Арбаты). За казаками шли и вольные переселенцы, покидавшіе свое старое пепелище, чтобы обосноватся на болѣе привлекательныхъ своимъ плодородіемъ новыхъ мѣстахъ; такъ, напримѣръ, жители деревни Надпорожней переселились въ село Минусинское.

---

[1] См. выше глава, гл. III.

[2] Одними изъ первыхъ русскихъ, обратившихъ вниманіе на минусинскій край, были такъ называемые курганщики, раскапывавшіе курганы и могилы и присваивавшіе себѣ находимыя въ нихъ золотыя вещи. Уже во времена Миллера промыселъ курганщиковъ палъ, такъ какъ болѣе богатыя могилы были уже разрушены. Во времена Гмелина и Палласа все еще попадались курганщики, и отъ послѣднихъ они получали объ устройствѣ кургановъ свѣдѣнія болѣе обстоятельныя, чѣмъ имъ дали ихъ могильныя раскопки. См. Д. Клеменцъ. Древности минусинскаго музея, Томскъ 1886, стр. 18. Палласъ (III, 384) пишетъ: «Я нашелъ въ Каптерозѣ стараго крестьянина, онъ былъ не только рудоискателемъ, открывшимъ свин-

Разработка рудныхъ мѣсторожденій минусинскаго округа также повела къ возникновенію ряда поселковъ (см. гл. V), населенныхъ, главнымъ образомъ, ссыльными, на обязанности которыхъ лежалъ принудительный трудъ на рудникахъ и заводахъ.

О размѣрахъ русскихъ поселеній мы имѣемъ мало свѣдѣній, изъ сообщеній Палласа видно, что большинство деревень состояло изъ 3—5 дворовъ, напр. Ульяново, Байкалово, Таштынъ; болѣе другихъ заселены было село Шушенское (31 дворъ) и Кантырево (21 дворъ).

Церкви имѣлись въ 18 вѣкѣ въ слѣдующихъ мѣстахъ Минусинскаго края: въ Караульномъ острогѣ, она показана въ „чертежной книгѣ Ремезова“ въ 1701 году, на Лугазскомъ заводѣ, по сообщенію Гмелина (1739 годъ), въ Новоселовѣ, по его же сообщенію, въ Абаканскомъ острогѣ—Архангельская церковь, упоминается впервые въ 1755 году въ Саянскомъ архивѣ, въ Усть-Аскызѣ, построенная въ 1771 году, въ селѣ Минусинскомъ, оконченная въ 1780 году, и въ селѣ Шушенскомъ, упоминаемая въ 1793 году въ Саянскомъ архивѣ.

Земледѣліе, скотоводство, звѣроловство являлось источникомъ существованія для русскихъ поселенцевъ: торговля хлѣбомъ, хмѣлемъ, скотомъ увеличивала ихъ достатки.

цовую руду на р. Уѣ, но и опытнымъ кладоискателемъ, не дѣлавшимъ тайны изъ своей профессіи. Ему и нѣкоторымъ изъ его помощниковъ я обязанъ многими драгоцѣнными свѣдѣніями о различныхъ рудахъ и древнихъ гробницахъ на Енисеѣ».

V.

Горное дѣло въ Минусинскомъ краѣ въ 18 вѣкѣ.

Вскорѣ же послѣ утвержденія русскаго господства въ верхнемъ теченіи Енисея, начинаютъ разрабатываться рудныя мѣсторожденія минусинскаго округа. Въ первыя же десятилѣтія послѣ закладки остроговъ „вверхъ Енисея рѣки“ правительство обращаетъ усиленное вниманіе на развѣдку и разработку рудныхъ залежей, къ 1740 году начинаютъ уже дѣйствовать мѣдноплавильный и желѣзодѣлательный заводы.

Какъ въ архивѣ саянскаго острога, такъ и въ сочиненіяхъ Гмелина и Палласа содержатся свѣдѣнія о горнопромышленности минусинскаго округа, которыя мы здѣсь и сгруппируемъ [1].

Заводы, а также большая часть рудниковъ минусинскаго края находились въ рукахъ казны, но администрація оказывала содѣйствіе при развѣдкѣ и разработкѣ горныхъ богатствъ также и частнымъ лицамъ. Такъ, изъ указа красноярскаго воеводы Баклановскаго саянскому прикащику Василевскому отъ 12 марта 1744 г. видно что уже въ 1732 году „въ Крас-

[1] Кой какія данныя по этому вопросу приводятся у К. Риттера (Op. c., III, passim) на основаніи сообщеній Гмелина и Палласа. Кой-что о горномъ дѣлѣ въ Минусинскомъ краѣ въ 18 вѣкѣ имѣется у Адріа-

ноярскомъ уѣздѣ вверхъ Енисея рѣки вышеписаннаго (Саянскаго) острогу ниже рѣки Уза [1] прямо рѣчки Никитиной мѣдная руда енисейскимъ цеховымъ Андреемъ Соколовскимъ уже пробою въ дѣйствіе произведена и.. предъявлена.... и требовалъ де показанной Соколовской къ тѣмъ мѣднымъ заводамъ ради пропитанья и поселенья при тѣхъ заводахъ изъ ссыльныхъ людей.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ бывшій подъячій Оедоръ Парфентьевъ доносилъ, что еще въ іюнѣ 1733 года „присланъ де онъ изъ Енисейска въ Красноярскъ для ссылки и съ вышеписаннаго іюня мѣсяца скитается въ Краспоярску межъ дворъ и не имѣетъ себѣ дневного пропитанія, и скорбѣлъ великою французскою болѣзнью,.... и желаетъ де онъ Парфентьевъ,... что повелѣно было указомъ.. опредѣлить его для поселенія и пропитанія въ показанной саянской острогъ къ тѣмъ заводамъ“. Поэтому краспоярская воеводская канцелярія предписываетъ поселить Парфентьева съ семействомъ на вѣчное житье на тѣхъ заводахъ и надѣлить его угодьями, „ежели та земля не въ ясачныхъ урочищахъ и не будетъ помѣшательства ясачнымъ иноземцамъ“. Очень характерна послѣдняя оговорка.

Объ этомъ же рудникѣ идетъ рѣчь въ сообщеніи управителя Лугазскаго завода Серебренникова саянскому прикащику 15 апрѣля 1757 г. „нынѣ какъ небезызвѣстно въ степяхъ и въ лѣсахъ уже огни ходятъ, а кѣмъ пущаются, узнать невозможно... къ тому жъ... около саянскаго острогу

нова, Op. c.' 21—2, Ср. также Словцовъ, Op. c., I. 422. II, 396. П. Яворовскій. Горное дѣло въ западной части Ачинско-Минусинскаго горнаго округа, Горный журналъ, 1894, январь, 167—8.

Довольно цѣнныя замѣчанія по этому вопросу мы находимъ въ только что вышедшей работѣ: Геологическое описаніе и полезныя ископаемыя района проектируемой Южно-Сибирской желѣзной дороги, Составили И. Толмачевъ, Н. Тихоновичъ и В. Мамонтовъ СПБ., 1913 г., въ составленномъ Толмачевымъ отдѣлѣ, посвященномъ Минусинскому району, стр. 40—1. Авторъ указываетъ; что «первая половина 18-го столѣтія является періодомъ энергическаго развитія горной промышленности въ минусинскомъ краѣ» и правильно отмѣчаетъ причины упадка горнаго дѣла въ краѣ къ концу столѣтія. Напрасно только онъ приписываетъ прекращеніе дѣятельности Лукаэскаго завода истощенію рудниковъ, объ этомъ см. ниже сообщенія Палласа.

[1] Очевидно, рѣка Уй.

отъ деревни Шунерской въ разстояніи въ 9, а отъ онаго острогу въ 7 верстахъ, на обысканномъ рудоискателемъ Андреемъ Соколовскимъ мѣдномъ рудникѣ построенныхъ имѣется двѣ казенныхъ избы, также въ пріискахъ мѣдныхъ спущены деревянныя шахты, и штольнями проведено, и во оныхъ по тому же дервянныя стѣны и подпорки утверждены, того ради благоволите.. дабы опому строенію сожженія не было, нынѣшнею весною опалить".

Во время разработки шурфовъ, на р. Уѣ у Логиной осады существовалъ для работниковъ перевозъ черезъ Енисей, такъ какъ устье Уя находится почти прямо противъ этого мѣста [1].

Указомъ 19 мая 1753 года абаканская контора предписываетъ саянскому прикащику оказывать содѣйствіе рудоискателямъ Андрею Соколовскому, Ильѣ Батыщикову „и протчимъ желающимъ людемъ въ пріискѣ удобныхъ камней никакого препятствія, кромѣ всякаго вспоможенія отнюдь чинено не было, а показывать имъ склонную милость". Здѣсь рѣчь идетъ о томъ же самомъ Соколовскомъ, который открылъ уйскій рудникъ.

16 сентября 1757 г. абаканская контора посылаетъ саянскому прикащику приказъ объ оказаніи содѣйствія посланнымъ для освидѣтельствованія и описанія мѣстъ, гдѣ есть „секретныя" вещи; томскому разночинцу Серпуховитинову и лейтенанту галернаго флота Коростелеву [2].

Первые рудники, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, стали разрабатываться еще въ 30-хъ годахъ. Помимо уйскаго рудника, работы производились и въ цѣломъ рядѣ другихъ, какъ видно изъ слѣдующаго сообщенія Палласа:

Рудники, руда съ которыхъ сплавлялась въ Луказскомъ мѣдноплавильномъ заводѣ, слѣдующіе: во первыхъ, Маинскій, открытый въ 1732, пущенный въ ходъ въ 1736 году, въ 65 верстахъ отъ завода, 5 Сырянскихъ рудниковъ въ 85

[1] Pallas, Op. c., III, 389.

[2] О нихъ см. выше. гл. III. Указъ абаканской конторы отъ 1 сентября 1757. О Коростелевѣ упоминаетъ и Палласъ, III, 412. О развѣдкѣ рудъ въ Сибири см. Андріевичъ, II, 293.

верстахъ отъ лукасы, ставшіе доступными въ 1737 году, которые въ 3 года дали свыше 100.000 пудовъ руды; 2 рудника въ Базинскихъ горахъ, открытыхъ одновременно съ предшествовавшими, давшіе въ первые 3 года въ 5 разъ больше руды; затѣмъ Ключевскій, Аскызскій, Коксинскій, Нотановскій, Федоровскій и Таштыпскій рудники, которые всѣ лежали отъ 90 до 170 верстъ по ту сторону Енисея, но не всѣ давали достаточную добычу руды. Къ Луказскому, заводу были причислены также нѣкоторые незначительные рудники въ Томской и Кузнецкой области [1].

О Маинскомъ рудникѣ Гмелинъ пишетъ, что онъ расположенъ на западномъ берегу Енисея, немного выше Саянскаго острога, названъ такъ по имени лежащей напротивоположномъ берегу высокой горы Омай-Туры. У подножья горы были построены дома для горнорабочихъ, на самой горѣ производятся работы видна шахта приблизительно въ 8 саженъ глубины съ тремя этажами отъ которыхъ проведены выработки.

Отъ этой шахты идетъ небольшая штольня, которая пришла въ упадокъ, при Гмелинѣ шла работа по ея очисткѣ и возстановленію. Эта штольня была, проведена извнѣ въ гору первымъ нашедшимъ эту руду, изъ нея и была извлечена руда впервые. Руда здѣсь мягкая зеленаго цвѣта.

Замѣчательна здѣсь руда зеленаго цвѣта, по своей природѣ очень похожая на малахитъ, и при этомъ такая же ломкая, какъ шлаки, и такая же гладкая. Другая руда похожа на первую, но красноватаго цвѣта. Все еще надѣются, что этотъ рудникъ даетъ хорошую добычу; вѣдь онъ является фундаментомъ всего горнаго дѣла красноярскаго округа. Впервые открыта была помянутая зеленая и красная руда, центнеръ такой руды давалъ отъ 48 до 60 фунтовъ чистой мѣди. До сихъ поръ руды было много и прекраснаго качества, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она уже истощалась, и по этой причинѣ нужно опасаться, что она истощится и тамъ, гдѣ пока еще имѣется [2].

При Палласѣ [3] работы на маинскомъ рудникѣ

1) Ор. с., III, 305-6.
2) Ор. с., III, 262-3.
3) Ор. с., III, 38 1.

уже не производились. Раньше работа шла уже на глубинѣ 20 саженъ, но въ его время все частью выгорѣло, частью обрушилось, и больше нельзя пробраться въ выработки. Рудникъ былъ заложенъ въ пластахъ, богатыхъ мѣднымъ колчеданомъ, и мѣднымъ блескомъ, слѣды которые не прерывались при продолженіи работъ въ глубину. Какъ слышалъ Палласъ отъ окрестныхъ крестьянъ, работы были прекращены не по случаю недостатка руды, напротивъ она шла все въ глубь, но по слѣдующей причинѣ. Дѣло въ томъ, что служащіе высшаго и низшаго ранга добивались прекращенія работъ на Луказскомъ заводѣ, главнымъ образомъ съ цѣлью уйти изъ этой пустынной и отдаленной мѣстности, и поэтому, стали сообщать ложныя о ходѣ работъ и свѣдѣнія добились этимъ того, что были прекращены работы на Манискомъ рудникѣ, какъ на самой богатомъ и значительномъ мѣсторожденіи. А когда послѣдовалъ приказъ забросить Луказскій заводъ и зависѣвшіе отъ него рудники, то низшіе горнорабочіе, разсчитывавшіе что ихъ вернутъ въ Екатеринбургъ, были отправлены противъ ожиданія дальше въ Нерчинскъ и стали громко раскаиваться въ нарушеніи присяги и ложныхъ показаніяхъ относительно выработки, но было уже поздно. Изъ всѣхъ рудниковъ на Енисеѣ Манискій былъ самый богатый и доставлялъ всегобольше руды отсюда Луказскій заводъ получалъ лучшую руду; и хотя въ то время вся руда перемѣшивалась, ее плавили лишь съ цѣлью добычи мѣди, и не обращали вниманіе на содержаніи благороднаго металла, но обербергмейстеръ Лодыгинъ, которому впослѣдствіи былъ порученъ надзоръ надъ горнымъ дѣломъ на Енисеѣ, нашелъ порядочное содержаніе серебра въ горной мѣди, отобранной изъ отваловъ, которую дала одна манская руда, уже по внѣшнему виду содержащая серебро этого; однако не замѣчали или не хотѣли замѣтить, когда заводъ былъ въ дѣйствіи.

Къ рудникамъ Минусинскаго округа была проложена дорога, по которой и совершалъ свой путь Гмелинъ [1]. Первый описываемый имъ рудникъ —*Сыринскій*, у рѣки *Малаго Сыра*. Тамъ Гмелинъ нашелъ нѣсколько домовъ для горнорабочихъ, въ нихъ жило нѣсколько человѣкъ.

[1] Op. c., III, 272.

Рядомъ съ домами, черезъ рѣку, на разстояніи приблиз. 30 саженъ, находилась начатая работой шахта, къ западу отъ которой, на протяженіи приблизительно пяти или шести верстъ, были разбросаны то шурфа, то шахты, изъ которыхъ одна простиралась приблизительно на 5 саженъ въ глубину Самая удаленная изъ шахта называется коловой ямой, по имени начавшаго ее горнорабочаго Колова. Руда большей частью цвѣта зеленаго и синей лазури въ мягкой горной породѣ, часть ея исполосована подобно сурьмѣ, яркаго голубого цвѣта. Тамъ и сямъ попадается грубая лазуровая руда, Но на успѣшную работу мало надежды; хотя руда въ началѣ, около поверхности, отличается хорошимъ содержаніемъ мѣди, но слишкомъ скоро слой руды становится значительно тоньше и много бѣднѣе содержаніемъ; поэтому работы на Сырянскомъ рудникѣ прекращены года за два до поѣздки Гмелина [1].

Затѣмъ Гмелинъ посѣтилъ лежащій недалеко отъ рѣки Базы—Базинской рудникъ. Въ глубину горы проведена штольня, приблизительно въ двѣ сажени длиной, къ которой спускаются сверху двѣ низкія шахты, одна изъ которыхъ еще не вполнѣ закончена. Рудныя жилы тянутся по направленію къ юго-западу, и имѣютъ приблизительно 1½ сажени въ ширину. Руда зеленаго цвѣта, и выламывается среди прекраснаго бѣлаго кварца, это считается у горно рабочихъ хорошихъ признакомъ. Внизу у горы выстроено нѣсколько домовъ для горнорабочихъ, а также баня [2].

Сырянскій рудникъ при Палласѣ уже заброшенъ, здѣшняя мѣдная руда не имѣла ни малѣйшихъ признаковъ серебра и была заброшена одновременно съ Луказскимъ заводомъ. Тамъ было помимо безчисленныхъ шурфовъ, 5 главныхъ шахтъ [3].

Заброшены были и *Базинскіе* рудники. Они давали больше мѣдной руды, чѣмъ Сырянскій. Было три главныхъ выработки, изъ которыхъ одна прежде давала кисъ расположенный въ кварцѣ, другія обыкновенную зеленую руду.

[1]) Щ, 281-2.
[2]) Щ. 282-3.
[3]) Pallas, Op. c., Щ. 341-5.

При рудникахъ работалъ до 200 человѣкъ Палласъ видалъ еще изгороди, окружавшія ихъ жилыя помѣщенія [1]).

Немного южнѣе маинскаго рудника, при впаденіи въ Енисей рѣки Уи, былъ расположенъ уйскій рудникъ. Тамъ были найдены залежи окисныхъ рудъ, въ лучшую часть которыхъ вкрапленъ свинцовый блескъ, руды давали при пробахъ съ пуда фунтъ свинца и 1/2 золотника серебра. Но залежи бѣдны рудой, это большей частью охра, свинцоваго блеска очень мало. Работы на уйскомъ рудникѣ были прекращены въ 1763 году [2]).

Ниже рѣчки Шуперы около деревни того же имени, рыли для Ирбинскихъ заводовъ бѣлую огнеупорную глину. Въ 9-ти верстахъ отъ деревни Шуперской лежалъ такъ называемой *Соколовскій* рудникъ; гдѣ начали добывать крѣпкую желѣзистую мѣдную руду содержаніемъ 1/2 фунтовъ въ пудѣ, руду начали доставлять въ Лукасскій заводъ, но неудалось выплавить мѣдь [3]).

Руда со всѣхъ этихъ рудниковъ отправлялась для выплавки на Лукасскій мѣдноплавильный заводъ.

Объ основаніи его мы знаемъ изъ указа сенату отъ 28 мая 1737 года [4]).

Въ виду того, что на Алтайскомъ мѣдномъ рудникѣ, съ сентября 1746 по 11 января 1737 года добыто 106 150 пуд. руды, которая по пробѣ содержитъ въ себѣ отъ 9 1/2 до 14 1/4 фунтовъ мѣди на одинъ центнеръ (добыча этой руды обошлась цѣною менѣе денежки), рѣшено было выстроить мѣдноплавильный заводъ, удобное мѣсто для котораго было найдено по рѣкѣ Лукасѣ; руду можно сплавлять вверхъ по рѣкѣ

---

[1]) III. 346-7.

[2]) Pallas, Op. c., III, 380—381. Въ то время, когда производились работы въ рудникахъ на р. Уѣ, для рабочихъ устроенъ былъ перевозъ черезъ рѣку противъ устья р. Уя, гдѣ находилось укрѣпленіе, извѣстное подъ названіемъ Логиновой Осадой. Ibid Держать перевозы черезъ рѣки было одной изъ тяжелыхъ натуральныхъ повинностей, лежавшихъ на сибирскихъ крестьянахъ См. Семевскій Op. c.. 257 сл.

[3]) Op. c., III, 387.

[4]) Полное собраніе законовъ, № 7265, приведено у Андріевича, Исторія Сибири, II. 316.

Чулыму до деревни Легостаевой, отъ которой 10 верстъ сухимъ путемъ до рѣки Енисея. А такъ какъ по донесенію Красноярскаго воеводы, въ уѣздѣ 2757 душъ крестьянъ, то можно приписать къ заводу потребное число ихъ. Велѣно заводъ построить крестьянами, но работу производить вольнымъ наймомъ.

Когда заводъ посѣтилъ Гмелинъ [1]), онъ еще небылъ законченъ постройкой. Заводъ лежитъ по рѣкѣ Лукасѣ (теперь Лугавка), въ 9 верстахъ выше ея впаденія въ Енисей. онъ заложенъ для выплавки часто попадающейся въ этой мѣстности мѣдной руды. Рѣчка вытекаетъ изъ озера, переполненнаго водой. Во время Гмелина для предохраненія отъ разлива воды строилась плотина приблизительно 60 саженъ въ длину, 12 саженъ въ ширину, проведенная вкось черезъ долину, по которой протекаетъ рѣчка. Къ концу 1739 года плотина еще не была закончена, такъ что еще не могло быть рѣчи о выплавкѣ руды. Въ заводѣ имѣютъ пребываніе заводскій управитель, казначей и плавильщикъ, нѣсколько вновь завербованныхъ солдатъ и свыше ста человѣкъ ссыльныхъ, главный надзоръ надъ которыми имѣетъ артиллерійскій поручикъ. Изъ построекъ ко времени Гмелина была закончена церковь и много жилыхъ домовъ, которые уже переполнены клопами, хотя не прошло и двухъ лѣтъ, какъ они выстроены, а также госпиталь, столярная мастерская кузница, канцелярія, корчма. Госпиталь находится въ вѣдѣніи фельдшерскаго ученика; но что бы онъ не могъ никому причинить вреда, онъ обходится безъ всякихъ лекарствъ, ѣдко замѣчаетъ Гмелинъ, Всѣ эти постройки расположены на лѣвомъ или сѣверномъ берегу рѣчки. Кругомъ построекъ и церкви, съ обоихъ сторонъ вилоть до русла рѣки проведенъ частоколъ, который охраняется такъ строго, что никто не впускается, ни конный, ни пѣшій, до полученія разрѣшенія на это отъ поручика. Нужно удивляться, говоритъ Гмелинъ, въ какой короткій срокъ все это было выстроено; но,

[1] Ор. с., III, 297—9—К. Риттеръ, неправильно понялъ это мѣсто Гмелина, такъ какъ пишетъ, что «при Гмелинѣ заводы эти были въ цвѣтущемъ состояніи» (Ор. с., 528).

прибавляетъ онъ, для блага Енисейской провинціи приходится пожелать, чтобы постройка завода скорѣе кончилась. Пока этого не будетъ, заводъ останется бичомъ для всего края, на постройку завода посылаются люди больше чѣмъ за 800 верстъ отъ ихъ мѣста жительства, многіе изъ нихъ погибали отъ недостатка хлѣба (см. приведенной ниже указъ 24 октября 1737 года); а частыя поѣздки взадъ и впередъ и расходы, которые несутъ крестьяне, чтобы избѣжать наказанія, липаютъ ихъ послѣднихъ грошей. Крестьяне обязаны пріѣзжать на постройку съ лошадьми и телѣгами, причѣмъ телѣги никогда не возвращаются владѣльц. коими же лишь въ рѣдкихъслучаяхъ крестьянамъ приходится заботится самимъ о своемъ пропитаніи. Говядины, правда, здѣсь имѣется такое изобиліе, что пудъ хорошаго мяса стоитъ не болѣе тридцати копѣекъ, но въ мукѣ, наоборотъ, очень большой недостатокъ, вслѣдствіе чего и издано распоряженіе, чтобы каждый крестьянинъ привозилъ съ собой то, что ему нужно для его пропитанія. Но то, что рабочій въ состояніи везти съ собой на конѣ, потребляется имъ по дорогѣ, если онъ ѣдетъ съ большого разстоянія. А такъ какъ казна сама можетъ лишь съ трудомъ собрать столько, сколько требуется для выдачи причитающаго дѣйствительно служащимъ на заводѣ людямъ содержанія, то она ничего и не можетъ продать изъ своихъ запасовъ. Земледѣліемъ здѣсь не занимаются совершенно: правда, земли имѣется въ достаточномъ количествѣ, но не находится крестьянъ, которые бы пожелали ее воздѣлать. „Со временемъ—такъ заключаетъ Гмелинъ свое описаніе Луказскаго завода—всѣ эти неудобства могутъ быть устранены, если только все время преслѣдовать цѣль общаго блага, и вести дѣло хорошо и честно".

О порядкѣ снабженія провіантомъ луказскаго завода даетъ понятіе слѣдующая любопытная „промеморія изъ Красноярскаго мѣднаго завода изъ заводской канцеляріи въ Саянскій острогъ къ прикащику Юшкову" отъ 24 октября 1737 года. Плавильщикъ Опминковъ сообщилъ въ письмѣ заводскому управителю Егору Арцыбашеву, что „при немъ де покупного провіанта на здѣшніе красноярскіе заводы 1488 пудовъ, съ которымъ вверхъ по Енисею на дощеникахъ и прибылъ съ тѣмъ провіантомъ до верхняго караульнаго острогу,

и въ томъ острогѣ за нынѣшнимъ осеннимъ временемъ изъ дому тѣми дощениками, йттить не могъ, и по той Енисею рѣкѣ опасенъ онъ идти того будетъ, чтобъ тѣмъ судамъ какого поврежденія отъ того людямъ не учинить, такожъ, и провіанту не потратить, и тотъ провіантъ съ тѣхъ дощениковъ въ томъ Караульномъ острогѣ сгрести въ амбары". А такъ какъ „по справкѣ на здѣшнемъ краспоярскомъ заводѣ въ казнѣ провіанту токмо имѣется 150 пудъ, и съ тѣмъ провіантомъ пробавиться до зимы не есть, и опасно того, чтобъ при здѣшнихъ заводахъ заводскихъ служителей за неимѣніемъ провіанта не поморитъ голодомъ, а паче съ того голода не разбѣжались бы, а ближе нынѣ за распущеніемъ провіанту достать неоткуда" то краспоярскій воевода Баклановскій послалъ указъ Саянскому прикащику Юшкову о выдачѣ заимообразно на здѣшніе заводы изъ магазина Саянскаго острога 840 пудовъ провіанту. „Того ради для пріему провіанта отъ саянскаго магазина посланъ отсюда плавильщикъ Иванъ Столовъ во оной острогъ къ тебѣ прикащику Юшкову, а какъ покупной провіантъ на здѣшніе заводы прибудетъ, то истого отосланъ во оной саянскій острогъ тожъ число.—Что возьмется, записать въ расходъ съ роспискою".

Дальнѣйшія свѣдѣнія о Луказскомъ заводѣ сообщаетъ Палласъ [1]. Заводъ былъ пущенъ въ ходъ 1 февраля 1740 года, а лѣтомъ 1749 г. работы были уже прекращены подъ ложнымъ предлогомъ истощенія руды въ приписанныхъ къ заводу рудникахъ (см. выше). При Палласѣ луказскій заводъ представлялъ печальное зрѣлище, заводскія и конторскія постройки разваливались, жилые дома пустовали. Крышей было покрыто только нѣсколько зданій: единственный домъ, въ которомъ жилъ смотритель на пенсіи, церковь, къ приходу которой были приписаны всѣ деревни лежавшія вверхъ по Енисею, въ вѣдомствѣ абаканскаго острога, и три крестьянскихъ избы, въ которыхъ жили ссыльные крестьяне. Прочія строенія лежали въ развалинахъ, заводскій прудъ былъ запущенъ, плавильныя печи стоятъ пустыя, а остатки построекъ не годятся даже для добыванія изъ нихъ угля. Все же Палласъ

[1] III, 395.

нашелъ, что постройки на заводѣ (всѣ—изъ дерева) очень просторны и хорошо сдѣланы.

Какъ видно изъ саянскаго архива, лугазскій мѣдный заводъ и послѣ прекращенія въ немъ работъ оставался административной единицей съ особымъ управителемъ, подчиненнымъ непосредственно Красноярской воеводской канцеляріи.

14 іюля 1750 г. саянскій прикащикъ Бернацковъ въ рапортѣ въ кр. в. канц. сообщаетъ, что канониръ Василій Шестаковъ былъ посланъ до Шушской деревни для собранія людей, „и тогда де *съ бывшаго лукаскаго мѣднаго завода* изъ команды управителя Серебренникова пріѣзжали по того Шестакова солдаты Иванъ Осенинъ (и другіе).. и потомъ увели у него быка, Да нынѣ вторично же солдаты изъ той же деревни, уѣхавъ его Шестакова безъ вѣдома моего взяли въ той же заводъ, гдѣ и содержится подъ карауломъ. Объ этомъ посланъ Серебренникову указъ съ требованіемъ выясненія дѣла, „впредь ему управителю Серебренникову какъ изъ саянскаго, такъ и изъ абаканскаго острогу безъ требованія и безъ команды никого не брать, да и то брать по дѣламъ, кромѣ веденія слѣдствія, и подлежащимъ до заводовъ, а по другимъ челобитнымъ дѣламъ отнюдь никого не брать и у себя подъ карауломъ не держать".

Рудники и заводы минусинскаго края находились въ вѣдѣніи „красноярскаго горнаго начальства", въ 1738 году дѣлами послѣдняго заправлялъ подпоручикъ Исаія Лукашевъ. Красноярское горное начальство сообщалось съ саянскимъ прикащикомъ то указами, то промеморіи [1]. Отъ 26 мая 1743 года мы имѣемъ указъ саянскому прикащику Муруеву изъ краснояреаго горнаго начальства за подписью Егора Арцыбашева [2] о высылкѣ бывшаго саянскаго прикащика Ивана Красикова, находящагося нынѣ въ Саянскѣ на годовой службѣ, для снятія допроса по дѣлу о продажѣ имъ пороха горному служителю. Красиковъ „по допросу отпусченъ будетъ.. возвратно безъ удержанія".

[1] Промеморія краснояреаго горнаго начальства саянскому прикащику отъ 18 іюля 1738 года приведена въ приложеніи I.

[2] Указъ скрѣпленъ «правящимъ протоколистскую должность» Григоріемъ Серебренниковымъ, котораго позднѣе мы видимъ въ должности правителя бывшаго лугазскаго мѣднаго завода.

13 августа 1762 помѣченъ указъ священнику Воротникову о приведеніи въ Луказскомъ заводѣ къ присягѣ императр. Екатеринѣ II.

22 апрѣля 1765 помѣченъ приказъ правителя Луказскаго завода, того же Серебренникова, о томъ, чтобы опалить Ойскій рудникъ [1], рудники по Шушѣ и Шунерѣ и рудники „вверхъ Енисея рѣки“.

3 февраля 1791 красноярская канцелярія посылаетъ дозорщику ордеръ о переводѣ изъ Луказскаго завода въ Кебежскій караулъ казака Монастырщина: „командированъ онъ въ заводъ къ смотрѣнію къ имуществу назадъ тому 15 лѣтъ, при которой должности и нонынѣ находится“. Взамѣнъ Монастырщина изъ Кебежскаго караула въ Луказскій заводъ къ смотрѣнію казенныхъ матеріаловъ опредѣляется казакъ Кручининъ. Ордеръ подписанъ совѣтникомъ Семеновымъ.

На этотъ ордеръ дозорщикъ Замятнинъ отвѣчаетъ въ мартѣ того же года рапортомъ въ комендантскую канцелярію о томъ, что Кручининъ былъ имъ командированъ въ Луказскій заводъ, но „находящійся усмотрѣнія того завода казакъ Степанъ Иконниковъ отослалъ Кручинина обратно съ письменнымъ свѣдѣніемъ въ которомъ сообщалъ, что казакъ Монастырщинъ находится у всего заводскаго казеннаго имущества присланнымъ вахтуромъ по выбору и по указу изъ комендантской красноярской канцеляріи, и отрѣшить де отъ той должности безъ указу и выбору его неможно, ибо де онъ Монастырщинъ отъ прежнихъ вахтуровъ Садовскаго съ товарищи принялъ казенные припасы и матеріалъ, денежную казну по расписному списку и все де имущество, и денежная казна на его Монастырщина обстоитъ попеченіи“.

Отъ Луказскаго завода Гмелинъ поѣхалъ къ *Ирбинскому*. При переправѣ черезъ Тубу жило нѣсколько человѣкъ съ Ирбинскаго завода для заготовки сѣна, чтобы проѣзжающіе зимой между Луказскимъ и Ирбинскимъ заводами могли найти кормъ для лошадей. Со времени закладки Ирбинскаго завода здѣсь постоянно живетъ человѣкъ, на обязанности котораго лежитъ перевозить путниковъ черезъ Тубу, при Гмелинѣ здѣсь жилъ ссыльный [2]).

[1] Ойскій рудникъ при Палласѣ уже не разрабатывался Pallas III, 394.

[2] Op. c., 302.

Причиной закладки Ирбинскаго завода послужило открытіе руды абаканскимъ кузнецомъ Коссевичемъ, выплавлявшимъ здѣсь желѣзо уже впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ [1].

Гора, на которой найдена руда, расположена къ югу отъ завода, приблизительно въ двухъ верстахъ отъ него, на лѣвомъ берегу Ирбы. Руда была открыта на вершинѣ горы, ее сначала тамъ и добывали, впослѣдствіи же оказалось, что почти вся гора состояла изъ руды; и такъ какъ гора чрезмѣрно крута и высока, то для облегченія работъ проложили шахты дальше внизу. Тамъ и сямъ въ горѣ виднѣются мѣста, въ которыхъ руду выкапывали прежніе обитатели.

У южнаго края горы выстроена плавильня съ шестью маленькими ручными печами, въ которыхъ выплавляютъ руду, пока не будетъ готова большая печь.

Въ 1½ верстахъ отъ этого завода, у сѣвернаго подножья горы находится подземное жилище и кой какіе остатки шахтъ упомянутаго выше кузнеца.

Незадолго до пріѣзда Гмелина была выстроена плотина 170 саженъ въ длину, 9 въ ширину, 3 сажени отъ земли.

Стѣнки большой плавильной печи были уже готовы, при Гмелинѣ начали выкладывать ее камнями, Камни для этой цѣли подвозились съ рѣчки Елени, притока Бѣлаго Юса. Рядомъ съ большой плавильней должна быть выстроена формовочная, а на другой сторонѣ механическій цехъ; хотятъ также заложить и лѣсопилку И такъ какъ все время стремятся къ расширенію производства, то не такъ давно заложены двѣ кривыя печи, чтобы плавить Маинскую, Коксинскую и здѣшнюю мѣдную руду. Мѣдная руда залегала на горѣ, какъ разъ противъ плотины, на лѣвой сторонѣ Ирбы.

[1] И. К. Яворовскій [Ирбинская горнозаводская дача, С-ПБ. 1896 стр. 2] сообщаетъ слѣдующее преданіе, слышанное имъ отъ старожила с. Курагинскаго Ф. Ф. Девятова: «мѣсторожденія эти сдѣлались извѣстными русскимъ.. благодаря одному изъ старшинъ кочевавшаго въ долинѣ Тубы племени тубинцевъ, Курагѣ, который показалъ енисейскому воеводѣ Римскому—Корсакову ножъ, сдѣланный изъ Ирбинскаго желѣза, съ украшеніями изъ свинца и серебра, добытыми изъ рудъ, находимыхъ въ этой же мѣстности».

На верху горы видна небольшая шахта, проложивъ ее, рудоискатели думали найти жилу, слѣды которой видны были снаружи. На твердомъ темномъ камнѣ выдѣлял. мѣдная зелень, вслѣдъ которой и стали копать. Но слѣды потерялись, они шли по направленію къ юго-юго-востоку вкось въ гору. Въ этомъ направленіи стали копать и дальше внизу, и нашли такую же мѣдную зелень, а кромѣ того тамъ и сямъ болѣеще ясные слѣды руды, ради которыхъ провели штольню приблизительно отъ 4 до 5 саженъ: недалеко отъ устья штольни стали проводить забой по направленію къ юго-юго-востоку, но его скоро забросили, такъ какъ слѣды руды затерялись сразу опять. По слѣдамъ мѣди была проведена шахта на глубину приблизительно 4 сажени, но слѣды опять прекратились.

Въ дровахъ здѣсь чувствуется порядочный недостатокъ и, кажется, по близости уже вовсе не достанетъ дровъ, если топить одну большую печь пять лѣтъ подрядъ.

По мнѣнію Гмелина, слишкомъ поторопились съ основаніемъ какъ Лукаскаго, такъ и Ирбинскаго завода.

Нужно было сначала убѣдиться въ достаточномъ содержаніи руды. На что признаки руды, если въ землѣ они прерываются. Впрочемъ если бы руды и не оказалось въ достаточномъ количествѣ, то полагаетъ Гмелинъ, заводскія постройки могутъ повести къ тому, чтобы край, который пока еще не имѣетъ достаточнаго количества жителей, заселился: выстроенная плотина могла бы быть использована для мельницъ и т. д. [1].

Ирбинскій заводъ поставлялъ для Колывано-Воскресенскихъ заводовъ необходимое имъ желѣзо.

При Палласѣ Ирбинскій заводъ уже бездѣйствовалъ и лишился всѣхъ своихъ обитателей [2].

[1] Op. c., 30 3—6.—Личковъ (Новыя данныя по исторіи заселенія Сибири, стр. 41) Сообщаетъ слѣдующее преданіе объ Ирбинскомъ заводѣ, которое онъ слышалъ въ Курагинѣ: «когда устроенъ былъ Ирбинскій заводъ и нагнали туда каторжниковъ для работы на заводѣ, тѣ дѣлали набѣги на татарскіе улусы, съ цѣлью воровать скотъ себѣ для пищи. Отъ этихъ набѣговъ татары откочевали за р. Тубу, и тамъ между прочимъ, основали улусъ, теперь существующій подъ именемъ д. Качульки, изъ русскихъ съ примѣсью инородческаго населенія».

[2] Op. c., II, 2, 991 По словамъ Яворовскаго (Op. c., 2—3), дѣйствіе Ирбинскаго завода было приостановлено въ концѣ 1740-хъ годовъ,

До тѣхъ поръ необходимое для колыванскихъ горныхъ заводовъ желѣзо съ Ирбинскаго завода сплавлялось внизъ по Енисею до деревни Яновой, гдѣ его выгружали, и зимой перевозили къ рѣкѣ Юсу, обстоящему здѣсь отъ Енисея всего въ 10 верстахъ, къ дер. *Легостаевой*, чтобы отправлять его оттуда при высокой водѣ, на выстроенныхъ тамъ судахъ внизъ по Чулыму до Оби.

По весной 1771 Ирбинскій заводъ былъ переданъ опять бергъ-коллегіи, такъ какъ Колывано-Воскресенское горное управленіе хотѣло использовать столь часто попадающагося въ Кузнецкихъ горахъ желѣзную руду, и для этой цѣли заложило томскій желѣзный заводъ недалеко отъ Кузнецка; перевозка желѣза, облегчавшаяся сосѣдствомъ обоихъ рѣкъ, прекратилась [1].

Какъ сообщаетъ Семевскій, [2]. изъ крестьянъ города Краснoярска ежегодно отправлялось около 500 человѣкъ на Ирбинскій заводъ, лежавшій въ 400 верстахъ отъ города.

Прежде на этотъ заводъ ходили крестьяне и изъ другихъ мѣстъ енисейской провинціи, поэтому они опасались чтобы ихъ не стали вновь посылать на подобную работу,

Въ саянскомъ архивѣ сохранилось два ордера отъ 1792 года о высылкѣ въ Ирбинскій заводъ казаковъ въ караулъ.

Гмелинъ посѣтилъ въ минусинскомъ округѣ еще кок-

по случаю закрытія Луказскаго завода. Въ 1760 году Ирбинскій заводъ перешелъ въ вѣдѣніе канцеляріи колывано-воскресенскихъ заводовъ и плавка на немъ велась до 1771 года, когда онъ былъ возвращенъ въ распоряженіе бергъ-коллегіи и снова пришелъ въ бездѣйствіе Въ 1771 году Ирбинскій заводъ былъ проданъ купцу Ивану Савельеву, но просуществовавши подъ управленіемъ послѣдняго два года, былъ закрытъ, вслѣдствіе недостатка средствъ у владѣльца, За долгъ, лежавшій на заводѣ, Казна снова взяла его въ свое распоряженіе.

[1] Pallas, II, 2, 692—3. О Колывано-Воскресенскихъ горныхъ заводахъ см. Андріевичъ, Op. c., III, 167—9; Pallas, Op. c., II, 5 79—583. Краткій историческій очеркъ Алтайскаго округа, с.-Петербургъ, 1897,5 сл, 16; Вѣликовъ, Первые русскіе крестьяне насельники Томскаго края, стр. 32 сл., въ сборникѣ Научные очерки Томскаго края, Томскъ, 1898.

[2] Казенные крестьяне при Екатеринѣ II, Русская Старина, 1879; т. XXIV, стр. 262. Эти крестьяне обязаны были работать на казенныхъ заводахъ за плакатную плату, хотя они и не были къ нимъ приписаны Ibid.

синскій рудникъ на рѣкѣ *Коксѣ*, впадающей въ Енисей слѣва, немного выше Абаканска. Рудникъ началъ разрабатываться лѣтомъ 1738 года. Штейгеръ съ Сырпскаго рудника по пути въ Абаканскъ нашелъ по дорогѣ богатую мѣдную руду. На темнокоричневой горной породѣ, твердой, но уже отъ природы разсыпавшейся на много мелкихъ кусковъ, и потому легко доступной для разработки, видны прекрасная голубая и зеленая мѣдная зелень.

Было заложено близко другъ отъ друга пять шурфовъ; въ одномъ изъ нихъ, доходящемъ лишь до сажени въ глубину, не показалось ни малѣйшаго слѣда руды. Но остальные содержатъ кой какую руду, среди нихъ одинъ шурфъ углубленъ болѣе другихъ, приблизительно на 1½ сажени, рудная жила на поверхности имѣетъ 2 локтя въ ширину, но она уходитъ въ глубину почти отвѣсно, причемъ толщина ея уже сильно сокращается.

По близости этихъ рудниковъ нѣтъ вовсе лѣсовъ, и рудникъ расположенъ какъ бы на равнинѣ. Поэтому нигдѣ нельзя провести штольни для отвода воды, а это тѣмъ неудобнѣе, что руда спускается внизъ почти отвѣсно. Если бы руда залегала и на глубинѣ, то очень скоро пришлось бы считаться съ неудобствомъ въ отводѣ воды.

При этихъ рудникахъ выстроенъ шалашъ изъ хвороста, покрытый сѣномъ.

Въ качествѣ работниковъ сюда было отправлено нѣсколько ссыльныхъ, для надзора за ними былъ приставленъ рудоконъ, но ссыльные въ скоромъ времени разбѣжались, а рудоконъ не хотѣлъ оставаться одинъ, такъ что Гмелинъ не нашелъ при рудникахъ ни одного человѣка [1].

Коксинскій рудникъ при Палласѣ былъ уже заброшенъ

Руда содержала только мѣдь, ее перестали разрабатывать одновременно съ Луказскимъ заводомъ [2].

Свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ рудниковъ сообщаетъ намъ и Палласъ. Между прочимъ, онъ даетъ намъ свѣдѣнія о „рудоискателѣ“ Дмитріѣ Васильевѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ приводимомъ ниже указѣ саянскаго архива.

[1] Gmelin, Op. c., 320—1.

[2] III, 341.

19 февраля 1760 помѣченъ указъ Абакапскаго комиссара Василья Яковлева о томъ чтобы „находящемуся въ здѣшнихъ верховыхъ мѣстахъ у пріиску... къ пользѣ государственной секретныхъ вещей рудоискателю, томскому разночинцу Дмитрію Васильеву и сыну его Матвѣю, гдѣ ими пріиски производятся, тамо живущіе обыватели ни какихъ ему въ томъ ни мало помѣшательствъ, обидъ и налогъ не чинили, но какъ они, такъ и находящіеся здѣсь командиры, старосты, сотскіе и десятскіе для пользы высокаго интереса чинили всякое вспоможеніе и ему Васильеву охраненіе".

У Палласа мы находимъ о Васильевѣ слѣдующее [1].

Недалеко отъ Коковскаго улуса, на лѣвомъ берегу Юса лежитъ гора Анло, въ 36 верстахъ отъ Карышскаго рудника.

Здѣсь Васильевъ началъ правильныя горныя работы. По его словамъ, качинецъ Самеръ Аршановъ, случайно отправленный съ какимъ то порученіемъ черезъ границу къ находящимся подъ китайскимъ владычествомъ монголамъ, познакомился у нихъ съ древнимъ преданіемъ, будто въ прежнія времена Алтынъ-Ханъ царствовалъ въ земляхъ около Юса, и такъ какъ онъ былъ вынужденъ бѣжать отсюда, скрылъ всѣ свои богатства и драгоцѣнности въ мѣстности около горы Анло, въ потайныхъ, совершенно забытыхъ пещерахъ.

Пользуясь этимъ преданіемъ въ качествѣ предлога для кладоискательства, Васильевъ началъ искать пещеръ и кладовъ въ горныхъ породахъ. Палласъ полагаетъ, что Васильевъ, сосланный въ молодые годы на барнаульскіе заводы изъ Россіи, является простымъ обманщикомъ, которому удалось, приведеннаго выше вымышленнаго предлога посредствомъ побудить легковѣрныхъ людей, а въ томъ числѣ и своихъ довольно зажиточныхъ дѣтей отпустить ему средства для открытія клада, благодаря чему онъ и добываетъ себѣ пропитаніе безъ всякаго труда. Уже въ продолженіе нѣсколькихъ зимъ работалъ Васильевъ на этой горѣ, провелъ шахты въ двухъ мѣстахъ, гдѣ гора давала трещины, устроилъ штольни; почти всѣ зимы подрядъ онъ продолжалъ работу на сильно разсѣвшейся, но очень твердой горѣ, на ней можно было

---

[1]) III, 325-330.

что либо сдѣлать лишь при помощи пороха; у него есть нѣсколько наемныхъ рабочихъ, онъ думаетъ продолжать дѣло насколько ему хватитъ денегъ. Онъ изслѣдуетъ каждую расщелину, выдастъ ее за дѣло рукъ человѣческихъ и указаніе на скрытыя сокровища.

Этотъ старый обманщикъ не только придаетъ важность своему предпріятію, но и находитъ, дѣйствительно, вѣру у сибирскаго населенія. Такъ какъ онъ владѣетъ перомъ, то ведетъ дневники, читающіеся съ трудомъ. Палласъ получалъ отъ него цѣлыя тетради.

Карышскій рудникъ, названный такъ по имени протекающей въ трехъ верстахъ рѣки (еще его зовутъ *Иткульскимъ*, по имени сосѣдняго озера), оказался самымъ богатымъ прекрасной рудой изъ всѣхъ рудниковъ этой мѣстности. Онъ открытъ впервые по слѣдамъ древнихъ шурфовъ, встрѣчающихся очень часто въ красноярскихъ рудныхъ горахъ [1]), его разрабатывалъ верхотурскій купецъ *Власьевскій*, собственникъ Езагашскаго завода. Онъ впервые началъ добывать здѣсь руду при помощи вольныхъ рабочихъ, сверху попадалась очень богатая желѣзомъ руда, которой онъ не умѣлъ плавить, внизу необыкновенно богатый колчеданъ, но лучшая добытая имъ руда погибла на Енисеѣ во время перевозки ея къ заводамъ.

Въ 1759 году въ эту мѣстность прибылъ совѣтникъ Клеопинъ [2]) и снабдилъ Карышскій рудникъ рабочими, (надо думать —ссыльными), которые были заняты на рудникѣ лишь въ теченіи одного лѣта. Послѣ этого рудникъ, по причинѣ богатаго содержанія мѣднаго колчедана, перешелъ въ собственность казны, вмѣстѣ со многими другими шурфами, но до 1764 г. не разрабатывался. Въ этомъ году руководство мѣстными горными работами взялъ на себя оберштейгеръ Меттихъ, брауншвейгецъ, и продолжалъ работу вплоть до прошлаго года, съ очень малымъ количествомъ плохихъ рабочихъ. Руда добывалась успѣшно. Рудникъ находится приблизительно въ серединѣ довольно высокой и крутой горы, на сѣверо-западной ея сторонѣ; гора состоитъ большой частью изъ красноватаго гранита,

[1]] О чудскихъ копяхъ см. Клеменцъ, Ор. с., стр. 46.
[2]] О Клеопинѣ упоминаетъ Андріевичъ, III, 177.

равно какъ и лежащій по направленію къ юго-западу хребетъ. На этомъ хребтѣ руда расположена гнѣздами, и на поверхности земли ея больше, чѣмъ въ глубинѣ. Руда состоитъ, главнымъ образомъ, изъ колчедана. Колчеданъ переходитъ въ бѣдную желѣзомъ породу, которая уже на глубинѣ отъ 8 до 9 саженъ получаетъ такое преобладаніе, что работу пришлось наконецъ прекратить, и въ 1772 году рудникъ уже не разрабатывался. Изъ Карышскаго рудника добыто уже много тысячъ пудовъ руды [1].

Въ 1771 году Палласъ нашелъ на Карышскомъ рудникѣ домъ штейгера и еще нѣсколько жилыхъ помѣщеній. Тогда же была заложена другая подающая надежды выработка въ верховьяхъ Ербы; кромѣ того, идутъ работы въ 5—6 верстахъ отъ нея. Въ распоряженіи руководителя работъ оберштейгера, браушвейца по рожденію, находится очень мало горнорабочихъ, правда, онъ имѣетъ право требовать для работы крестьянъ изъ абаканской управительской конторы, которая посылаетъ для этой цѣли жителей деревень Тесинской и Копенной. Эти деревни заселены преступниками, сосланными сюда для принудительныхъ работъ въ рудникахъ. Работы идутъ очень медленно въ виду плохого качества рабочихъ [2].

При Карышскомъ заводѣ караулъ несли саянскіе казаки, какъ видно изъ указа абаканской конторы саянскому прикащику Ошанину отъ 14 сентября 1765 г. о смѣнѣ казаковъ Толстиковыхъ съ карауловъ въ Карышскихъ заводахъ.

Приблизительно въ 4-хъ верстахъ по прямой линіи къ югу, по направленію къ истокамъ Карыша лежитъ довольно глубокая шахта, носящая названіе *Оберштейгерской* ямы; отъ нея не было проведено выработокъ и разработка ея не продолжалась.

Эта рудная залежь была открыта въ 1759 г. мѣстнымъ оберштейгеромъ, при Клеопинѣ, было выконано два шурфа. Въ 1764 былъ сдѣланъ разрѣзъ между шурфами, и въ продолженіи 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ работа велась въ глубину по направленію къ залежи. Но извлеченная до сихъ поръ оттуда руда давала мало мѣди, работа плохо вознаграждалась.

---

[1] Pallas, Op. c., III, 333—4.

[2] II, 686—7. О ссылкѣ преступниковъ на заводы см. Андріевичъ, II, 313 сл.

Въ 140 саженяхъ къ востоку отъ Оберштейгерскаго рудника, на крайней вершинѣ предгорья, тамъ, гдѣ оно совершенно круто спускается къ долинѣ, лежитъ такъ называемый *Нагорной рудникъ*. Шурфа были вырыты сначала купцомъ *Власьевскимъ*, затѣмъ работы производились лѣтомъ 1760 года совѣтникомъ Клеопинымъ, и былъ сдѣланъ разрѣзъ до трехъ саженъ глубины.

Къ юго востоку, на разстояніи меньше двухъ верстъ, на лежащихъ напротивъ горахъ лежитъ *Заступовскій* рудникъ. Старые шурфа, послужившіе поводомъ къ началу работъ, были открыты уже купцомъ Власьевскимъ: онъ имѣлъ здѣсь хорошую добычу и добылъ свыше 15000 пудовъ руды богатой окислымъ колчеданомъ. Лучшая руда, усыпанная зеленымъ, лазоревымъ и фіолетовымъ кисомъ, дала во время пробъ 50 фунтовъ мѣди и 25 золотниковъ серебра со 100 пудовъ.

Кромѣ этихъ рудниковъ, лежащихъ у Карыпна, въ этихъ горахъ велись еще и другія работы, изъ которыхъ Палласъ упоминаетъ лишь о разработкѣ *Ербинскаго* рудника, расположеннаго въ 18 верстахъ отъ Карыпна, въ лежащихъ по рѣкѣ Ербѣ хребтахъ, здѣсь работы производятся въ залежахъ кварца съ зеленой мѣдью, которые даютъ и кое какое количество золота и серебра.

Рудникъ этотъ началъ разрабатываться уже доисторическими насельниками края, даетъ до 23 фунтовъ мѣди и 3 зол. серебра на 100 пудовъ руды, окисная руда содержитъ до 2 зол. серебра [1].

Между Юсомъ и Ербой расположено еще много шурфовъ, ихъ рыли большей частью по слѣдамъ старыхъ работъ, но нигдѣ ни напали на настоящія залежи и на порядочную добычу мѣди.

[1] О Ербинскомъ рудникѣ ср. сообщенные въ Сибирскомъ архивѣ 1913 г., № 2 115—7 И. А. Чеканинскимъ «матеріалы по горному дѣлу Енисейской губерніи», а именно выписка изъ «Описанія Красноярскимъ и Кузнецкимъ руднымъ пріискомъ, кои разрабатываны подъ смотрѣніемъ Оберштейгера Меттиха и по остановленіи работъ, съ какою благонадежностью остались, нынѣ же на какихъ именно работа производится, и все подъ какими номерами, и въ какихъ разстояніяхъ состоятъ и кѣмъ объявлены значатъ ниже всего» къ этой выпискѣ приложенъ «Планъ учиненный Ербинскому руднику, состоящему по № 18». На подлинномъ подписано Шихт-

По мнѣнію Палласа развѣдки рудныхъ мѣсторожденій не производились еще съ надлежащимъ знаніемъ дѣла и съ достаточнымъ числомъ рабочихъ, такъ что остается открыть еще безконечно много, и есть полное основаніе многаго ждать отъ этой мѣстности. Хотя большая часть уже разработанныхъ мѣсторожденій лежитъ, главнымъ образомъ, на земной поверхности, или состоитъ изъ скоро исчерпываемыхъ залежей киса и кварца по упомянутыя выше залежи Оберштейгерскаго рудника указываютъ, что здѣсь можно найти еще много руды, залегающей на глубинѣ.

Уже большое количество золота и серебра, находимое въ гробницахъ народа, занимавшагося здѣсь горнымъ дѣломъ много столѣтій тому назадъ, даетъ понятіе о богатствахъ края. Но древніе насельники работали только на поверхности земли, у залежей, такъ что безъ сомнѣнія многое еще остаюсь для современныхъ Палласу рудоискателей.

Для постройки завода для выплавки добытой уже руды—до 60000 пудовъ—и той, которая еще можетъ быть добыта, уже намѣчены два подходящихъ мѣста, одно у рѣки Пени, другое у рѣчки Тубгуджулъ, у Бѣлаго Юса [2]).

Палласъ сообщаетъ еще свѣдѣнія о Есаташскомъ заводѣ. Чтобы дать полную характеристику горнаго дѣла на Енисеѣ, мы ихъ здѣсь приводимъ, хотя заводъ и лежалъ за предѣлами минусинскаго округа, въ нынѣшнемъ красноярскомъ уѣздѣ.

Въ 100 верстахъ отъ Красноярска, приблизительно въ двухъ верстахъ отъ устья впадающей въ Енисей рѣки *Есаташъ* былъ расположенъ *Есаташскій* желѣзный заводъ. Онъ былъ основанъ въ 50-хъ годахъ 18 вѣка верхотурскимъ купцомъ *Алексѣемъ Власьевскимъ*, при Палласѣ имъ владѣлъ сынъ

мейстеръ Андрей Аврамовъ». О Ербинскомъ рудникѣ сообщается слѣдующее: «Оный пріискъ по содержанію изъ пробъ металла и по положенію горы мѣста и въ немъ рудныхъ каменьевъ впредь къ произвожденію работъ оказываетъ нѣсколько надежнымъ, но въ разсужденіи закрытаго земнаго богатства совершенно утвердить не можно, а по всѣмъ выше—приписаннымъ обстоятельствамъ канцелярія Главнаго Заводовъ Правленія разсмотрѣть и что положить изволитъ по своему благоразсужденію.»

[2]) Op. c., III.335—8.

Власьевскаго, Андрей. Вмѣстѣ съ прочими рудниками на Енисеѣ, взятыми въ вѣдомство бергъ-коллегіи, и переходящимъ теперь туда же Ирбинскомъ заводомъ, онъ подчиненъ вѣдѣнію Екатеринбургской горно-заводской канцеляріи. Мѣсто для завода выбрано крайне удачно по причинѣ лежащихъ кругомъ высокихъ, сухихъ и частью покрытыхъ тонкимъ лѣсомъ горъ. Плотина, длиною въ 190 саженъ, проведена между двумя горами. Заводскій прудъ не очень великъ, но воды имѣется такое обиліе, что ею можно обслужить гораздо большее предпріятіе; заводъ великолѣпно снабженъ какъ водой, такъ и лѣсомъ. Но во всемъ прочемъ обстоитъ большой недостатокъ. При основаніи предпріятія была заложена домна для выплавки открытой выше на Енисеѣ желѣзной руды, которая сверху шла хорошо, но дальше переходила въ мѣдь и не могла давать годнаго невыдѣланнаго желѣза ни для отливки, ни для выковки. Черезъ это мѣстное желѣзо пріобрѣло такую дурную славу, что сбытъ его прекратился почти совершенно, онъ и безъ того не былъ великъ, такъ какъ кузнецы въ Сибири имѣютъ возможность отливать большое количество желѣза въ ручныхъ печахъ, что правда, мало приноситъ имъ прибыли. Поэтому сначала перестала дѣйствовать большая печь, вмѣстѣ съ находящимся рядомъ помѣщеніемъ для отливки и формовки. Для выплавки мѣдныхъ рудъ, найденныхъ въ горахъ на Юсѣ, Карышѣ и Енисеѣ построены двѣ мѣдноплавильныя печи. Но съ плавкою богатыхъ колчедановъ изъ Карышскихъ рудниковъ трудно было справиться, отчасти потому, что содержаніе рудъ было весьма мало, а работа въ твердыхъ горахъ трудна и дорога, отчасти же по той причинѣ, что руды истощались уже черезъ нѣсколько саженъ, такъ какъ дѣло велось въ кредитъ и исключительно наемными рабочими, къ тому же большей частью неумѣлыми и неловкими, то заводъ долженъ былъ придти въ упадокъ, а его владѣлецъ обѣднѣлъ. Единственной поддержкой заводу въ этомъ печальномъ положеніи является возможность получать по очень умѣренной цѣнѣ съ Ирбинскаго завода имѣющееся тамъ въ изобиліи сырое желѣзо, которое перековывается въ полосы и листы. Поэтому въ дѣйствіи была только молотильня, въ которой имѣется 2 молота и принадлежащій къ нимъ двойной горнъ. Какъ эти, такъ и прочія заводскія постройки

—изъ дерева. но хорошо выстроены, имѣется также хорошій жилой домъ. Погорѣвшее за нѣсколько времени до того воздоходувное отдѣленіе не въ состояніи были возобновить; у владѣльца не хватаетъ средствъ даже закончить начатую постройкой церковь. Домовъ для рабочихъ насчитывается около 20, и число заводскихъ рабочихъ не многимъ болѣе этого [1]).

Соль также добывалась казной въ минусинскомъ округѣ.

Уже въ концѣ 30-хъ годовъ для казны добывалась соль, что видно изъ двухъ указовъ саянскому прикащику Юшкову, данныхъ красноярской воеводской канцеляріей въ 1730 году. Въ первомъ указѣ, помѣченномъ мартомъ 1738 г., „по допошенію казачьей головы... Тараканова и по повелѣнію городничего Прокопія Баутина велѣно за малолюдіемъ въ городѣ Красноярскѣ... за разными казенными дѣлами служилыхъ людей для казенной нужды построить саянскаго и абаканскаго остроговъ годовальщикамъ, служилымъ людемъ, два дощаника, три лодки, а именно въ Саянску одинъ дощаникъ, да одну лодку..., а мѣрою дощаники въ длину по шести саженъ, а на строеніе онаго дощаника отправить изъ Красноярска надлежащихъ припасовъ,... высмолить, чтобы какой течи небыло;.., а по построеніи онаго досчаника нагрузить тебѣ въ деревнѣ Яновой казенной солью и приплавить служилыми людьми въ Красноярскъ.“ Указомъ 30 мая 1738 года Юшкову предписывается дать „прежде прибывшему соляному надзирателю Василью Ростовцеву новопостроенный казенный дощаникъ и съ всѣми припасами, и одну лодку для нагрузки въ деревнѣ Яновой казенной *соли самосатки* для приплавки въ Красноярскъ, да на оной дощаникъ въ работу служилыхъ людей, сколько человѣкъ принадлежитъ“.

Казенная соль самосатка, нужно полагать, добывалась изъ *Соленаго Самосадочнаго Озера* (Тасту-куль) По словамъ Гмелина [2]. посѣтившаго его въ 1737 году, содержаніе соли въ немъ такъ велико, что лѣтомъ она осаждается сама собой, отчего озеро и получило названіе Самосадочнаго.

---

[1]) Pallas, II, 694—6. Ср. также Словцовъ, Ор. с., II, 395—7, тамъ же о Карышскомъ рудникѣ и описанномъ Палласомъ аэролитѣ.

[2]) Ор. с., 277.

Выварка соли была казенной монополіей, частныя лица не имѣли права ею заниматься. 28 іюля 1752 абакапская контора посылаетъ въ саянскій острогъ указъ о продажѣ на ея Импер. Вел. и доказателя Бернадкова пожитковъ разночинцевъ Рѣшетникова и Ильинкина, уличенныхъ въ варепіи соровски соли, и присылкѣ вырученныхъ денегъ въ абаканскую контору [1].

Изъ Соленаго Самосадочнаго озера—Тасту-кули—соль добывалась и во времена Палласа. При немъ приступили къ постройкѣ казеннаго соляного магазина, такъ какъ соль, складывавшаяся въ кучи и оставлявшаяся въ такомъ видѣ до отправки, загрязнялась отъ песку, наносимаго бурями, которымъ подвержены эти открытыя горныя мѣстности. Соль караулили казаки [2].

Въ 40 верстахъ отъ деревни Яновой, у подножья высокой горы Сарагаша, лежитъ небольшое соляное озеро. Въ продолженіе 7 лѣтъ, съ 1758 года изъ него добывалось соль, такъ какъ за это время въ Тустукулѣ соли не осаждалось. Добыча соли была сдана по контракту красноярскому жителю Потѣхину. Но такъ какъ потомъ соль опять стала осаждаться въ Тусту-кулѣ, то работы были прекращены и варницы уничтожены.

Въ Яново соль доставляется изъ лежащаго въ 75 верстахъ къ западу Тусту-куля и отправляется на баркахъ въ красноярскіе соляные магазины. Подрядчикъ беретъ за доставку изъ казны по 50 коп. съ пуда, по ему обходится перевозка сухимъ путемъ всего въ $1^1/_2$ р. съ 100 пудовъ, издержки по перевозкѣ водой Палласу неизвѣстны [3].

Изъ документовъ Саянскаго архива за 1785 годъ мы узнаемъ о существованіи двухъ соляныхъ озеръ, изъ которыхъ одно называлось „соляпымъ озеромъ между абакан-

[1] При указѣ прилагается «реестръ описнымъ пожиткамъ, а именно у Егора Рѣшетникова изба съ сенми, дворъ, огородъ, одинъ амбаръ; пожитку: одне жернова рукомолотные; хлѣба немолоченого ярицы сто сноповъ, ячменя пятьдесятъ сноповъ, овса пятьдесятъ сноповъ, лошадей: одинъ меринъ шерстью соврасой, восьми лѣтъ, грива сѣрая, стрижена на леву сторону, ноздри пороты»,

[2] Pallas. III, 330—1.

[3] Pallas. II, 692—3.

кизи и саянскими острогами, а другое „каралаевскимъ" или „тагарскимъ". Караульную службу при этихъ озерахъ несли казаки [1].

Въ 30 верстахъ отъ р. Карыша, по бѣлому Юсу находится гротъ, извѣстный подъ именемъ Селитряной пещеры. Томскій житель Прокопій Савельевскій, убѣдившійся по указаніямъ одного татарина въ богатомъ содержаніи селитры въ верхнемъ слоѣ почвы пещеры, началъ работы по добычѣ селитры и выстроилъ здѣсь въ 1766 году небольшую селитроварню.

Ему удалось добыть до 15 пудовъ готовой селитры. Когда залегавшій вблизи земной поверхности слой селитры истощился, Савельевскій прекратилъ работы въ 1768 году[2].

Собранныя нами въ этой главѣ данныя рисуютъ намъ картину энергичной разработки русскими богатыхъ рудныхъ мѣсторожденій минусинскаго края.

И казна и частныя лица стремились извлечь доходъ изъ обильныхъ рудныхъ залежей. Но невыгоды казеннаго управленія заводами, а также примѣненія для заводскихъ работъ принудительнаго труда ссыльныхъ не замедлили обнаружиться: спустя 10 лѣтъ послѣ открытія работъ на Лукаскомъ мѣдноплавильномъ заводѣ онъ былъ закрытъ, было заброшено и большинство рудниковъ, доставлявшихъ для него руду.

Немного дольше былъ въ дѣйствіи Ирбинскій желѣзодѣлательный заводъ, онъ работалъ удачнѣе, что отчасти обусловливалось постояннымъ сбытомъ на колыванскіе заводы по постройка на Алтаѣ своихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ нанесла тяжелый ударъ Ирбинскому, и онъ вскорѣ прекратилъ свою дѣятельность.

Почти на всѣхъ рудникахъ, посѣщенныхъ Гмелиномъ въ южной части минусинскаго округа, при Палласѣ работы уже не производились.

[1]) О казенномъ солеваренiи въ Сибири см. Андріевичъ, III, 157 сл. №, 181 сл.

[2]) Op. c., III, 407—8,

Изъ частныхъ лицъ особенно много усилій для развитія горнаго дѣла на Енисеѣ употребилъ верхотурскій купецъ Алексѣй Власьевскій, основатель Есаганскаго желѣзодѣлательнаго завода, но и его дѣла скоро пришли въ растройство.

Начатое правительствомъ 30 годахъ 18 вѣка съ такой энергіей горное дѣло къ концу столѣтія пришло въ совершенный упадокъ.

Къ томуже, работы на заводахъ послужили началомъ штрафной колонизаціи минусинскаго края ссыльными и легли тяжелымъ бременемъ на свободное населеніе округа, недаромъ Гмелинъ, правдивый наблюдатель, назвалъ Лукаскій заводъ „бичомъ для всего края“ и оставилъ намъ печальный разсказъ о всѣхъ мытарствахъ, выпадавшихъ на долю крестьянъ, строителей завода.

Цѣлыя деревни заселялись ссыльными, обязанными работать на заводахъ. Къ послѣднимъ приписывались и селенія крестьянъ, которыми горное начальство распоряжалось по своей волѣ. Такъ возникло и село Минусинское. Приводимыя Палласомъ цифры о количествѣ добытой руды посказываютъ, что горныя мѣсторожденія не обманывали надеждъ рудоискателей, голько бюрократическое хозяйничаніе явилось причиной неудачи сдѣланной въ 18 вѣкѣ правительствомъ попытки разработать нѣдра минусинскаго округа. Люди, не имѣвшіе никакого понятія о мѣстныхъ условіяхъ, составляли въ своихъ канцеляріяхъ приказы, губившіе горное дѣло.

Развитію горнопромышленности мѣшали также общія причины, какъ то: рѣдкость населенія въ отдаленныхъ рудничныхъ районахъ, плохіе пути сообщенія, отсутствіе сколько нибудь опытныхъ техниковъ, которые умѣли бы справиться въ добычей руды и были бы освѣдомлены въ металлургическихъ процессахъ.

Приложеніе I.

На развалинахъ царства Алтынъ-Хана возникло въ концѣ 17 вѣка въ Монголіи царство Калмыцкаго Контайши. Галданъ—Чиринъ, достигшій власти черезъ убійство отца въ 1723 году, расширилъ еще дальше свои владѣнія и подчинилъ себѣ значительную часть киргизъ-казаковъ, большую и среднюю орды. (Киргизъ-казаки сами называли себя казаками, имя киргизовъ получили лишь по недосмотру русскихъ казаковъ[1]). Царства Джунгарскаго владѣтеля, до покоренія Джунгаріи Китаемъ въ 1757 году, внушало большія опасенія русской власти. Вслѣдствіе представленія Сибирской губернской канцеляріи о томъ, что по имѣющимся свѣдѣніямъ джунгары предполагаютъ открыть военныя дѣйствія, а войскъ въ Сибири мало, въ 1745 г. были передвинуты въ Сибирь Нетебургскій и Ширванскій пѣхотные полки, Вологодскій, Луцкій и Ольпецкій драгунскіе полки, подъ начальствомъ генералъ-майора Киндермана, для прикрытія границъ отъ нападеній Галданъ—Чирина[2]).

Подвластные Галданъ-Чирину калмыки и киргизы держали въ постоянной тревогѣ русское пограничное населеніе, производили непрерывныя нападенія на русскихъ, такъ

[1]) Radloff, Aus Sibirien, I, 167 сл., 192 сл. Ср. также Словцовъ, Ор. с., II, 405 сл.

[2]) Андріевичъ, Исторія Сибири, III, 99 сл. 281 сл. Отношенія между Галданъ—Чириномъ и русскими усложнялись еще существованіемъ двоеданцевъ. Такъ въ Барабинской степи значилось 7 ясашныхъ волостей, населеніе которыхъ уплачивало ясакъ и Джунгарскому владѣльцу Галдани Чирину и въ казну Ея Императорскаго Величества. Въ Кузнецкомъ вѣдомствѣ, по рапорту воеводы Шапошникова отъ 10 августа 1745 года, ясашныхъ двоеданцевъ числилось 12 волостей. Андріевичъ, Исторія Сибири. III, 51, 148 сл. Какъ видно изъ печатаемаго ниже указа 2 іюня 1733 года, ясашные двоеданцы давали сборщикамъ Галдана Чирина «алманъ» лишь по уплатѣ ясака въ государеву казну.

что населеніе западной Сибири находились въ вѣчномъ ожиданіи войны.

Въ Саянскомъ архивѣ мы находимъ цѣлый рядъ документовъ объ отношеніяхъ между русскими и подданными Галданъ-Чирина. Мы приводимъ наиболѣе интересные изъ нихъ здѣсь въ приложеніи, такъ какъ они не имѣютъ прямого отношенія къ темѣ настоящей работы: подвластныя Галданъ-Чирину орды кочевали по сосѣдству съ границами Западной Сибири, и Минусинскій край ихъ набѣгамъ не подвергался. Постоянныя напоминанія Краснорскаго начальства Саянскимъ прикащикамъ о томъ, чтобы „беречься непріятельскихъ воинскихъ людей,“ не имѣли никакого основанія. Уже къ началу 18 вѣка край былъ окончательно замиренъ, и ему больше не угрожала никакая опасность извнѣ. Саянскія горы служили ему лучшей защитой.

Такъ какъ заключающіяся въ Саянскомъ архивѣ свѣдѣнія о набѣгахъ калмыковъ и киргизовъ на русское населеніе Западной Сибири имѣютъ значеніе для исторіи Сибири, мы приводимъ ихъ здѣсь.

„Въ бѣлоярской слободѣ... Катайского острогу житель.. Выходцовъ сказкою объявилъ ноября 21 дня (1723 г.): былъ де онъ Выходцовъ въ башкирскихъ жилищахъ для своей нужды салзауцкой волости у башкирца Псегула Луженикова, и оной де башкыретинъ сказывалъ ему Выходцову, что де идутъ съ войною на Русь и на башкырцевъ калмыки и казачья орда три тайши въ сорока тысячахъ“. [Изъ указа Краснорскаго воеводы Семена Баклановскаго саянскому прикащику Ивану Ермолаеву отъ 9 марта 1733 г.).

„Кузнецкаго вѣдомства тоганской волости ясашные татары [2]... предъявили сего де 733 г. мая 4 дня пришедъ къ нимъ въ тоганскую волость владѣнія Галданъ-Чирина для сбору алману сборщикъ Шелокъ, да при немъ калмыкъ Кото Ивановъ и напившись оной Кото Ивановъ вина... и говорилъ тайно...что де будетъ мы на Кузнецкъ войною въ нынѣшнемъ 733 г. въ лѣтнее, въ сѣнокосное или въ страдное время... Помянутой же волости ясашные жъ татары...пришли...объявить...сего де 733 г. мая 9 дня...сборщикъ Шелокъ Дюреневъ. просилъ съ нихъ ясашныхъ иноземцевъ противъ прежняго на Галданъ-Чирина алману и они де ему... сказали, что де не заплатя въ казну Ея Императорскаго Величества ясаку

на Галданъ-Чирина алмана прежде давать они не будутъ. И оной де сборщикъ.. не говоря съ нимъ ничего, поѣхалъ... во владѣнія Галданъ-Чирина, и отъ него де... оставался... Кото Ивановъ, и оставшись оной Кото почевать..., на завтра говоритъ, что де владѣлецъ Галданъ-Чирина, князецъ его Богоракъ будетъ де на прежнее свое жилище для житья со всѣмъ кочевьемъ на то мѣсто, на которомъ нынѣ живутъ кузнецкаго вѣдомства въ острогахъ и слободахъ русскіе люди, а именно: Бійской острогъ, Бѣлоярская крѣпость, Малышева слобода, Берской острогъ же, а князецъ де Черепъ-Дондукъ будетъ на вѣчное житье по Иртышу рѣкѣ въ Семипалатную иртышскія крѣпости, да въ кузнецкіе ясашные въ ялтидскую и сагайскую волости, будутъ де для житья его жъ владѣнія Галданъ-Чирина кыргызы, а ежели де опого Богорака на помянутыя мѣста жить русскіе люди не пустятъ, и съ того мѣста не съѣдутъ, то де онъ Богоракъ поѣдетъ о томъ просить въ Москву. Сибирская губериская канцелярія предписываетъ беречьси, поэтому крѣпости починить въ самой скорости, укрѣпить палисадами и рогатками, пушки всѣ были бы поставлены въ удобныхъ мѣстахъ, гдѣ имъ стоять надлежитъ, и батареи подѣлать удобныя, поставить на всѣхъ удобныхъ мѣстахъ крѣпкіе караулы, чтобъ были на часахъ завсегда,.. а деревень жители, которыя по селамъ живутъ въ степи, увѣдавши приходъ непріятельскихъ людей собрались со всѣми пожитками въ ближайшія пограничныя крѣпости и слободы". (Изъ указа Красноярскаго воеводы Семена Баклановскаго саянскому прикащику Ивану Ермолаеву отъ 2 іюня 1733 г.)

„Государственная военная колеція приказали въ Сибирскихъ пограничныхъ городахъ отъ незапнаго нападенія отъ владѣльца Галданъ-Чирина имѣть крѣпкую предосторожность и въ случаѣ ихъ побѣговъ чинить воинской отпоръ и наступленіе,... и опасныя мѣста поправить, починивать неукоснительно тутошними казаками и прочими людьми, которые въ подушной окладъ не положены". (Изъ указа Красноярскаго воеводы Семена Баклановскаго саянскому прикащику Алексѣю Василевскому отъ 15 мая 1734 г.)

Отставной казакъ Михайло Бузовъ („изъ землицы Галданъ-Чирина города Кузнецка," ѣздилъ въ калмыцкую землицу для торгу, на возвратномъ пути былъ ограбленъ на вершинахъ

рѣки Бухтармы какими то людьми; ему удалось бѣжать къ зайсану Матурову на устьѣ Нарыма. Матуровъ, находившійся въ зависимости отъ Галданъ-Чирина, и прочіе калмыки тарханцы говорили, что на ихъ землицу и на самаго ихъ владѣльца „пришло силы съ войною Китайскаго хана 80 тысячъ, и начальствующіе хана обѣщаютъ гнать Галдана-Чирина до россійскихъ городовъ, и поселены де будутъ до россійскихъ же городовъ и пашню де будутъ пахать на ихъ калмыцкой землѣ вверхъ по Иртышу рѣкѣ. Поэтому Сибирская губернская канцелярія предписываетъ беречься, чтобъ во время нахожденія китайскихъ войскъ также и зюнгарскаго владѣльца Галданъ-Чирина россійскимъ подданнымъ не учинилось какого нападенія". (Изъ указа Красноярскаго воеводы Семена Баклановскаго Саянскому прикащику Алексѣю Василевскому отъ 14 іюня 1734 г.)

„Велѣно отъ приходу непріятельскихъ людей отъ Галданъ-Чирина и отъ казачьей орды имѣть крѣпкую предосторожность" (Изъ указа Красноярскаго воеводы Семена Баклановскаго саянскому прикащику Ивану Красикову за май 1735 г.)

Иванъ Юшковъ изъ Малышевой слободы отправился за рѣку Обь для звѣринаго промысла съ 10 товарищами, 26 октября 1736 г. на него напали внезапно воровскіе непріятельскіе люди и начали стрѣлять изъ ружья, русскимъ едва удалось отбиться отъ калмыковъ, лошади все же были уведены. (Изъ указа Красноярскаго воеводы Семена Баклановскаго саянскому прикащику Ивану Красикову отъ 8 апрѣля 1736 г.)

„Саянской прикащикъ Юшковъ уѣхалъ въ татары и того же іюля въ 14-мъ числѣ прислалъ отъ себя въ саянскій острогъ служиваго..., да съ нимъ татарина, и оной служивой сказалъ также рѣчи, что де пріѣзжали калмыки 6 человѣкъ къ Бельчику въ юрты, и былъ у него татаринъ Бачинъ Карматуровъ, и съѣхался съ нимъ прикащикомъ въ юртахъ, и сказалъ де тотъ татаринъ тѣжъ рѣчи, и оной де прикащикъ того же числа збивши въ юртахъ татаръ и взявъ со собою посланнаго отсюда для покупки въ казну шерсти рекрута Вяткина и убѣжалъ въ погоню за ними калмыками". (Изъ Промеморіи изъ томскаго и красноярскаго горнаго начальства въ саянской острогъ въ судную избу 18 іюля 1738 г. Подписано подпоручикъ Исаія Лукашевъ, канцелярістъ Григорій Серебренниковъ). Приведенный выше фактъ содержится въ доношеніи горному начальству отъ плавильщика Омайскаго рудника Столова.

„Полковникъ Татищевъ объявилъ (а ему объявили казаки), что всѣхъ волостей башкирцы сибирской дороги намѣрены идти въ казачью орду, и всеконечно оные башкирцы сбираются нынѣ съ войною идти въ киргизкайсацкую орду, а салзауцкой де и алинской волостей уже и ушли“ (Изъ указа Красноярскаго воеводы Григорія Карташева саянскому прикащику Ивану Бѣляевскому отъ 10 марта 1740 года).

Дѣлается предупрежденіе„ о приходѣ казачей орды и о разбитіи владѣнія Галданъ-Чирина калмыцкихъ улусовъ 30 юртъ и о собраніи онаго зенгарскаго владѣльца на казачью орду въ 50 тысячахъ человѣкъ“. (Изъ указа Красноярскаго воеводы Григорія Карташева саянскому прикащику Ивану Бѣляевскому отъ 10 марта 1740 года).

Стало извѣстно„ чрезъ вышедшаго въ устяцкой форпостъ со стени изъ киргизкайсацкаго плѣну зенгарскаго калмыка владѣнія Галданъ-Чирина муллы Науросова, что слышалъ де онъ отъ нихъ кайсаковъ, что Кучкарбай Битырь намѣренъ нынѣшней осени идти съ кайсаками на барабинскихъ татаръ для раззоренія оныхъ и для того де сбираетъ кайсаковъ“. (Изъ указа Красноярскаго воеводы Алексѣя Тимирязева саянскому прикащику Степану Муруеву отъ 20 февраля 1743 года).

„Вийскаго вѣдомства деревни Иконниковой жители словесно объявили ноября де 10 числа (1742 года) будучи они Чермновъ съ товарищами за Обью рѣкою вверхъ по рѣкѣ Каменкѣ разстояніемъ отъ деревни Иконниковой съ 20 верстъ и... пріѣхало къ нимъ калмыковъ 5 человѣкъ, которые де... увели у нихъ 3 лошадей, при которыхъ де калмыкахъ было ружье, 2 сайдака да 3 турки и... поѣхали они калмыки въ владѣнія Галданъ - Чирина въ камень..... Да ноября 16 числа... между двумя рѣчками Отлей и Катуней... разстояніемъ отъ деревни Угрепеевой съ тридцать верстъ“ уѣхали Петлинъ съ кузнецкимъ капониромъ Иваномъ Першуткинымъ для отысканія потерянныхъ лошадей и не вернулись, а отецъ Петлина думаетъ, что ихъ увезли калмыки, потому что, когда Петлинъ разыскивалъ сына, то встрѣтилъ на томъ мѣстѣ 2 вооруженныхъ калмыковъ, и испугавшись ихъ поѣхалъ обратно. (Изъ указа Красноярскаго воеводы Алексѣя Тимирязева саянскому прикащику Степану Муруеву 27 мая 1743 года).

„Оренбурскаго полку маіоръ Языковъ представляетъ де: прошедшаго де октября 29 дня рапортуетъ къ нему Языкову обрѣтающійся вверхъ по Тоболу устья Уйскаго Тобольскаго пѣхотнаго полку прапорщикъ Якимовъ, что де онаго мѣсяца октября 25 числа крестьяне Долматова монастыря съ товарищи ему Якимову объявили: были де они на рыбномъ промыслу отъ устья Уйскаго вверхъ по Тоболу, напримѣръ, верстъ шесть въ двадцати шести человѣкахъ, и оставленные изъ нихъ были для караулу лошадей у промышленной избы пять человѣкъ, а противъ 24 часа прибѣжали къ нимъ къ той промышленной избѣ воры киргиз-кайсаки десять человѣкъ и отогнали у нихъ шесть лошадей, да взяли изъ нихъ въ полонъ двухъ человѣкъ: Теченской слободы Федора Побѣгаева, коего при поимкѣ и ранили въ лѣвую руку копьемъ, да Долматовскаго Тита Обрядина, и отвезли оныхъ отъ той избушки недалече и оставили съ двумя человѣки кайсаки. А и оставленные де 8 человѣкъ побѣжали на рыбный промыселъ, на помянутую артель, гдѣ оной Подоспеловъ съ товарищи по нимъ и стрѣлялъ, и видѣвъ тѣ воры киргиз-кайсаки отъ нихъ побѣжали за Тоболъ, и помянутыхъ полоненниковъ и взяли ихъ съ собою, и увезли отъ нихъ, напримѣръ, верстъ съ двадцать, и бывшее на нихъ платье, также ружье, винтовку, сайдакъ обрали, да изъ нихъ же де киргиз-кайсаковъ означенные полоненики объявили изъ дальной орды Ирка Батыръ, и брося ихъ плѣнныхъ, тѣ киргиз-кайсаки побѣжали въ степь“. (Изъ указа Красноярскаго воеводы Алексѣя Тимирязева саянскому прикащику Ивану Потылицыну за мартъ 1744 года).

7 Іюля 1748 года генералъ-маіоръ Киндерманъ разослалъ во всѣ пограничныя укрѣпленныя мѣста приказъ: въ виду опасности отъ непріятеля „имѣть величайшую предосторожность и разъѣздъ, и за форпосты отнюдь никого не пускать... и чтобъ въ форпостахъ ружье и артиллерія въ всегдашней исправности состояли, дабы въ оборонѣ какихъ недостатковъ не слѣдовало, а наипаче при нынѣшнемъ сѣнокоспомъ времени и... при снятіи хлѣба, чтобъ оный безъ закрытія не былъ и для того бы частые партіи и разъѣзды посыланы были, и тѣ бъ обыватели, бывъ въ работѣ, имѣли при себѣ ружье и для безопасности при той работѣ частые обывателей караулы, чтобъ оные не почевали, но приходили бъ въ близкіе деревни

или форпость, а при форпостахъ въ день имѣть по часовому, а въ ночь по два, и половинное число въ ночь команды, чтобъ всегда въ осторожности при ружьѣ находилось, и изъ форпостовъ людей никогда не отлучать". Поэтому сибирская губернская канцелярія подтверждаетъ,, о имѣніи всегдашней и недремлющей отъ непріятельскихъ воинскихъ людей предосторожности, и для того безъ крестьянъ никто не дерзалъ за форпосты и въ опасныя отъ непріятелей мѣста ѣздить и ходить, также въ нынѣшнее страдное время безъ закрытія крестьяне и безъ караула отъ себя въ работу вступать отнюдь не дерзали... подъ опасеніемъ штрафа, а ежели кто изъ крестьянъ и протчихъ обывателей за форпосты за какими либо промыслами безъ повелѣнія командировъ поѣдутъ, также и въ опасныя отъ непріятелей мѣста тамо проберутся, то таковымъ за оное ихъ самовольство, какъ вышепоказано, чинить наказаніе кнутомъ, дабы смотря нато другіе чинить не отваживались". (Изъ указа Красноярскаго воеводы Алексѣя Копника саянскому прикащику Краснокову отъ 24 сентября 1748 года).

,, Мая 5 числа (1753) пріѣзжало противъ Магнитной крѣпости киргиз-кайсаковъ, человѣкъ съ 30, съ оружіемъ (которыхъ и еще въ степи за уваломъ видно было не мало) якобы еще для принятія аманатовъ, почему они для подписокъ въ силу указовъ званы были въ крѣпость. Только де они по своему легкомысленному и злому умышленію въ крѣпость не пріѣхали, а просили черезъ рѣку Яикъ, чтобъ тѣ аманатчики перевезены были къ нимъ; коимъ де объявлено, что они сами въ крѣпость пріѣхали и аманатчиковъ приняли, при чемъ де они киргизцы за неотдачею аманатчиковъ объявили, что де они имѣютъ поступать военною рукою, и гдѣ увидятъ на переѣздахъ русскихъ людей—ловить и къ себѣ увозить будутъ, и оттоль поѣхали. Имѣющихся за разлитіемъ воды оставшихъ по ту сторону рѣки солдатскихъ собственныхъ лошадей и при ней жеребенка съ собой угнали". (Рапортъ маіора Кугакова походному бригадиру Кравту на новой линіи 8 мая 1753).

,,16 де мая выбѣжало изъ плѣну въ оной редутъ (Прѣсногорьковскій) отъ киргиз-кайсаковъ 2 женки, за которыми тотъ же часъ помедля прибѣжали киргиз-кайсаковъ наперво человѣкъ до 15 безъ ружей, а потомъ малое время погодя

пріѣхали же человѣкъ до 60 съ ружьемъ и требовали сильно тѣхъ ушедшихъ отъ нихъ женокъ. почему къ нимъ, видя ихъ во многолюдствѣ. отъ квартирмейстера послано 3 человѣка драгунъ со извѣстьемъ къ капитану Фон-Паскалу до редута Березоваго. И увидя тѣ киргизцы, что драгуны поѣхали, погнались за ними человѣкъ 10. Которые драгуны, что гонятся они киргизцы, скакать отъ нихъ стали, и у одного лошадь споткнувся пала, на коего набѣжало тѣхъ киргизцовъ 4 человѣка и стали на него наступать. Кой драгунъ видя отъ нихъ нападеніе и выпаливъ изъ ружья, которые и отступили отъ него. А другіе киргизцы за тѣми 2 гнались верстъ 7 токмо видя, что догнать не могли возвратились же, а помянутой драгунъ обратно въ редутъ и возвратился. и когда стали приступать вторично къ редуту, то половину воротъ квармистръ Шепшинъ створилъ и въ страхъ имъ пушку поставилъ; тогда вскорѣ и отбѣжали за березникъ и долго стояли и разъѣхались въ степь". (Донесеніе квартирмейстера Прѣсногорьковскаго редута Шепшина состоящему на линіи въ Березовскомъ редутѣ капитану Фон-Паскалу).

Оба вышеприведенные документа извлечены изъ указа абаканскаго управителя Григорія Карташева саянскому прикащику Теряеву отъ 24 ноября 1753 года, съ надписью „секретно".

„Въ Тарскую воеводскую канцелярію отъ находящагося въ каинскомъ форпостѣ тарскаго казачьяго капрала Волокитина... объявлено о грабежѣ бывшихъ на промыслу на платежъ въ казну ясака барабинцевъ Кутеся Кармышакова съ товарищи 6 человѣкъ разнаго при нихъ шкарбу изъ десяти лисицъ красныхъ во урочищахъ подлѣ рѣки Иртыша и солянаго Бурлу озера набѣжавшими воровскими непріятельскими людьми Качвею ордою" Поэтому нужно крѣпко беречься „отъ внезапныхъ набѣговъ киргиз-кайсаками и зенгорскими калмыками". (Изъ указа абаканскаго управителя Алексѣя Мельникова саянскому командующему Сарманову отъ 8 марта 1755 года, „секретно").

„Одного де декабря 20 и 21 числа (1754) Тогучинской и Барабинской волостей Болатова и Чекулина ауловъ ясачные барабинцы Сарышъ Кибердинъ, да Леонтей Самсинъ съ товарищи, всего 22 человѣка, въ каинскомъ форпостѣ сказкою чрезъ толмача новокрещеннаго Никиту Шелудякова объ-

явили: были де они для звѣринаго промыслу въ степи на платежъ положеннаго на нихъ въ казну ясака... и ноября де 20 числа того году деннымъ и ночнымъ временами набѣжали на нихъ воровскіе непріятельскіе казачьей орды люди 12 человѣкъ на ту сторону рѣки Иртыша на Барабинской степи разстояніемъ отъ рѣки Иртыша и отъ Черноулцкаго станка въ 50 верстахъ по разнымъ урочищамъ, и грабежемъ де взяли у нихъ разнаго шкарбу, а именно 4 лошади, 52 лисицы красныхъ, 4 котла, въ томъ числѣ 1 мѣдный, 9 топоровъ, 4 стремени отъ сѣделъ, 7 ножей, 7 же огнивъ, 20 стрѣльныхъ желѣзновъ, 2 аркана ременные, 2 корсака, 4 топора, 5 ножей, котелъ желѣзный, 3 подпруги, 1 узду.“ Поэтому сибирская губернская канцелярія предписываетъ беречься отъ воровскихъ людей, „а ежели оные въ близости не имѣются, то развѣдывать достовѣрно секретнымъ же образомъ, подъ которыя россійскія жилища и сторону вышепоказанные непріятельскіе люди пошли, многое число ихъ всѣхъ человѣкъ было, и съ какимъ намѣреніемъ та непріятельская партія появлялась, и какими они мѣстами изъ казачьей своей землицы пришли“, и не было ли еще другимъ, кромѣ татаръ барабинскихъ, отъ нихъ нападенія. (Изъ указа абаканскаго управителя Мельникова саянскому командующему Сарманову отъ 13 марта 1755 года, „секретно“).

„Оренбургскій губернаторъ... Неплюевъ объявилъ: отъ 26 и 29 чиселъ августа (1755) отъ оренбургской губернской канцеляріи уже писано, коимъ образомъ въ башкиры и на нагайской дорогѣ башкирцы збунтовали и, причиня разныя злодѣйства, въ киргизъ кайсацкую орду бѣжали, которые въ разныхъ мѣстахъ, а нѣкоторые и въ средней орды въ улусахъ и приняты, а потомъ и въ другой сторонѣ на осинской дорогѣ отъ нѣкоторыхъ злоумышленниковъ къ бунту жъ возмущеніе и потому сборище было: нынѣ же посланной отъ него господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника еще съ весны въ среднюю киргиз-кайсацкую орду къ Аблай-Салтану тамошней толмачъ Матвѣй Араповъ возвратясь доносилъ что киргизъ-кайсаки той орды своими авантажами, надъ зенгорскими калмыками одержанными, весьма возгордѣли и ко управѣ съ зенгорцами противъ сибирскаго края похваляются, да и самъ Аблай-Салтанъ въ письмѣ своемъ къ нему, господину дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру, присланномъ о возвращеніи захвачен-

ныхъ въ 1744 г. при Иртышѣ командою сибирской губериской канцеляріи киргизъ-кайсакъ, также и выбѣгавшихъ изъ улусовъ подданныхъ, Ея Императорскаго Величества илѣпниковъ, непристойныя претензіи задаетъ и тако нонѣ съ стороны сибирской, наипаче при верхъ-иртышскихъ и на новой ишимской линіи, также и въ протчихъ пограничныхъ сибирской губериской канцеляріи жительствахъ отъ тѣхъ киргизъ-кайсакъ опасности имѣть надлежитъ". (Изъ указа Абаканскаго управителя Алексѣя Мельникова саянскому прикащику отъ 27 января 1756 г. „Секретно").

Рапортъ бригадира Крафта 27 октября 1755 г. „Нынѣ де репортомъ къ нему бригадиру присланнымъ изъ Ямышевской крѣпости отъ полковника Деколонга значится, что киргизъ-кайсаки съ кошами своими, со скотомъ и съ кибитками приближаются кочевьемъ къ зимнему времени къ россійскимъ границамъ по рѣкѣ Иртышу, конхъ и прикочевало немало тоже и близь новой линіи". (Изъ указа Абаканскаго управителя Мельникова Саянскому прикащику отъ 1 февраля 1756, „Секретно").

Оренбургскій губернаторъ Неплюевъ сообщаетъ 7, 9 и 14 сентября 1755 г. „о башкирскихъ обращеніяхъ и оказавшихся на осинской дорогѣ въ ганинской волости замѣшательствѣ и чинимыхъ сборищахъ и злыхъ умыслахъ, и что два остроша торговишинской и сокольской осажены, а изъ разспросовъ оказуется и на казанскихъ татаръ и на сибирскую дорогу подозрѣніе". (Изъ указа Абаканскаго управителя Мельникова Саянскому прикащику отъ 16 іюня 1756 года, „Секретно").

Не разъ саянскіе прикащики получали секретные указы, предписывавшіе имъ имѣть осторожность отъ мунгальскихъ людей.

Такъ, 12 сентября 1756 г. абаканская контора предписываетъ прикащику „имѣть предосторожность отъ воровъ мунгальцевъ",

Однородные указы мы имѣемъ отъ 30 января 1757 г. и 22 декабря 1759 года.

Приложеніе II.

Перебѣжчики, выходящіе въ русскіе предѣлы изъ за китайской границы, въ русское вѣдомство не принимались.

Такъ въ указѣ абаканской конторы отъ 23 іюня 1760 г. приводится ордеръ сибирскаго губернатора, тайнаго совѣтника Ѳедора Ивановича Соймонова отъ 23 іюня 1760, которымъ онъ предписываетъ „вышедшихъ изъ за россійской границы въ здѣшнюю сторону въ подданство мунгальцевъ 24 человѣкъ принять и содержать ихъ въ здѣшней сторонѣ до указу. Впредь такіе же китайскіе подданные мунгальцы и другихъ родовъ люди изъ заграницы настоящіе тамо по границѣ краснояpскаго вѣдомства караулы приходить только подданства россійскаго, кромѣ крещенія и не отъ лица цѣлыхъ ихъ улусовъ или волостей, но одни они перебѣжчики сами о себѣ просить будутъ, такихъ отсылать отъ границъ россійскихъ прочь тотъ же часъ, не принимая ихъ на тѣ россійскіе караулы и по протчимъ острогамъ и деревнямъ и по отсылкѣ ихъ... репортовать“.

4 іюля 1761 г. абаканская контора посылаетъ саянскому прикащику однородный секретный указъ о томъ, чтобы не принимать изъ за границы мунгальцевъ, „чтобы выходящимъ мунгальцамъ и другимъ заграничнымъ китайскимъ людямъ выше писаннаго объявленія и призыванія отнюдь не чинить, до усмотрѣнія“.

Приложеніе III.

Въ концѣ 18 вѣка было предписано клеймить вымѣниваемый на сибирской линіи у азіатцевъ скотъ. Объ этомъ въ бумагѣ Саянскаго острога сохранился указъ Императрицы и Правительствующаго сената правящему должность иркутскаго и колыванскаго генералъ-губернатора генералъ-поручику Пилю отъ 20 октября 1790 г.

Правительствующій сенатъ слушали рапортъ Ваш, коимъ испрашивали чтобъ вымѣниваемый на Сибирской линіи у киргизъ-кайсаковъ рогатый скотъ и лошадей во отвращеніе тайныхъ промѣновъ и клеймить желѣзными таврами—приказали Вамъ сдѣлать паки распоряженіе дабы во отвращеніе тайно производимой мѣны товарами съ киргизъ-кайсаками для соблюденія казенной пользы и вымѣниваемый у киргизъ-кайсаковъ скотъ клеймили таврами. Сенатъ утверждаетъ, но только съ тѣмъ, чтобы сіе не причинило киргизъ-кайсакамъ правильнаго неудовольствія или какого сомнѣнія".

Препровождая этотъ указъ, генералъ поручикъ Пиль сдѣлалъ колыванской казенной палатѣ слѣдующее предложеніе отъ 14 декабря 1790 г.

„Отъ меня предписано начальствующему на помянутой линіи г-пу генералъ-майору и кавалеру Штрадману подтвердить всѣмъ линейнымъ и частнымъ командирамъ настрожайше дабы они сохранили въ семъ случаѣ зависящую отъ воинской стражи предосторожность, не внушая отнюдь азіатцамъ того что и клейменіе вымѣниваемаго у ихъ скота есть каковая либо новая предпріимчивость, а что исполняемо сіе будетъ для сего только, дабы пресечь съ нашей стороны случающіяся по линіи воровства, ежели же замѣтитъ онъ изъ настоящаго въ семъ случаѣ сильное отъ азіатцевъ негодованіе, то доносилъ бы объ ономъ ко мнѣ для принятія нужныхъ мѣръ".

Приложеніе IV.

„Его Высокопревосходительство Г-нъ генералъ порутчикъ кавалеръ и правящей должность генералъ-губернатора колыванскаго иркутскаго Иванъ Варооломеичъ Якобій въ предложеніи написалъ: Ея Имп. Вел. угодно, чтобъ слова въ приложенной притомъ бумагѣ означенныя перевести всѣми тѣми языками и ихъ діалектами, кои употребляются между разными народами губернію колыванскую населяющими и написать ихъ. буде те народы имѣютъ свои имена, оными—приложа при томъ тутъ же по русски какъ что выговаривается, а такихъ письмянъ нѣтъ написать оныя ихъ языкомъ русскими буквами, того ради по указу Ея Имп. Вел. и по опредѣленію Колыванскаго губерн. правл. и за исполненіемъ вышеписаннаго командированъ колыванской губерніи верхней расправы 1-го департамента г-нъ предсѣдатель Алексѣевъ, которому велѣно напервое ѣхать въ семипалатинской городъ, но пріѣздѣ во оной отъ нижне земскаго суда и г-на коменданта истребовать свѣдѣніе о кочующихъ иноверцахъ и потомъ толмача знающаго ихъ разговоръ, слѣдовать въ те иноверческіе жительства и окончать тамъ ему предписанное, слѣдовать въ бійской городъ, гдѣ отъ земскаго суда и господина коменданта истребовать отъ перваго гдѣ какіе иноверцы жительствуютъ и одного сельскаго засѣдателя и отъ послѣдняго толмача и конвой есть ли надобно будетъ ѣхать къ тѣмъ иноверцамъ въ улусы за бійскую линію, отъ которыхъ о названіяхъ отобрать надлежащее свѣдѣніе, а сходно сему преступать по выѣздѣ въ г-да Кузнецкъ и Красноярскъ, 2-е дабы ему вездѣ, где будетъ требовать отъ комендантовъ нижнихъ земскихъ судовъ переводчиковъ или толмачей конвоя или какого вспоможенія и къ проѣзду лошадей давать везде безпрепятственно и чините скорое и всевозможное исполненіе дабы никакого задержанія или противорѣчія чинено не было, чтобъ въ исполненіи порученнаго ему дѣла не могло отнюдь послѣдовать остановки“. (Указъ Красноярской комендантской канцеляріи 13 мая 1785 года.)

Приложеніе V.

Отъ находящагося на братской стени при кудунскихъ рудникахъ ундеръ шихместера Ивана Черепанова репортами объявлено, что взялъ у него Черепанова Даурскаго серебряного руднаго промыслу рудопромышленникъ, а сибирскаго губернскаго города Томска купецъ О. Гр. сынъ Шабалинъ въ поставку на помянутой кудунской рудникъ рогатаго скота казенныхъ денегъ 60 рублевъ на срокъ прошлаго 1760 года къ августу мѣсяцу въ чемъ ему Черепанову и далъ за своею рукою письмо о по де опъ Шабалинъ ни тѣхъ денегъ не отдалъ, ни скота за оные не пригналъ и просилъ де опой Черепановъ, чтобъ съ него Шабалина помянутые деньги взыскать... ему Шабалину о сыску рудъ во всей Сибири и Даурiи данъ прочетной указъ и о дачѣ до городовъ Нерчинска, Селенгинска. Енисейска, Иркутска, Красноярска, Томска, Кузнецка и Тобольска и до Кяхтинскаго форпоста подводъ дана подорожная.„ Необходимо взыскать съ него деньги и прислать въ канцелярію Нерчинскаго горнаго начальства.—(Указъ абаканской конторы отъ 11 января 1762 г.)

Добавленія.

Къ стр. 2. Про Алтынъ-хана киргизскіе князья Помча да Кочебай сказывали служилымъ людямъ въ 1609 году: „Алтынъ царь Мугалской, ходу до него отъ Киргизъ мѣсяцъ; а его ясашные люди живутъ, Матцы, отъ Киргизъ два дни, а отъ Матъ живутъ до него все его люди; а царь кочевной, кочуетъ на лошадяхъ и на верблюдахъ; людей де у него тысячъ за двѣсти; а бой у нихъ лучной". Отписка царю Василію Ивановичу Томскаго воеводы Василья Волынскаго, о предполагавшихся и несостоявшихся сношеніяхъ съ Монгольскимъ ханомъ Алтыномъ и съ Китайцами 1609, въ Русской исторической библіотекѣ, т. II, С.П.Б. 1875, стр. 188. Матцы, вѣроятно „Маты," Маторы.

Къ стр. 4. Киргизы, тубинцы и маторы платили ясакъ и въ кузнецкій острогъ, см. отписку кузнецкаго воеводы Голенищева-Кутузова отъ 1627 г. о покореніи новыхъ земляцъ, Русская Историческая библіотека, т. VIII, С.П.Б. 1884, стр. 472—3: „Въ нынѣшнемъ, государь, во 135 г., октября въ 10 день, посылалъ я холопъ твой изъ Кузнецкова острога въ новые земли, въ Мутарскую землю да въ Тубинскую, кузнецкихъ служивыхъ людей, черкашенина Гришку Тузовскаго, да въ толмачахъ Нагайка Андреева, приводилъ тѣхъ новыхъ людей Мутарцевъ и Тубинцовъ подъ твою государеву царскую высокую руку, и ясакъ на тебя государь велѣлъ съ тѣхъ новыхъ земель взять,... со Князка Кояна да со князка Килину,. А тѣхъ государь, новыхъ земель людей, Мутарцовъ и Тубинцовъ, человѣкъ съ 400.. Да я жъ холопъ твой посылалъ по твой государевъ ясакъ въ киргизы, въ Обраевъ улусъ, кузнецкихъ служивыхъ людей.. и тѣ служилые люди ясакъ на тебя государя съ киргизъ взяли... А тѣ, государь, земли напередъ сего по нынѣшней по 135 годъ тобѣ государю ясаку не давали".

Къ стр. 10. Ср. грамату томскимъ воеводамъ кн. Кольцову,—Мосальскому и Молвянинову объ убѣгѣ ясачныхъ кузнецкаго вѣдомства къ киргизамъ, 11 ноября 1643," приводимую Инн. Кузнецовымъ въ „Историческихъ актахъ XIII столѣтія", Томскъ 1890, стр. 7—10. Томскіе служилые люди Оедька Алпатовъ, да Пронька Еремѣевъ, будучи на Тубѣ, говорили киргизскимъ людямъ, „чтобъ они нашего ясаку въ Кузнецкій острогъ не давали бъ, для того кузнецкіе де служилые люди ихъ томскихъ казаковъ кинтымы, а воевода де ихъ кузнецкій—томскихъ воеводъ холонъ". Поэтому если окажется, что Алматовъ и Еремѣевъ дѣйствительно говорили такія рѣчи, то томскіе воеводы обязаны ихъ „бить батоги, чтобъ имъ и инымъ, на ихъ смотря, не повадно было такъ впередъ воровать, будучи въ киргизахъ и въ иныхъ землицахъ при иноземцахъ ссорныя рѣчи говорить".

Къ стр. 14. О камасинцахъ см. Castren, Reiseberichte und Briefe, 373 сл; 379 сл. По мнѣнію Кастрена часть Камасинцевъ, жившихъ при немъ еще въ канскомъ округѣ; потомки коттовъ Ibid 383.

Къ стр. 16. Объ экспедиціи Многогрѣшнаго см. также грамату краснояpскому воеводѣ Башковскому о тубинцахъ отъ февраля 1694 у Кузнецова, Ор. с., стр. 65—6.

Къ стр. 27. Еще 1674 году въ граматѣ царя Алексѣя Михайловича краснояpскому воеводѣ о походѣ на „измѣнниковъ киргизъ, и Тубинцовъ, и Алтырцевъ и товарищевъ ихъ, которые съ ними въ измѣнѣ" было велѣно: „ратнымъ людемъ разъѣздить въ тубинской землѣ и обыскать подъ острогъ мѣсто, гдѣ пристойно, накрѣпко, чтобъ въ крѣпяхъ и въ угожихъ пашенныхъ мѣстахъ и воинской приходъ перенять, и, обыскавъ мѣсто, поставити острогъ тѣми жъ служилыми и иными людьми, кѣмъ пристойно, и укрѣпити всякими крѣпостми,.., и жити въ томъ эстрогѣ Краснояpскимъ всякихъ чиновъ служилымъ людемъ неперемѣнно, съ великимъ опасеніемъ, чтобъ подъ Енисейскъ и Краснояpской и подъ тотъ Ново-тубинской острогъ воинскіе люди, собрався безвѣстно, не пришли и дурна не учинили". Послѣ этого „поставлены изъ краснояpскаго въ Киргизской землѣ два острога, Караульной да Ломовской". Грамота царя Оедора Алексѣевича Краснояpскому воеводѣ Загрязскому 1679 года.

Дополненія къ Актамъ Историческимъ. т. VIII, С.П.Б., 1862, стр. 154.

Въ сентябрѣ 1676 г., „пришли изъ Красноярскаго въ Киргизскую землю красноярскіе служилые люди вверхъ по Енисею рѣкѣ, ниже Абаканскаго устья, на островъ (а зовутъ де тотъ островъ Татарскимъ языкомъ Карагасъ, а по русски Сосновой островъ), а тотъ де островъ, середи Енисея рѣки, съ нижную сторону вода поимаетъ, а повыше того волопойменого мѣста на томъ же острову гора лѣсная, и на той де горѣ Красноярскіе служилые люди лѣсъ ронили и острогъ поставили и крѣности учинили, и то де острожное поставленье и приходъ государевыхъ служилыхъ людей изъ красноярскаго острога свѣдавъ воры киргискіе люди князецъ Ярначко съ товарищи.. подъ тотъ новый острогъ приходили войною, и тотъ новой острогъ зажигали; и служилые де люди, послыша ихъ киргискихъ людей подъ тотъ новой острогъ приходъ и вышедъ изъ того новаго острога тайникомъ и пустили пожаръ, и тѣмъ де пожаромъ воровъ Киргискихъ людей отъ острогу отогнали, и лошадей де у нихъ Киргискихъ людей огнемъ пожгли, и бой де у служилыхъ людей съ тѣми воровскими Киргискими людьми былъ“, Другой острогъ „поставили на Юсѣ рѣкѣ“. Отписка кузнецкаго воеводы Григорья Волкова томскому воеводѣ Данилѣ Барятинскому 1676 года. Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. VII С.П.Б., 1859, стр. 337—8, также 333—4.

О выстроенномъ ниже устья Абакана острогѣ идетъ рѣчь и въ челобитіи 1679 г. великому государю служилыхъ людей тюменскихъ, березовскихъ, сургутскихъ, верхотурскихъ, турпискихъ и пелымскихъ, посылаемыхъ на службу въ Красноярскъ: „посылаютъ де ихъ служилыхъ людей изъ красноярскаго вверхъ по Енисею рѣкѣ, для обереганья отъ воинскихъ людей, въ Абаканскій острожекъ по 40 человѣкъ и больше, и живутъ де они въ томъ острожкѣ, перемѣняяся, по двѣ недѣли, а красноярскихъ де служилыхъ людей въ тотъ острожекъ не посылаютъ, а посылаютъ де Красноярскихъ служилыхъ людей въ тѣ острожки и волости, гдѣ бываютъ ясашные сборы, а имъ красноярскимъ служилымъ людемъ въ тѣхъ посылкахъ отъ ясашныхъ людей покормка“. Дополненія къ Актамъ Ист., т. VIII, 152.

Изъ этихъ граматъ явствуетъ, что въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія, на верхнемъ теченіи Енисея возникали острожки; но нужно думать, что они, за исключеніемъ караульнаго острога, скоро были покинуты русскими; это нужно заключить изъ приводимыхъ въ главѣ I граматъ о постройкѣ абаканскаго острога, изъ которыхъ видно, что дѣло приходилось начинать сначала; а въ чертежной книгѣ Ремезова показанъ къ югу отъ Красноярска только Караульный острогъ.

О томъ же свидѣтельствуетъ любопытное челобитіе великому государю Алтынъ-Лоджана-Хана. Въ 1680 году онъ присылалъ въ Москву своихъ посланцевъ, которые били челомъ объ отсылкѣ ему задержаннаго въ Томскѣ великаго государя жалованья, а также о томъ, „чтобъ мы, великій государь, велѣли въ киргизской землѣ на Абаканѣ городъ или острогъ поставить. А какъ де тотъ городъ или острогъ поставленъ будетъ, и тогда киргизамъ подъ наши великаго государя украйные сибирскіе городы войною ходить и раззореніе чинить будетъ не можно, а онъ, Алтынъ, по тому жъ съ нашими великаго государя ратными людьми тѣхъ киргизовъ воевать станетъ". Грамата томскому воеводѣ кн. Кольцову—Мосальскому объ Алтынъ-Лоджанъ-Ханѣ и о посылкѣ къ нему посланцевъ съ подарками 6 марта 1680. Инн. Кузнецовъ, Ор. с., 51—4.

Какъ видно Алтынъ-Лоджанъ-Ханъ ничего не знаетъ объ острогѣ на Абаканѣ.

Любопытно, что киргизы и тубинцы мотивировали необходимость постройки острога предосторожностью отъ Алтынъ-Хана (см. выше, стр. 26—7) а послѣдній видитъ назначеніе острога въ борьбѣ съ киргизами.

Къ стр. 39. Сагайцы, бельтиры и койбалы отошли изъ кузнецкаго къ минусинскому округу въ 1822 году, при образованіи енисейской губерніи, см. Степановъ, Енисейская губернія, часть I, стр. 136 сл., часть II, стр. 81 сл. ср. также В. И. Вагинъ. Къ исторіи сибирскаго межеванія, разграниченіе западной и восточной сибири, въ извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла Имп. Р. Геогр. Общ., 1872 г., т. III, № 2, стр. 105—6, о затрудненіяхъ, проистекавшихъ для этихъ инородцевъ вслѣдствіе того, что они состояли въ кузнецкомъ вѣдомствѣ.

Къ стр. 73. О состояніи абаканской пограничной линіи и красноярскихъ казаковъ въ началѣ 19-го вѣка. см. у Андріевича, Сибирь въ XIX столѣтіи, Часть II, С.П.Б., 1889, стр. 156, данныя извлеченныя имъ изъ архива Каратузской станицы.

Къ стр. 76. Приводимые здѣсь указы объясняются стремленіемъ Императрицы Елизавѣты уничтожить слѣды двухъ предшествующихъ царствованій, и считать законнымъ только то, что было сдѣлано властью при Екатеринѣ I и Петрѣ II. Ограничились возможнымъ: уничтожили монеты съ персоной Іоанна VI, сожгли присяжные листы, вырѣзали изъ церковныхъ книгъ „извѣстныя имена", запретили ввозъ изъ заграницы книгъ упоминающихъ объ этихъ особахъ. См. В. Я. Улановъ Эпоха дворцовыхъ переворотовъ, въ сборникѣ Три Вѣка, т. IV, Москва 1913 стр. 110.

Къ стр. 99. Сакма—колея, слѣдъ колеса; дорожка, тропинка лѣсная. Даль Толковый словарь живого велико—русскаго языка, т. IV, С.П.Б., 1882, стр. 131.

Къ стр. 108—Какъ нужно полагать, земледѣліе существовало у нѣкоторыхъ минусинскихъ инородческихъ племенъ издавна, еще до знакомства ихъ съ русскими. См. указанную книгу Ядринцева.

Къ стр. 118. Ср. также приказы изъ архива Аскызской инородной управы, приводимые Н. Ѳ. Катановымъ. Отчетъ, о поѣздкѣ въ Минусинскій уѣздъ, Енисейской губерніи лѣтомъ 1899. Казань 1900 стр. 2—6.

Къ стр. 155. Приведенныя въ текстѣ цифры Григорьева совершенно недостовѣрны; это ясно изъ того, что въ 1835 году въ минусинскомъ уѣздѣ насчитывалось всего 82 деревни (Степановъ, Енисейская губернія, I, 152). Въ 70-хъ же годахъ 18-го столѣтія въ краѣ едва ли могло быть болѣе 40 поселеній, установленныхъ нами.

Къ стр. 130—1. К. Риттеръ. Землевѣдѣніе Азіи, III, 571, пишетъ, что послѣ буринскаго договора „почти всѣ сойоты сдѣлались китайскими подданными".

Ср. также Мэнъ-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольскихъ кочевьяхъ, переводъ съ китайскаго П. С. Попова (Записки Имп. Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, томъ XXIV, СПБ, 1895), стр. 196, 198, 404, 444—451.

Вс. Родевичъ въ своей послѣдней работѣ Урянхайскій край и его обитатели, Извѣстія Геогр. Общ., т. XLVIII, стр. 148, признаетъ, что Урянхай въ 18 вѣкѣ находился подъ властью китайцевъ; неизвѣстно, откуда онъ взялъ сообщаемое имъ тутъ же свѣдѣніе, что „и въ Россію, въ Красноярскъ и въ Нижнеудинскъ урянхи посылали по одному соболю еще въ началѣ XIX вѣка“. Палласъ, приводящій точную цифру вносимаго въ Красноярскъ ясаку, ни словомъ не упоминаетъ про урянховъ, см. у насъ гл. III.

ОПЕЧАТКИ.

Страница	строка	напечатано:	нужно читать:
2	примѣч. 1 2 сверху	Zilirien	Sibirien
5	16 сверху	шубницы	тубницы
13	8 сверху	всостояніи	въ состояніи
13	20 сверху	великому	великаго
13	4 снизу	Камеснискую	Камаснискую
14	примѣч. 1	входящія	входящую
16	2 сверху	казаковъ	казака
16	4 сверху	II	А
	10 сверху	тенерь	Теперь
	8 снизу	ужо	уже
	примѣч. 1	съ	отъ
20	13 сверху	дому	долгу
23	8 сверху	недоплатной	недоплаченный
23	9 сверху	II	„II
26	7 сверху	дерзскихъ	дерзкихъ
27	3 сверху	исполнилочь	исполнилось"
27	примѣч. 3 9 сверху	возводимыя	возводиться
27	примѣч. 3 1 снизу	Галемейстера	Гагемейстера
28	3 сверху	казачью	казачьему
28	2 снизу	Надпорожную	Надпорожную
33	6 сверху	вынѣшнемъ	въ нынѣшнемъ
34	4 сверху	Бѣсянинымъ	Бѣлянинымъ
35	12 сверху	Шабинъ—Добага	Шабинъ—Дабага
37	17 сверху	1883	1833
42	примѣч. 1	Истрическое	Историческое
43	16 снизу	служащихъ	служилыхъ
44	4 сверху	сообщаемъ	сообщаетъ
45	8 снизу	Киндерлану	Киндерману
52	примѣчан; 12 снизу	Бородище	Городище
54	10 сверху	Геодентрія	Геодегитрія
54	примѣч. 1 2 сверху	возводимыми	возводимы
54	примѣч. 1 9 сверху	Стастистическое	Статистическое
61	20 снизу	Комапу	Конопу

II.

Страница	строка	напечатано:	нужно читать:
69	примѣч. 1, 6 снизу	Кручининиинъ	Кручининъ
71	15 снизу	Мурцевъ	Муруеву
73	6 сверху	границѣ	границы
74	18 снизу	снимъ	съ нимъ
76	11 снизу	реcламента	регламента
80	примѣч. 1, 8 сверху	писылали	посылали
83	15 снизу	Сибири	Сибирь и
90	7 сверху	рѣчекъ	рѣчкѣ
94	2 снизу	пива	хлѣба
105	8 снизу	подружную	подорожную
107	14 сверху	тѣмъ	тѣми
108	5 сверху	семь	семьи
110	4 сверху	саранцъ	сарану
113	17 сверху	мѣстнымъ	лѣснымъ
127	7 сверху	6000	9000
127	9 сверху	состояло	стояло
130	9 сверху	бильтировъ	бельтировъ
131	14 сверху	нью каз	казнью
131	16 снизу	сихъ	снимъ
132	3 снизу	Улятай	Улясутай
136	1 снизу	VII	XVII
137	прим. 10, 3 сверху	пунтомъ	пунктомъ
139	прмѣч. 2, 9 снизу	1824	1894
144	4 снизу	высокой лежащей	высоко-лежащей
145	4 снизу	2 впаденія	впаденія
147	7 сверху	Ой Кебета	Ой Кебеша
147	9 сверху	Шадаткій	Шадатскій
147	8 снизу	приходился	приходилось
157	2 снизу	100	600
161	6 сверху	рускіе	русскіе
162	14 снизу	Россіи	Россію
164	примѣч. 1,	Намятлики	Намятники
165	8 сверху	изъ	ихъ
165	7 снизу	тѣмъ	затѣмъ
171	5 сверху	которые	которыхъ
171	13 сверху	и свѣдѣнія	свѣдѣнія и
173	1 сверху	работалъ	работало
173	примѣч. 2, 2 снизу	натуральныхъ повин-постей	натуральныхъ повин-постей
175	10 сверху	причѣмъ	причемъ
175	11 сверху	владѣльцъ:	владѣльцамъ.

III.

Страница	строка	напечатано:	нужно читать:
181	4 сверху	обстоящему	отстоящему
183	12 снизу	приведеннаго выше вымышленнаго пред- лога посредствомъ	посредствомъ приведеннаго выше мышленнаго предлога
190	6 сверху	соровски	воровски
195	12 снизу	колеція	коллегія
208	4 сверху	XIII	XVII
208	11 сверху	Алматовъ	Алпатовъ

Цѣна 1 р. 50 к.

Exulando didici, quia invenii in angusto exilio patriam amplissimam.
Джордано Бруно.

Минусинскій край является частью Сибири, покоренной русскими позже всѣхъ другихъ ея окраинъ. Даже въ отдаленной сѣверовосточной ея окраинѣ, Якутской области, русскіе заложили цѣлый рядъ населенныхъ пунктовъ еще въ первой половинѣ 17-го столѣтія: въ 1632 заложенъ Якутскій острогъ, 1638—Верхоянскъ, въ 1648 основано Нижнеколымское зимовье. Между тѣмъ, въ Минусинскомъ краѣ русскимъ не удавалось стать твердой ногой на протяженіи всего 17 вѣка, на „чертежной книгѣ“ Ремезова, относящейся къ 1701 году, на чертежахъ земель разныхъ сибирскихъ „городовъ“ показаны многочисленныя русскія селенія, только минусинскій край совершенно свободенъ отъ русскихъ поселеній, если не считать Верхняго караульнаго округа, лежащаго на самой границѣ нынѣшнихъ красноярскаго и минусинскаго уѣздовъ. Лишь въ началѣ 18 вѣка, съ уходомъ киргизовъ русскимъ удалось утвердиться на этой окраинѣ.

Не посчастливилось минусинскому округу и въ нашей исторіографіи. Тогда какъ о заселеніи другихъ областей Сибири имѣются монографіи; не говоря уже о работахъ Буцинскаго на-Томской губерніи напримѣръ посвящена интересная работа Бѣликова„ Первые русскіе насельники крестьяне Томскаго края“ въ сборникѣ. Научные очерки Томскаго края, Томскъ, 1898, по исторіи водворенія русскихъ въ минусинскомъ краѣ въ литературѣ ничего не имѣется, если не считать нѣсколькихъ общихъ фразъ. большей частью, ошибочныхъ въ работахъ Латкина, Григорьева, Адріанова. Остался почти неиспользованнымъ даже печатный матеріалъ, помѣщенный въ сборни-

кахъ документовъ по исторіи Сибири и показанія путешественниковъ, не говоря уже объ архивныхъ данныхъ. Говоря о незабвенныхъ заслугахъ Пестерова въ дѣлѣ изученія Минусинскаго края, великій географъ Карлъ Риттеръ пишетъ въ своемъ „Землевѣдѣніи Азіи“, сочиненіи стольже драгоцѣнномъ для историка, какъ и для географа: „Это (отчеты Пестерова) единственные источники, которыми мы можемъ располагать, хотя много подобныхъ имъ безъ всякой пользы для науки и правительственныхъ соображеній лежатъ вѣроятно въ деревянныхъ строеніяхъ сибирскихъ городскихъ архивовъ, превращаясь въ прахъ или пепелъ, и дѣлая болѣе и болѣе невозможною основательную исторію этого края“. (З. А., томъ II, С.П.Б. 1859, стр. 305). Со времени написанія этихъ словъ Риттеромъ положеніе еще ухудшилось. Архивъ города Красноярска сгорѣлъ во время пожара 1881 года, а положеніе волостныхъ и церковныхъ архивовъ Красноярскаго уѣзда „не оставляетъ возможности представить худшее“, по словамъ В. Анучина, занимавшагося ихъ обслѣдованіемъ. См. его работы по изслѣдованію волостныхъ и церковныхъ архивовъ Енисейской губерніи“ въ извѣстіяхъ Красноярскаго подотдѣла Восточно-Сибирскаго отдѣла Русскаго Географическаго общества, т. I, вып. VI, Красноярскъ, 1904, стр. 100—101.

При такихъ условіяхъ приходится считать счастливой для науки случайностью сохраненіе въ Минусинскомъ музеѣ архива Саянскаго острога, одного изъ форпостовъ русскаго владычества въ бассейнѣ верхняго Енисея. Сохранившіяся въ немъ данныя, пополненныя фактами, извлеченными изъ опубликованныхъ уже печатныхъ матеріаловъ и сочиненій путешественниковъ, дали намъ возможность сдѣлать попытку обрисовать положеніе Минусинскаго края въ XVIII вѣкѣ.

Читатель не поставитъ намъ въ вину неизбѣжные недостатки нашей работы, если приметъ во вниманіе полную неразработанность исторіи Сибири, особенно позднѣйшихъ ея періодовъ, начиная съ XVIII вѣка; не обслѣдованы мѣстные архивы, не изданы источники, почти отсутствуютъ монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ, не изучена мѣстная исторія, нѣтъ библіографіи (превосходное пособіе Межова появилось слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ. Изслѣдователь, приступающій въ наше время къ исторіи Сибири, имѣетъ мало возможности опереться на предшественниковъ, почти всю работу ему приходится продѣлывать самому.

Эксплуатируемая своей метрополіей въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, Сибирь привлекаетъ къ себѣ мало вниманія и со стороны ея ученыхъ изслѣдователей. Особенно вѣрно это въ примѣненіи къ изученію прошлаго Сибири.

Если еще по геологіи Сибири, по изслѣдованію ея флоры и фауны, ея географіи и экономическаго быта выходятъ все новыя и новыя работы, то разработка исторіи Сибири за послѣднія десятилѣтія почти совершенно пріостановилась. Не находятъ себѣ издателей даже гніющіе въ архивахъ сырые матеріалы, не говоря уже объ отсутствіи самостоятельныхъ изслѣдованій. Для Сибиряка прошлое его родины является неизслѣдованной областью, terra incognita. А между тѣмъ изученіе историческаго прошлаго отнюдь не является дѣломъ простой любознательности, оно имѣетъ огромное практическое значеніе. Только зная процессъ возникновенія и роста какого либо общественнаго учрежденія, можно оріентироваться и въ его современномъ положеніи, а слѣдовательно и работать надъ его преобразованіемъ, что является задачей всякаго сознательнаго общественнаго дѣятеля. Historia magister vitae, исторія—учительница жизни, говорилъ Цицеронъ. „Люди иногда чувствуютъ неловкость своего положенія, тяжесть общественнаго порядка, въ которомъ живутъ, но не умѣютъ ни опредѣлить, ни объяснить отчетливо этой тяжести и неловкости пишетъ, покойный Ключевскій. Историческое изученіе вскрываетъ неправильности въ складѣ общества, больно и смутно чувствуемыя людьми, указываетъ на ненормальное соотношеніе какихъ либо общественныхъ элементовъ и его происхожденіе и дастъ возможность сообразить средства возстановленія нарушеннаго равновѣсія... Такимъ образомъ изученіе нашей исторіи можетъ помочь намъ уяснить задачи и направленіе предстоящей намъ практической дѣятельности.. Опрѣдѣляя задачи и направленіе своей дѣятельности, каждый изъ насъ долженъ быть хоть немного историкомъ, чтобы стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ.“ Курсъ русской исторіи, часть I, стр. 40—42.

Велики и трудности самаго предмета сибирской исторіи. „Для нея нужно пишетъ Пыпинъ, содѣйствіе доисторической археологіи; изученіе разнообразныхъ восточныхъ народовъ, ихъ языка, древностей и этнографіи: архивныя изслѣдованія; изслѣдованія новѣйшаго гражданскаго быта Сибири и, наконецъ, изслѣ-

дованіе старыхъ Сибирскихъ нравовъ, обычаевъ и современнаго быта... Матеріалъ для сибирской исторіи такъ разнообразенъ, требуетъ столькихъ спеціальныхъ знаній и притомъ такъ мало имѣлъ предварительной разработки, что овладѣть имъ было бы не легко для одного человѣка". Исторія русской этнографіи т. IV, стр. 324 и 326.

Въ заключеніе приносимъ искреннюю благодарность Комитету Минусинскаго музея, благодаря которому настоящая работа выходитъ въ свѣтъ, въ особенности же бывшему завѣдующему музеемъ, В. М. Борейшѣ, и хранителю его, П. П. Тропину любезно содѣйствовавшимъ нашимъ занятіямъ. Указанія В. М. Борейши были намъ очень цѣнны при обработкѣ главы о горномъ дѣлѣ въ Минусинскомъ краѣ.